

Общественная палата
Российской Федерации
CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Международная научно-практическая конференция

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР: уроки для современного мира

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Общественная палата
Российской Федерации
CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Международная научно-практическая конференция

Мюнхенский сговор: уроки для современного мира

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва 2019

Международная научно-практическая конференция «Мюнхенский стовор: уроки для современного мира»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 26 сентября 2018 года / Под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2019. – 140 с.

Авторский коллектив:

Боев Борис, доктор по истории (Софийского университета) с защищенной диссертацией, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария)

Буневич Дмитрий Сергеевич, к. и. н., директор Института русско-польского сотрудничества

Буранок Сергей Олегович, д. и. н., профессор Самарского государственного университета

Карлей Майкл Джабара, Ph. D., профессор истории Монреальского университета (Канада)

Котляр Владимир Семёнович, д. ю. н., Чрезвычайный и Полномочный Посланник, член Совета по международному праву при МИД РФ

Мельтюхов Михаил Иванович, д. и. н., старший научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)

Монин Сергей Михайлович, к. и. н., доцент МГИМО МИД России

Назаров Олег Геннадьевич, д. и. н., обозреватель журнала «Историк»

Синдеев Алексей Александрович, д. и. н., профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН

Суржик Дмитрий Викторович, к. и. н., ученый секретарь Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН

Трухачёв Вадим Вадимович, к. и. н., доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ

Шевченко Кирилл Владимирович, д. и. н., профессор Филиала РГСУ в Минске, заведующий Центром евразийских исследований РГСУ в Минске (Белоруссия)

Шубин Александр Владленович, д. и. н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Янглева Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Точка зрения, высказанная автором (авторами) памятки, может не совпадать с мнением Общественной палаты Российской Федерации и ее членов.

Верстка, макет, иллюстрации – ООО «АРР-Продакшн».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>Сергей Орджоникидзе, Вероника Крашенинникова</i>	6
Мюнхенский сговор и его последствия. <i>Олег Назаров</i>	9
СССР против умиротворения агрессора: «Коллективная безопасность» и Мюнхенский сговор. <i>Александр Шубин</i>	16
Красная Армия и Чехословацкий кризис 1938 г. <i>Михаил Мельтюхов</i>	22
Мюнхенский сговор: некоторые мифы. <i>Дмитрий Суржик</i>	27
Польша и Судетский кризис. <i>Дмитрий Буневич</i>	32
Мюнхен-1938 и русины Чехословакии: неизвестный этноцид. <i>Кирилл Шевченко</i>	39
Уроки Мюнхенского сговора для Москвы. <i>Сергей Монин</i>	47
«Старые империи» и «новый мировой порядок»: реакция прессы США на Мюнхенский сговор. <i>Сергей Буранок</i>	53
Мюнхенские соглашения в финской публичной сфере: вчера и сегодня. <i>Марина Янглева</i>	58
Швейцарский нейтралитет накануне и после Мюнхенских соглашений. <i>Тамара Якова</i>	66
Гаага — Мюнхен — Сан-Франциско: о современной формуле европейской безопасности. <i>Алексей Синдеев</i>	74
К 80-летию Мюнхенского соглашения. <i>Владимир Котляр</i>	79
1938 год в современной Чехии. <i>Вадим Трухачёв</i>	83
Приветствие к конференции в Москве. <i>Борис Боев</i>	88
Приложение. «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934—1938 годы). <i>Майкл Джабара Карлей</i>	91

Сергей Орджоникидзе
Вероника Крашенинникова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы держите в руках сборник материалов прошедшей в стенах Общественной палаты Российской Федерации Международной научно-практической конференции «Мюнхенский сговор: уроки для современного мира», время проведения которой было приурочено к 80-летию подписания Мюнхенского договора.

В свете проводимой коллективным Западом в последнее время политики искажения истории, подмены базовых понятий, распространения антироссийских исторических концепций и попытки изменения культурных кодов Общественная палата посчитала чрезвычайно важным отметить эту дату и совместно с представителями научного сообщества расставить все точки над *i* и дать четкие оценки произошедшим 80 лет назад событиям.

Как писал Виктор Гюго: «Ясность истории неумолима. История таит в себе то странное и божественное свойство, что, будучи сама светом, и именно в силу того, что она свет, она бросает тень туда, где до этого видели сияние». Неумолимым является тот факт, что договор, заключенный главами правительств Англии, Франции и Италии 29 сентября 1938 года, о передаче Судетской области Чехословакии гитлеровской Германии стал образцовым примером предательства в государственном масштабе и прологом ко Второй мировой войне. Последовательно проводимая британским премьер-министром Н. Чемберленом политика умиротворения, кульминационной точкой которой стал Мюнхенский сговор, была, скорее, целенаправленной работой по отращиванию агрессии от своих стран и направлению её на Восток, прежде всего на Советский Союз.

Советский Союз был единственной страной, которая выразила политическое намерение и готовность оказать помощь Чехословакии, но правящие круги этой страны не приняли нашей поддержки. Советское правительство в этой связи заявило о том, что не может признать включение в состав Германской империи Чехии в той или иной форме правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права, справедливости и принципу самоопределения народов.

Мюнхенское соглашение лидеров четырёх европейских держав было нарушением устава Лиги Наций и грубым нарушением международного права в целом. К сожалению, и сегодня происходят подобного рода нарушения Устава Организации Объединённых Наций и нарушения международного права. К чему такие действия могут привести, в чём опасность политики с позиции силы, нам явственно показал Мюнхенский сговор.

Суть этого события ярко отразил памятный медальон, выпущенный Третьим рейхом в честь подписания Мюнхенского соглашения. На лицевой стороне медальона в ряд выстроились профили фюрера Гитлера, дуче Муссолини, премьер-министра Великобритании Чемберлена и премьер-министра Франции Даладье. За спиной Гитлера – голубь мира с оливковой ветвью. На обратной стороне медальона – уже не голубь, а имперский орёл Третьего рейха со свастикой. Пытаясь избежать войны ценой позора, образцовые демократии Западной Европы, по меткому прогнозу Уинстона Черчилля, в итоге получили и позор, и войну.

На территории Судет после 1 октября 1938 года были запрещены чешские партии, чешский язык, чешские книги, чешские газеты и многое другое. Если провести параллель между этими запретами 1938 года и тем, что мы сегодня

видим в некоторых европейских странах, особенно на Украине, то, естественно, напрашивается определённая историческая параллель, с чего, собственно, начинается фашизм и чем он заканчивается.

Международная обстановка для России в настоящее время ничуть не легче, чем та, которая складывалась для Советского Союза после Мюнхена. Из тогдашней сложной политической обстановки Россия сделала серьезные выводы, главным из которых стало чёткое понимание того, что внешняя политика должна идти реалистическим курсом и иметь сбалансированный многовекторный характер.

Значительный вклад в работу конференции внес сборник научно-популярных материалов «Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой». Хотелось бы выразить признательность доктору исторических наук Олегу Геннадьевичу Назарову, автору идеи и ответственному редактору книги, который также выступил редактором и нынешнего сборника статей, за его инициативу и неустанные усилия в борьбе за историческую истину. Особая благодарность всем авторам за участие в обоих коллективных трудах и за высокопрофессиональный научный подход.

Прошедшая конференция и нынешний сборник материалов конференции выполнили стоявшие перед участниками задачи, а именно продемонстрировали острую актуальность событий 80-летней давности и, что очень важно, донесли уроки и выводы той истории до молодого поколения с тем, чтобы оно сделало всё от него зависящее по недопущению аналогичных Мюнхенскому сговору трагических событий.

Сергей Орджоникидзе,

заместитель секретаря Общественной палаты
Российской Федерации,
Чрезвычайный и Полномочный Посол

Вероника Крашенинникова,

заместитель Председателя Комиссии Общественной палаты
Российской Федерации по развитию общественной дипломатии,
гуманитарному сотрудничеству и сохранению традиционных ценностей,
генеральный директор Института внешнеполитических
исследований и инициатив

Олег Назаров

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Конференция «Мюнхенский сговор: уроки для современного мира» посвящена ключевому событию на пути к Второй мировой войне. К 80-летию этого печального события нами с Вероникой Юрьевной Крашенинниковой подготовлен и опубликован сборник научно-популярных статей «Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой»¹. В нем всесторонне проанализированы предыстория, ход и результаты Чехословацкого кризиса 1938 года. Его авторы – российские и зарубежные исследователи – использовали большой массив документов, обнаруженных в архивах разных стран, мемуары и дневники участников событий, прессу разных государств мира. Ими рассмотрены различные аспекты Чехословацкого кризиса, дана оценка позиции и роли политических деятелей, дипломатов, военных и журналистов, принимавших то или иное участие в событиях вокруг Чехословакии.

Глубокий и непредвзятый анализ событий второй половины 1930-х годов ясно показывает, что именно соглашения, заключенные в столице Баварии с Адольфом Гитлером премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье и лидером фашистской Италии Бенито Муссолини, открыли путь германской агрессии. Получив Судетскую область Чехословакии, нацисты обрели огромные военные, материальные и людские ресурсы. Это позволило им вооружить вермахт, укрепить свою власть в Германии и ее позиции на международной арене.

Между тем, заметил в своих воспоминаниях Уинстон Черчилль, в 1938 году против Гитлера готовился заговор военных, которые считали опасной авантюрой планы фюрера по захвату Чехословакии. Во главе заговорщиков стояли генерал-полковники Людвиг Бек, Курт фон Хаммерштейн, Франц Гальдер, а также шеф военной разведки (абвера) адмирал Вильгельм Канарис и его заместитель полковник Ханс Остер. Из штатских деятелей в заговоре участвовали бывший обер-бургомистр Лейпцига и рейхскомиссар по ценам Карл Фридрих Гёрделер, президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, министр финансов Пруссии Иоганнес Попиц, теолог Дитрих Бонхеффер. Арестовать Гитлера заговорщики собирались в конце сентября². «Их планы остались теорией... Благоприятный для выступления момент остался неиспользованным, и ему никогда не будет суждено повториться», – констатировала немецкий историк Ингеборг Фляйшхауэр³. Уцелеть и укрепить свою власть в Германии Гитлеру помогли Париж и Лондон, подарившие ему Судеты. Фюрер достиг желаемого, а его престиж, как заметил американский историк Уильям Ширер, «взлетел на новую высоту»⁴.

По итогам 1938 года американский журнал Time признал Гитлера человеком года, написав: «Он порвал Версальский договор в клочья. Он снова вооружил Германию до зубов – или почти до зубов».

* * *

О позорной мюнхенской странице собственной истории на Западе всегда вспоминали редко и неохотно. Лишь некоторые исследователи имели мужество всесторонне изучать события 1930-х годов. А западные политики и журналисты, вместо того, чтобы серьезно проанализировать процессы, приведшие мир к беспрецедентно масштабной и кровопролитной войне, и вынести уроки из допу-

щенных ошибок, делали и делают всё, чтобы переложить ответственность за падение в бездну Второй мировой войны на Россию (раньше – на Советский Союз).

Расхожим штампом западной и прозападной пропаганды является утверждение, что причиной Второй мировой войны стал Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанный 23 августа 1939 года в Москве главами дипломатических ведомств гитлеровской Германии и СССР Иоахимом фон Риббентропом и Вячеславом Молотовым. Извращая официальное название этого документа, на Западе и кое-кто у нас называют его «пактом Молотова – Риббентропа». Примечательно, что аналогичное соглашение, которое 30 сентября 1938 года с Гитлером заключил Чемберлен, на Западе не называют «пактом Гитлера – Чемберлена». Декларацию о ненападении, подписанную 6 декабря 1938 года Риббентропом и министром иностранных дел Франции Жоржем Бонне, западные и прозападные историки, политики и журналисты также не величают «пактом Риббентропа – Бонне». Здесь, как и по многим другим вопросам, они руководствуются двойными стандартами.

Им следуют в Эстонии, Латвии и Литве. Например, подписанные 7 июня 1939 года в Берлине германо-эстонский и германо-латвийский договоры о ненападении в Эстонии и Латвии не называют «пактом Риббентропа – Сельтера» и «пактом Риббентропа – Мунтерса». В книге эстонского историка Магнуса Ильямарва «Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940 г.)» опубликована фотография, на которой Риббентроп в целях экономии времени подписывает договора о ненападении сразу с Мунтерсом и Сельтером⁵!

Впрочем, президент США Дональд Трамп превзошел по части пренебрежительного отношения к восточноевропейским сателлитам гитлеровского министра иностранных дел. В сентябре 2018 года весь мир облетела фотография. На ней президент Польши Анджей Дуда, согнувшись, стоял у края стола, за которым в президентском кресле восседал Трамп. В такой нелепой позе Дуда подписал договор о стратегическом сотрудничестве между Польшей и Соединенными Штатами. И хотя на «церемонии» подписания Дуде даже сесть не предложили, поляк подобострастно улыбался публично унизившему его американскому президенту⁶.

* * *

Популярное на Западе утверждение, что причиной Второй мировой войны стал советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года, опровергается многими фактами, которые, как правило, игнорируют фальсификаторы истории. Например, то, что план операции «Вайс», направленной против Польши, был разработан немецкими военными еще весной 1939 года. Абсурдно считать, что Германия могла перебросить свои войска к польской границе за несколько дней. Историк Михаил Мельтюхов обратил внимание на то, что Гитлер «в первой половине дня 23 августа, когда Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа». Только 25 августа в 19.30 был отдан приказ об отмене нападения. Но уже 28 августа Гитлер назвал новую дату вторжения — 1 сентября⁷.

Неудобные факты на Западе принято игнорировать и говорить о двух главных виновниках Второй мировой войны — Германии и СССР. Тем самым крупнейшие преступники в истории человечества и наши деды и прадеды, которые совершили величайший подвиг и спасли мир от «коричневой чумы», ставятся в один ряд. Причем фальсификацией истории занимаются и политики тех государств, которые в годы войны либо являлись сателлитами нацистской Германии, либо годами в поте лица трудились на Гитлера.

Как, например, это делали чехи. Осуждая Мюнхенский сговор, мы не должны забывать о том, что Чехословакия, имея вооруженную современным оружием армию, оказывать вооруженное сопротивление немцам не стала. Всё оружие и боеприпасы чехи безропотно передали вермахту. Как заявил Гитлер в рейхстаге, удалось захватить 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43876 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн винтовок, 114 тыс. пистолетов, 1 млрд патронов, 3 млн снарядов⁸.

Более шести с половиной лет, до мая 1945 года, чехи работали на немцев, производя новое вооружение. Из него были убиты миллионы советских граждан. Нам надо почаще напоминать чехам об этом. Как и о той роли, которую сыграл Чехословацкий корпус в эскалации Гражданской войны, вмешавшись во внутренние дела России в 1918 году⁹.

* * *

Мифы циничных фальсификаторов истории опровергнуты множеством надежно установленных фактов. Однако это никогда особо не мешало западным и прозападным пропагандистам игнорировать все неудобные для них документы и аргументы и продолжать с остервенением клеймить так называемый «пакт Молотова — Риббентропа». Зато о договорах, заключенных с гитлеровской Германией лидерами западных демократий¹⁰, любители проклинать советско-германский договор предпочитают вообще не упоминать. Ведь такие воспоминания и факты портят имидж защитников свободы и демократии. Хотя если чуть-чуть приглядеться, то можно увидеть на белоснежных одеждах, в которые так любят рядиться западные политики, несмываемые следы крови и грязи.

Если снять сериал на тему скатывания мира в бездну Второй мировой войны, то серия о советско-германском договоре о ненападении окажется двадцатой, а может быть, тридцатой или сороковой. Начинать анализ надо с Версальского мирного договора 1919 года. Верховодившие в Версале Великобритания и Франция так мастерски нарезали новые границы, что недовольными ими остались почти все, кроме Парижа и Лондона.

В одной из первых серий стоило бы рассказать о том, кто помог Гитлеру прийти к власти в Германии. Потом поведать о «Пакте согласия и сотрудничества», который подписали 15 июля 1933 года в Риме Великобритания, Франция, Италия и Германия.

Затем надо было бы подробно рассказать о договоре, который 26 января 1934 года заключили Польша и Германия.

Экранизации заслуживает Гражданская война в Испании, на полях которой германские и итальянские войска получили ценный боевой опыт. Стоит вспомнить и о захватах Италией Абиссинии (Эфиопии) и Албании.

Крайне интересной была бы серия о тайной встрече Эдуарда Галифакса с Гитлером 19 ноября 1937 года в Германии¹¹. В ходе секретных переговоров лорд-председатель Королевского тайного совета Великобритании не стал скрывать от фюрера Третьего рейха того, что при условии сохранения целостности Британской империи Лондон предоставит Берлину свободу рук в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига.

В марте 1938 года Германия осуществила аншлюс Австрии. 12 марта в Вену прибыл канцлер Третьего рейха. Историк Олег Айрапетов напоминает: «С балкона Нового замка Гитлер провозгласил аншлюс Австрии. Счастливые венцы вопили от восторга. 6 бригад австрийской армии стали частью вермахта. Как и подготовленный резерв этой страны. Вермахт получил 1600 подготовленных офицеров, в которых он очень нуждался»¹².

Несмотря на очевидное усиление Германии, большинством британских политиков аншлюс был встречен спокойно, почти равнодушно. Промолчала и Прага. Накануне аншлюса председатель рейхстага Герман Геринг встретился с посланником ЧСР в Германии Войтехом Мاستным и заверил его в том, что у Третьего рейха нет враждебных намерений в отношении Чехословакии. Геринг настаивал на том, что аналогии в отношениях между Германией и Чехословакией с политикой Берлина в отношении Австрии неуместны. По его словам, аншлюс Австрии — «семейное дело» двух ветвей единого немецкого народа! Геринг предупредил Мастного, что проведение мобилизации в ЧСР Берлин сочтет за провокацию. Это говорил политик, за глаза сравнивавший контуры Чехословакии с сосиской и считавший их «вызовом здравому смыслу». Свои успокоительные заявления Геринг делал с целью предостеречь Прагу от демаршей в связи с захватом Германией Австрии. Их и не последовало.

Следующим объектом германской агрессии стала сама Чехословакия. 30 мая начальник оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) генерал-майор Альфред Йодль записал: «Фюрер подписал план «Грюн», который является окончательным свидетельством его решения скоро уничтожить Чехословакию»¹³.

В 1938 году остановить Гитлера можно было коллективными усилиями двух государств. Оценивая шансы сторон в возможной войне из-за Чехословакии, пишет историк Сергей Буранок, американская газета New York Times 26 сентября 1938 г. небезосновательно дала такой прогноз: «Война и блокада Германии предрешили бы капитуляцию через шесть месяцев после первого выстрела в новой мировой войне».

Дать коллективный отпор агрессору многократно призывал Советский Союз. Однако Лондон и Париж их игнорировали. Черчилль вспоминал: «К ним относились с равнодушием, чтобы не сказать – с презрением... События шли своим чередом, так, как будто Советской России не существовало».

В сентябре 1938 года британские и французские политики предпочли отдать демократическую Чехословакию на растерзание нацистам. Наиболее дальню-

видные из них сомневались в том, что это приведет к миру в Европе. 30 сентября посол СССР в Великобритании Иван Майский сообщал в Москву о своей беседе с заместителем министра иностранных дел Великобритании Александром Кадоганом, который «решительно раскритиковал соглашение, подчеркнув, что оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны». Небезынтересно, что Кадоган «согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей видимости, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем»¹⁴. Его прогноз подтвердился очень скоро.

Последствия Мюнхенского сговора оказались катастрофическими. Причем не только для Чехословацкой Республики, от которой была отторгнута и передана Германии Судетская область со всеми находившимися на ее территории материальными ценностями. Эдвард Бенеш, которого Гитлер люто ненавидел, подал в отставку с поста президента Чехословакии. На прощальной встрече с депутатами парламента он произнес: «Нас покинули и предали. Это трусливые люди... Они боятся войны и считают, что Чехословакия может быть ее причиной». Бенеш сформулировал дилемму, перед которой оказалось руководство ЧСР: «Это было трудное решение — принять условия и спасти народ или вступить в борьбу и дать себя истребить». Далее он заключил: «История рассудит, что было правильным... Состояние западных демократий безотрадное. На них нельзя положиться...».

История доказала, что правильным было воевать с нацистами, а не работать на них. Полагаться же на западные демократии всегда было делом рискованным. В этом состоит один из важнейших уроков Мюнхена, актуальный и в XXI веке.

Бенеш, который назвал англичан и французов трусами, с не меньшим основанием мог бы адресовать такое обвинение себе и всему руководству ЧСР, которое не нашло в себе сил призвать чехословацкий народ к сопротивлению. Вместо того, чтобы поднять народ на борьбу с немецкими, польскими и венгерскими захватчиками для защиты суверенитета и территориальной целостности страны, руководители Чехословакии капитулировали.

Как и предупреждал Советский Союз, передача Германии Судет не умиротворила нацистов, а увеличила их аппетиты и укрепила уверенность в своей силе. Мюнхенский договор стал важнейшим шагом к началу Второй мировой. Он не был результатом случайного стечения обстоятельств или непродуманных действий британских и французских политиков. Напротив, он явился закономерным итогом проводившейся Лондоном и Парижем «политики умиротворения» нацистской Германии за счет интересов и территорий третьих стран.

Сноски к главе

- 1 Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. – М.: Кучково поле, 2018. – 272 с.: ил.
- 2 См. подробнее: Хавкин Б. Как Лондон и Париж спасли фюрера от гибели. Антигитлеровскому заговору, который предотвратил бы Вторую мировую войну, помешал Мюнхенский сговор http://nvo.ng.ru/history/2018-10-12/12_1017_fuhrer.html Дата обращения: 25.10.2018.
- 3 Фляйшхауэр И. Пакт Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938 – 1939. М.: Пер. с нем. / Вступ. сл. Фалина В.М. Предисл. Безыменского Л.А. – М.: Прогресс, 1990. С.42.
- 4 Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М.: Политиздат, 1992. С.21.
- 5 Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940 г.). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. – 806 с.: ил.
- 6 Официальная Варшава решила заплатить два миллиарда долларов за американскую военную базу на своей территории. СМИ отмечали, что перед вылетом в Вашингтон Дуда, решив воспользоваться тем, что хозяин Белого дома по натуре очень тщеславен, предложил назвать эту базу «Форт Трамп» (<http://www.km.ru/world/2018/09/20/mirovaya-ekspansiya-ssha/829679-progib-ne-zaschitan-lest-dudy-trampu-obernulas-uniz> Дата обращения: 22.09.2018).
- 7 Мельтюхов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918-1939. М.: Вече, 2009. С. 245, 246, 248.
- 8 Историк. 2018. №9. С. 20.
- 9 Назаров О. Восстание Чехословацкого корпуса // Историк. 2018. №5.
- 10 Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой. С. 264, 265.
- 11 Запись беседы Гитлера с лордом-председателем Тайного совета Великобритании Галифаксом, 19 ноября 1937 г. Цит. по: «Накануне и после Мюнхена. К 80-летию «Мюнхенского сговора». (<http://munich.rusarchives.ru/index>).
- 12 Айрапетов О. Незабываемый 1938-й, который так выгодно не помнить. <https://regnum.ru/news/2487121.html> Дата обращения: 02.10.2018.
- 13 Марьина В.В. СССР – Словакия 1939 – 1945 гг.: военно-политические аспекты. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 43.
- 14 Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР, 30 сентября 1938 г. Цит. по: «Накануне и после Мюнхена. К 80-летию «Мюнхенского сговора» (<http://munich.rusarchives.ru/index>).

Александр Шубин

**СССР ПРОТИВ
УМИРОТВОРЕНИЯ
АГРЕССОРА:
«КОЛЛЕКТИВНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ»
И МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР**

История умиротворения — классический пример краха терпимости ко злу. Ее уроки актуальны и для нашего времени: терпимость к радикальному национализму и агрессии ведёт к международной катастрофе. В ловушку попадали и сами умиротворители, конструиовавшие европейскую ситуацию, руководствуясь национальным эгоизмом. Самое обидное для адвокатов западных «демократий» в этих условиях то, что «полюсом добра» в 1938 г. была Москва. Как бы ни относиться к политике Иосифа Сталина, которая в других отношениях была иногда чудовищной, именно СССР был 80 лет назад ведущим защитником коллективной безопасности в Европе от нацистской агрессии и ее умиротворителей.

Позиция СССР в Судетском кризисе определялась стремлением тормозить продвижение Германии на восток, опираясь на скромные успехи политики «коллективной безопасности», выразившиеся в 1935 г. в заключении советско-французского и советско-чехословацкого договоров. В то же время в СССР имели все основания опасаться, что советско-чехословацкие действия не будут поддержаны Францией и в этом случае СССР окажется втянутым в войну с Германией без поддержки Великобритании и Франции. В такую геополитическую ловушку Сталин не собирался попадаться. Поэтому-то в текст советско-чехословацкого договора 1935 г. было включено условие участия Франции в совместных оборонительных действиях. 1 сентября 1938 г. СССР еще раз призвал французское правительство созвать совещание представителей трех генштабов и принять совместную декларацию Великобритании, Франции и СССР в защиту ЧСР¹.

С учетом известных нам результатов Судетского кризиса советская позиция в оценке германской угрозы выглядит пророческой. Максим Литвинов говорил министру иностранных дел Великобритании Эдуарду Галифаксу: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровские мотивировки... за чистую монету. Англия делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев и что стоит эти права расширить, как опасность может быть немедленно устранена. На самом же деле Гитлеру так же мало дела до судетских, как и до тирольских немцев; речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе»². В принципе, умудренные опытом английские дипломаты тоже не принимали аргументы Гитлера за чистую монету. Казалось, что Гитлер поэтапно решает задачи расширения Германии на Восток.

17 сентября министр иностранных дел Чехословакии Камил Крофта заявил, что «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать от него согласно договору»³. Но в условиях, когда СССР не имел возможности направить свои войска в центр Европы, Эдвард Бенеш решил ставить на британский арбитраж. Он говорил британскому послу Б. Ньютону 17 мая: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, однако если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит»⁴.

Как известно, посредничество Чемберлена в августе-сентябре 1938 г. выразилось в последовательных уступках Гитлеру, аппетиты которого от этого только распалялись.

21 сентября, выступая в Лиге Наций, Литвинов раскритиковал как агрессор-

ров, так и тех, кто снисходительно относится к нарушениям норм международного права. Он подтвердил, что СССР готов оказать военную помощь ЧСР.

Но Польша и Румыния не давали прохода Красной Армии. Более того, Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехословакии. Подключив к чехословацкой проблеме Венгрию и Польшу, Гитлер создал новый восточный блок. Перспектива урвать кусок соседа сплачивала сильнее, чем когда-то выдвигавшиеся Литвиновым и Барту соображения коллективной безопасности. Польша и Венгрия требовали референдума во всех частях Чехословакии. 21 сентября Польша потребовала от Чехословакии отдать Тешинский округ. Уговоры британских и французских представителей повременить с этим оказались безрезультатными – поляки отвечали, что и так слишком много ждали, и если обстановка изменится, то Чехословакия вряд ли вернется к этой теме. 25 сентября Чехословакия в принципе согласилась на уступки Польше.

22 сентября генлейновцы захватили города Аш и Эгер. 22 сентября Гитлер и Чемберлен встретились в Годесберге на Рейне. Теперь Гитлер требовал еще больших территорий и кратчайших сроков занятия несомненно немецких районов, а также плебисцита в остальной части Судет. Чемберлен был крайне раздражен. Он понимал, что, если соглашение сорвется, его политическая карьера может закончиться крахом. Ведь он и так слишком далеко зашел, убеждая политическую элиту Великобритании, что с Гитлером можно договориться. Но договориться не удавалось. Чтобы не считать переговоры полностью провалившимися, Чемберлен предложил Гитлеру изложить свои требования, которые британский премьер передаст руководству ЧСР, выступив «в роли почтальона».

Гитлер дал Чемберлену карту, на которой были обозначены территории, требуемые Германией. Это были все земли, где компактно жили судетские немцы, даже если они были в меньшинстве. Причем чешское население должно было за два дня 26–28 сентября очистить их, оставив имущество.

Ответ Чехословакии на ультиматум был как нельзя более гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов»⁵. Эта гордая формула сохраняла силу несколько дней.

В Праге начался грандиозный патриотический митинг, на который собралось около 250 тысяч человек. На нем уже председательствовал коммунист Йозеф Кроснарж и выступали представители всех направлений — от правого радикала Радолы Гайды до коммунистов. Генерал Ян Сыровый заявил на митинге, что армия только ждет приказа, чтобы вступить в бой⁶. 23 сентября он возглавил правительство.

24 сентября после совещания с Эдуардом Даладьё министр Пьер Кот заявил журналистам, что «Франция выполнит свой долг по отношению к Чехословакии»⁷.

Германия развернула против Чехословакии 37 дивизий (в том числе 7 танковых и моторизованных). Еще 14 дивизий нужно было держать против Франции и 8 в резерве. Чехословакия развернула 25 дивизий и еще 8 бригад. Соотношение по артиллерии было более 15200 на 5700 орудий, по авиации — более 3300 на более 1500, по танкам — 2400 на около 400 танков и танкеток. Чехословацкая армия опиралась на 8 крепостей, 725 тяжелых дотов и 8774 дзота. Франция мобилизовала полтора миллиона человек, из которых развернула на границе с Германи-

ей 896 тыс. (37 дивизий) при более чем 1200 танков и 1600 самолетов. За спиной Франции стояла Великобритания с 20 дивизиями (400 тыс.) при 375 танках и более 1700 самолетов первой линии. Соотношение сил было явно не в пользу Германии. Правда, против Чехословакии разворачивалась группировка польских войск почти в 36 тыс. при 270 орудиях, более 100 танков и танкеток и более 100 самолетов. Но к польской границе выдвинулись почти 270 тыс. красноармейцев при более чем 2200 орудий и 2000 танков. На Волыни, близ советских границ, проводили учения пять польских дивизий и другие войска⁸. Польша явно готовилась к отражению советского удара и могла вот-вот стать союзником Германии в Европейской войне.

22 сентября замнаркома иностранных дел СССР Владимир Потёмкин подтвердил чехословацкому послу Зденеку Фирлингеру, что СССР готов соблюдать советско-чехословацкий пакт, но советскому руководству не ясно, как поведут себя Чехословакия и Франция⁹. В этих словах чувствовался скепсис и раздражение — вопрос о проходе советских войск к границам Чехословакии все еще не был решен. 23 сентября Фирлингер торжественно заявил Потёмкину, что «новое правительство Чехословакии проникнуто твердой решимостью оборонять независимость страны, даже в том случае, если бы Чехословакия осталась совершенно одинокой»¹⁰.

23 сентября СССР пригрозил Польше, что в случае ее вооруженного вторжения в ЧСР будет разорван советско-польский пакт о ненападении. Польское правительство ответило резко, отвергнув вмешательство в дела Польши с Чехословакией. В конце сентября в боевую готовность была приведена часть войск Киевского, Белорусского и других военных округов. Из запаса было призвано 328,7 тыс. человек¹¹.

Было немаловажно, что Чехословакия имела «потенциальное значение авиационной базы России»¹². Несмотря на отсутствие разрешения на пролет советской авиации над чужой территорией, 28 сентября нарком обороны СССР доложил о готовности к переброске в ЧСР 548 военных самолетов. Всего на западе страны было сосредоточено 2690 самолетов¹³ — внушительная по тем временам сила.

Чемберлен не оставлял надежд спасти мир в этой безвыходной ситуации. 26 сентября он направил Гитлеру новое предложение о встрече. Взвесив ситуацию, Гитлер 27 сентября направил Невиллу Чемберлену телеграмму, в которой предложил передать это дело «на ваш суд», обсудив способ проведения плебисцита в Судетах.

Смысл политической философии западной властной элиты Чемберлен изложил в своей речи вечером 27 сентября: «Страшно, невероятно, немыслимо! Мы роём траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем...»¹⁴. Полезно больше знать о людях, судьбы которых берешься решать. Британские лидеры, в фарватере которых действовали французские, были готовы под любым предлогом отступить от грани войны.

29 сентября Гитлер, Чемберлен, Даладьё и Бенито Муссолини заключили соглашение о фактическом разделе Чехословакии. 1—10 октября немецкие войска должны были занять обширные территории, превышавшие по размерам Суде-

ты. Чехословакия несла ответственность за сохранность сооружений и имущества, которое оставалось немцам. Международная комиссия, в которую пустили и представителей Чехословакии, должна была решать все спорные проблемы и затем провести референдумы в районах со смешанным населением — жители сами должны были определить, кому они будут принадлежать¹⁵. Такое право не давалось больше никому в Европе. Впрочем, судетским чехам этого права тоже в итоге не предоставили. Комиссия решала все проблемы в пользу Гитлера, референдумы отменили 13 октября — все смешанные территории были переданы Германии. Лишь бы не было войны. Британия и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии. Германия согласилась присоединиться к этим гарантиям, когда будут удовлетворены претензии также Венгрии и Польши¹⁶.

После подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен и Даладье вызвали представителей расчленяемой страны. Делегация во главе с послом Войтехом Мاستны и представителем МИД Губертом Масаржиком ждала результатов уже несколько часов. В 10 вечера Вильсон коротко проинформировал представителей Чехословакии о предстоящем решении, но на возражения отвечать не стал. В полвторого ночи представителей ЧСР пригласили в зал, который уже покинули германская и итальянская делегации. Чемберлен и Даладье сообщили им об итогах конференции.

5 октября Бенеш подал в отставку и позднее покинул страну. На прощание Бенеш заявил: «На Востоке Чехословакия имеет друга, заверившего ее в своей помощи и до конца оказавшегося верным своим обязательствам, чего забывать нельзя и на что нужно ориентироваться»¹⁷.

В сложившейся ситуации СССР был выдавлен из Европы на рубежи допетровских времен, и, по мнению влиятельных британских политиков, ему предстояло стать еще одним «Китаем» или «Эфиопией» — пространством, где Германия и Япония могли без ущерба для Великобритании и Франции решить свои проблемы, растрачивая накопившуюся агрессивную энергию.

В ноябре 1938-го — марте 1939 года дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией»¹⁸. 30 ноября советник Чемберлена Горас Вильсон не без злорадства говорил советскому послу Ивану Майскому: «Следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»¹⁹.

Несмотря на все попытки коммунистов казаться более «цивилизованными», они попали в изоляцию. Несмотря на очевидный крах политики «коллективной безопасности», советское руководство не собиралось от неё отказываться. Но в результате Мюнхенскогоговора был приобретен важный опыт, и отношение к сотрудничеству с Великобританией и Францией изменилось. Теперь СССР не делал ставку на «коллективную безопасность», был готов варьировать направления борьбы за свои государственные интересы.

Сноски к главе

- 1 Случ С.З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 135.
- 2 Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1938. М., 1979. С. 122.
- 3 Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958. Т. 2. С. 91.
- 4 Документы по истории Мюнхенского сговора. С.107.
- 5 Там же. С. 148.
- 6 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 330.
- 7 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 367.
- 8 Мельтюхов М.И. Красная Армия в условиях нарастания международного кризиса 1938–1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 226–231.
- 9 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 289.
- 10 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 291.
- 11 См. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 167–172.
- 12 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 129.
- 13 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 172.
- 14 Цит. по: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 440.
- 15 Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 287–293.
- 16 Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 294.
- 17 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 392.
- 18 Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 201.
- 19 Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 658.

Михаил Мельтюхов

КРАСНАЯ АРМИЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1938 г.

В последние годы в отечественной историографии появились работы, авторы которых поставили под сомнение готовность и желание советского руководства выполнить советско-чехословацкий союзный договор 1935 г. и прийти на помощь Чехословакии в период кризиса 1938 г. Таким образом, уже давно известные тезисы апологетов «умиротворения» Германии за счет ее восточных соседей теперь озвучены и в российской историографии. Правда, доступные документы показывают, что в 1938 г. советское руководство прекрасно понимало, что организация поддержки Чехословакии зависит от позиции Великобритании и Франции, основной внешнеполитической целью которых было стремление направить германскую экспансию на Восток. Сделав ставку на соглашение с Германией, Лондон и Париж всячески уклонялись от любых советских предложений, которые могли привести к ухудшению их отношений с Берлином.

Продолжая действовать в рамках концепции «коллективной безопасности», что отвечало не только советским интересам, но и тем международным нормам, которые декларировались в то время ведущими мировыми державами, советское руководство постаралось договориться с Великобританией и Францией о поддержке Чехословакии. Всего в течение 6 месяцев Советский Союз 10 раз официально заявлял о своей готовности оказать поддержку Чехословакии. Кроме того, 4 раза об этом конфиденциально сообщалось Франции, 4 раза — Чехословакии и 3 раза — Великобритании. Советская сторона трижды предлагала провести переговоры генеральных штабов Франции и один раз Великобритании, однако никакого ответа получено не было. Настораживало Москву и все более явное польско-германское античехословацкое сотрудничество.

В условиях эскалации Чехословацкого кризиса 1938 г., чреватого возникновением войны, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и Советский Союз, Главный военный совет РККА 24 июня и 14 июля предложил создать Калининский (КалВО) и Орловский (ОрВО) военные округа, а также реорганизовать Белорусский (БВО) и Киевский (КВО) военные округа в Особые с формированием в них управлений 6 армейских групп (АГ). Тем самым фактически создавались два скрытых фронтовых управления и в закамуфлированном виде воссоздавались обычные управления армий. Проведение всех этих организационных мер облегчало бы процесс мобилизационного развертывания советских вооруженных сил на Западном ТВД. Соответственно, 26 июля нарком обороны издал приказы № 0151 о реорганизации БВО и № 0152 о реорганизации КВО, а 28 июля — приказ № 0154 об образовании КалВО и ОрВО. Все эти организационные мероприятия в Красной Армии были 28 июля утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлены 29 июля постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 173сс/ов «О создании новых военных округов».

В конце сентября 1938 г. ситуация в Европе обострилась, и возникла угроза, что Чехословакия не капитулирует, а будет воевать. В этой ситуации Германия, Чехословакия, Франция и Польша провели ряд военных мероприятий по призыву резервистов и развертыванию войск в приграничной зоне.

В период сентябрьского кризиса 1938 г. командование Красной Армии провело ряд серьезных мер по повышению боеготовности войск. В 18 часов 21 сентября Военный совет КОВО получил директиву наркома обороны о приведении

в боевую готовность и сосредоточении войск у границы с Польшей с целью проведения «крупных учений». К 23—24 сентября в районе Новоград-Волынский, Ямполь, Шепетовка, Барановка сосредоточивались войска Житомирской АГ (командующий — комдив Фёдор Ремезов). В районе Волочиск, Каменец-Подольск, Ярмолинцы, Проскуров следовало сосредоточить Винницкую АГ (командующий — комдив Фёдор Иванов). 60-я стрелковая дивизия сосредотачивалась для учений в районе Овруча, 7-я стрелковая дивизия — в районе Чернигова. 99-я стрелковая дивизия развернулась в районе Гайсин, Вапнярка, заняв одним полком Могилёв-Ямпольский УР, а 95-я стрелковая дивизия — в районе Котовск, Балта, Ананьев. В Жмеринке, Казатине, Проскурове, Киеве, Шепетовке были развернуты пункты ПВО и приведены в боевую готовность Коростеньский, Новоград-Волынский, Летичевский, Могилёв-Ямпольский, Рыбницкий и Тираспольский УРы.

21 сентября 2-я авиационная армия особого назначения получила указание Генерального штаба о перебазировании из района Воронежа, Курска и Орла на территорию КОВО в районы Белой Церкви и Умани для участия в проводимых мероприятиях. 23 сентября КалВО также получил директиву наркома обороны о выдвигении к государственной границе в район Себежа 67-й стрелковой дивизии, а в Великих Луках и Себеже были развернуты пункты ПВО.

В 23.45 23 сентября Военный совет БОВО получил директиву наркома обороны о приведении в боевую готовность и выдвигении к государственной границе войск Витебской АГ (командующий — комдив Фёдор Кузнецов), которые должны были сосредоточиться в районе Сарья, Ветрино, Березно, Бегомль. В районе севернее Плещеницы, Заславль, Минск, Дзержинск, Узда, Тимковичи, Семежево развертывались войска Бобруйской АГ (командующий — комбриг Василий Чуйков). В районе Слуцка начались учения 4-й стрелковой, а западнее Мозыря — 52-й стрелковой дивизии. В Слуцке, Бобруйске, Жлобине, Пуховичах, Могилеве, Минске, Борисове, Орше, Витебске и Полоцке были развернуты пункты ПВО и приведены в боеготовность Полоцкий, Минский и Мозырский УРы.

По неполным данным, развертываемые в приграничных районах советские войска насчитывали 269 270 человек, 86 497 лошадей, 2 279 орудий, 2 055 танков. В общей сложности в боевую готовность были приведены 5 стрелковых, 3 кавалерийских и 1 танковый корпус, 21 стрелковая и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых и 1 мотострелково-пулеметная бригада, 7 укрепленных районов, 12 авиационных бригад, а также части тылового обеспечения. Кроме того, в ЛВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО и МВО была подготовлена к действиям вся система противовоздушной обороны — 2 корпуса, 1 дивизия, 2 бригады и 16 полков ПВО, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также ряд отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов. Сосредоточенная в КалВО, БОВО и КОВО авиационная группировка насчитывала к 1 октября 2 690 самолетов из 7 022, имевшихся в строевых частях ВВС Красной Армии.

В связи с проведением военных мероприятий в Польше нарком обороны СССР маршал Климент Ворошилов 25 сентября просил правительство о разрешении призвать 167 тыс. человек приписного состава. В тот же день это предложение было утверждено Политбюро ЦК ВКП(б), а 26 сентября оформлено постановлением СНК СССР № 1035-256сс. Уже утром 26 сентября Военные советы

ЛВО, БОВО, КОВО, ХВО, МВО и ОрВО получили соответствующие приказы наркома обороны. В тот же день нарком обороны просил правительство «разрешить привлечь на учебные сборы» 4 500 артиллерийских лошадей, 1 175 грузовых и 190 легковых автомашин и 700 гусеничных тракторов. 27 сентября эти предложения были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлены 28 сентября постановлением СНК СССР № 1039-257сс.

28 сентября военные округа получили телеграмму начальника Генштаба с приказанием «красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии не увольнять». В тот же день нарком обороны доложил правительству о готовности направить в Чехословакию 8 авиаполков из БОВО, КОВО и ХВО, в которых насчитывалось 548 боевых самолетов. Одновременно маршал Ворошилов предложил правительству «расширить проводимые нами мероприятия» и призвать из запаса еще 180 тыс. человек, 22 000 лошадей и 3 400 грузовых автомашин. 29 сентября эти предложения наркома обороны были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б), а 30 сентября оформлены постановлением СНК СССР № 1047-261сс.

Соответственно, уже 29 сентября нарком обороны издал директивы о призыве приписного состава в дополнительно приводимые в боевую готовность в КОВО, БОВО, ЛВО и КалВО 17 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, 2 танковых корпуса, 16 танковых и 2 мотострелково-пулеметные бригады и 34 авиационные базы. Кроме того, призыв резервистов начался в войсках МВО, ХВО, ОрВО, СКВО, ПриВО и УрВО, затронув еще 30 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 3 танковые бригады и 34 авиационные базы. Всего в Красную Армию в конце сентября — начале октября 1938 г. было призвано из запаса 328 762 человека (комначполитсостава — 34 607, младшего начальствующего и рядового состава — 294 155), 27 550 лошадей, 4 208 автомашин и 551 трактор. Из имевшихся в Красной Армии 18 664 танков и 2 741 бронемашин 3 609 танков и 294 бронемашин находились в войсках БОВО, а 3 644 танков и 249 бронемашин — в войсках КОВО.

В связи с подписанием Мюнхенского соглашения между Великобританией, Францией, Германией и Италией и нормализацией ситуации в Восточной Европе нарком обороны 16 октября просил правительство разрешить 20—25 октября «распустить призванный из запаса на войсковые сборы рядовой и начальствующий состав, лошадей и автотранспорт». В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это предложение маршала Ворошилова. 17 октября это решение было оформлено постановлением СНК СССР № 1113-274сс, а нарком обороны направил Военным советам СКВО, КалВО, УрВО, ПриВО, БОВО, КОВО, ЛВО, ХВО, ОрВО и МВО директивы №№ 75700—75709 соответственно об увольнении призванного приписного состава, лошадей и автотранспорта¹.

Таким образом, в условиях Чехословацкого кризиса советское правительство не только неоднократно четко заявляло о своей позиции, но и предприняло соответствующие военные меры по подготовке к оказанию помощи Чехословакии. Однако именно Франция и Чехословакия отказались от военных переговоров, а Великобритания и Франция блокировали советские предложения об обсуждении проблемы коллективной поддержки Чехословакии через Лигу Наций. Тем не менее советское руководство посчитало себя обязанным подготовиться на случай возникновения войны в Европе, что, несмотря ни на какие сомнения,

всё же служит решающим свидетельством его готовности поддержать своих союзников в войне с Германией. Вместе с тем в Кремле вовсе не собирались очертя голову бросаться в войну без учета общей политической ситуации. Одно дело участвовать в войне двух блоков европейских государств, а совершенно другое — воевать с Германией, пользуясь, как минимум, нейтралитетом Великобритании и Франции. Такой опыт у СССР уже имелся по событиям в Испании, и повторять его в общеевропейском масштабе в Москве явно не спешили.

Сноски к главе

- ¹ Подробнее см.: Мельтюхов М.И. Советско-польские конфликты 1918—1939 гг. М., 2017. С. 178—196; Мельтюхов М.И. Красная Армия и Чехословацкий кризис 1938 г. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой. М., 2018. С. 89 - 110.

Дмитрий Суржик

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР: НЕКОТОРЫЕ МИФЫ

Мюнхенское соглашение 1938 г. в отечественной историографии называется сговором, и сегодня, как мне кажется, нет причин отходить от этой трактовки. Ведь юридическая наука однозначно определяет сговор как «предварительную, предшествующую совершению каких-либо действий, не оглашаемую договоренность нескольких участников таких действий действовать определенным образом в собственных интересах и в ущерб интересам других субъектов. Обычно сговор носит противоправный, противозаконный характер и ущемляет интересы государства либо третьей стороны»¹. Таким и было содержание документа, подписанного ночью с 29 на 30 сентября 1938 г. в Мюнхене между гарантами демилитаризации Германии и безопасности Чехословакии с одной стороны и – с другой стороны – вооружившимся агрессором, претендовавшим на захват территории суверенного государства. Сделка была заключена за счет третьей стороны, которую, как мы знаем, оповестили лишь об итогах этих переговоров.

И тем не менее ни одна из «демократических сторон», подписавших мюнхенские соглашения, не подверглась никакому осуждению (если не считать знаменитой фразы Уинстона Черчилля и реакции со стороны СССР). Более того, можно говорить о том, что некоторые аспекты, связанные с мюнхенским сговором, тонко искажаются.

Один из таких искажаемых вопросов – миф о том, что «коллективный Запад» не знал, с кем имеет дело². О том, что гитлеровский режим перевооружается в нарушение Версальского договора и готовится к агрессии, «западные демократии» знали с его первых дней. Как красноречиво свидетельствуют записи из политического дневника главы Внешнеполитического бюро НСДАП (фактически – теневого МИДа) Альфреда Розенберга, об угрозе нацистского режима миру многократно заявляли в иностранной прессе «консерваторы» из рейхсминистерства иностранных дел³. Поступали данные и по линии разведки: от главы отдела военно-воздушной разведки Фреда Уинтерботэма, который сумел втереться в доверие Розенбергу⁴. В британском парламенте на сей счет велись оживленные дискуссии. Еще в 1933 г. главный финансист британского военного ведомства, а затем – военный министр и первый лорд Адмиралтейства Альфред Дафф Купер однозначно заявил, что Германия «готовится к войне таких масштабов и с таким энтузиазмом, которых еще не знала история»⁵. Ему вторили офицеры французского Генштаба⁶. Так что Лондон и Париж изначально знали, кто и с какой целью возглавил Германию.

Автора другого мифа можно установить и точно назвать – это глава Имперского банка (Рейхсбанк) с 17 марта 1933 по 20 января 1939 гг. и рейхсминистр экономики с 22 июня 1934 по 5 сентября 1937 гг., а также обладатель золотого партийного знака НСДАП в одном лице, Ялмар Шахт. В своих мемуарах, высокомерно оправдываясь, он как-то написал, что финансы – не дело «столяров, торговых клерков, регистраторов и секретарей, которые обеспечивали судоустройство трибуналов по денацификации»⁷. Их ему удалось одурачить. Действительно, если принять в расчет только работу Шахта в Рейхсбанке, его трудно обвинить в милитаризации Германии. Ведь Имперский банк ежегодно выделял на военные нужды от 4 до 9 млрд рейхсмарок в период с 1933 по 1939 гг.⁸. Этих средств очевидно было мало... если позабыть о созданной при участии Ялмара Шахта параллельной рейхсмарке денежной единице, «мефо»-векселях. Они использо-

вались только для расчетов между крупными хозяйствующими субъектами, поэтому не «раскручивали» инфляцию, ибо не попадали в частные руки. Уверовавшее в неиспользуемые финансовые резервы монополий (а это было несложно, учитывая ежегодные миллионные отчисления тиссенов, круппов и К° в НСДАП)⁹ нацистское государство выпускало эти облигации и принимало их для оплаты по произвольно устанавливаемому курсу. Прибыль казны, помимо этого, строилась также на том, что ровно половина из мефо-ваучеров, выпущенных на 12 миллиардов рейхсмарок, были поглощены рынком, а значит, не потребовали возмещения денежными средствами. Остальные же, если бы и были предъявлены, имели 5-летний срок оплаты. То есть, как и нацистский четырехлетний план, финансовая пирамида «мефо»-векселей была привязана к началу грабительской войны в 1939/40 г.

В своих мемуарах, распираемый от гордости, Шахт приводит и такой послевоенный вердикт Сената Гамбурга в отношении просьбы разрешить ему банковскую деятельность: «Директорат Имперского банка действовал в рамках разумных монетарных целей, он принимал во внимание то, что увеличение объема денежной массы приведет также к росту производства. В связи с государственными мерами по созданию рабочих мест система мефо-ваучеров была хорошо приспособлена для осуществления этой цели. Она образовывала реальную основу для преодоления экономической депрессии». Но почему же развитие экономики обрело форму флюса, в котором постоянно увеличивались расходы на производство средств производства (в первую очередь – военного)?

В гитлеровском рейхе приоритетное финансирование получали ВПК, машиностроение и тяжелая металлургия. Все другие, не задействованные на войну отрасли, сворачивались. Доля потребления населения в национальном доходе с 90,7% в 1932 году сократилась до 52,4% в 1938 году. Жилищное строительство практически остановилось¹⁰. Разве министр экономики мог не знать об этом? Ведь тот же самый человек (уже в качестве главы Рейхсбанка) печатал и рейхсмарки, и «мефо»-облигации? Кстати, по некоторым подсчетам, мошенничество* с «мефо»-векселями в период до 1939 г. дало 10,5 млрд рейхсмарок в казну военного бюджета Гитлера, став третьим по значимости источником его наполнения¹¹. Но милитарист с золотым партийным значком НСДАП предпочитал об этом не говорить. Как, впрочем, и его покровители из гамбургского Сената.

Наконец, нам говорят, что Гитлер, якобы, «взял на испуг» Чемберлена и Даладье, построив их путь к своей резиденции через бесконечные вереницы военной техники и солдат. Но так ли силен был вермахт, который (за исключением отдельных соединений люфтваффе и офицеров) не имел боевого опыта со времен Первой мировой войны?

Сегодня мы можем оперировать данными из самого «мозга агрессии». Как записал в своем дневнике начальник штаба ОКВ Вильгельм Кейтель, «мы столкнулись с серьезными проблемами организационного характера: при формировании ударной группировки на фронте «Грюн» мы могли оперировать 40 дивизиями неполных составов (включая Остмарк) без проведения комплекса мобилизационных мероприятий, строго-настрого запрещенных фюрером. Формирование ударной группировки и передислокация войск к чешской границе проходили в обстановке беспрецедентной секретности: после завершения ма-

невров в Силезии, Саксонии и Баварии офицеры резерва были задержаны в расположении частей «до особого распоряжения»; доукомплектование дивизий происходило на территории учебных лагерей — здесь же создавались временные пункты по приему и распределению военнообязанных соответствующих призывных возрастов. Гарнизоны «Западного вала» заменялись добровольцами «организации Тодта» и имперской службы труда»¹².

То есть, переводя в действие эти данные, получаем, что в первом эшелоне предстояло действовать единственной горнострелковой бригаде вермахта, набранной из австрийцев, а потому хорошо знавшей местность. В чешском тылу ей должны были помогать боевики Судето-немецкой партии Конрада Генлейна, уже прошедшие военную и диверсионную подготовку. Следовавшая далее армия вторжения насчитывала бы немногим более 40 дивизий (каждой из которых еще далеко до штатных 17 тысяч человек образца 1941 г.), или около полумиллиона человек, собранных из всех немецких военных округов. Прикрытие же западной границы поручалось юнцам, проходившим допризывную трудовую повинность, и батракам на «стройках великой Германии».

В случае вооруженного конфликта они должны были противостоять обученным регулярным частям вооруженных сил Третьей Французской республики. Последние, по оценкам современников, составляли в метрополии около 450 тысяч человек (включая «линию Мажино») в сухопутных войсках и еще 50 тысяч человек при 4000 самолетах — в военно-воздушных силах¹³. Они могли обрушиться на оголенный немецкий тыл, пока весь вермахт был сосредоточен против Чехословакии, и принудить агрессора к миру.

Но этого не произошло. «Тусклые империи», уставшие от собственного величия и психологической травмы Первой мировой войны, под руководством недальновидных лидеров пошли на сделку со своим врагом.

Сноски к главе

- 1 Большая юридическая энциклопедия / Авт.-сост.: А.Б. Барихин. М.: Книжный мир, 2010. С. 754.
- 2 См., напр., «Мюнхен-1938: психология катастрофы» ([URL: https://www.svoboda.org/a/25119674.html](https://www.svoboda.org/a/25119674.html) Дата обращения: 25.09.2018).
- 3 Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / Под ред. И. Петрова; пер. с немецк. С. Визгиной, И. Петрова; коммент. С. Визгиной, А. Дюкова, В. Симиндя, И. Петрова; предисл. А. Дюкова; сопр. ст. И. Петрова. – М.: Фонд «Историческая память», Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2015. С. 31, 42, 44, 45. См. тж. весьма теплые и воодушевленные записи о встречах с Уинтерботэмом в том же политическом дневнике (с. 28–29).
- 4 Описание встреч с Розенбергом и изложение игры Ми-6 с целью узнать о программе перевооружения Германии приводит Уинтерботэм в своих мемуарах (см. Winterbotham F.W. Secret and personal. L., 1969. P. 24.).
- 5 Cooper D. A. Old Men Forget: The Autobiography. L., 1954. P. 182.
- 6 Castellan G. Le réarmement clandestin du Reich 1930–1935. Vu par le 2-me Bureau de l'état-Major Francais. P., 1954. P. 515.
- 7 Цит. по: Шахт Я. Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923 – 1948. / Пер. с нем. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2011. С. 315, 314.
- 8 См. Шахт Я. Указ. соч. С. 354. Подсчет наш.
- 9 См., напр., Безыменский Л.А. Разгаданные загадки третьего рейха. Книга не только о прошлом. 1933 – 1941. М.: АПН, 1980. 278 с.
- 10 См. Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма (1933–1939). М.: Международные отношения, 1964. С. 171.

* Действия с «мефо»-векселями были квалифицированным мошенничеством. Ибо мошенничество, как известно, это «одно из преступлений против собственности, ненавязчивая форма хищения, представляющая собой завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество, а тж. в получении иных благ путем обмана либо злоупотребления доверием. Квалифицированным является М., совершенное повторно или по предварительному сговору группой лиц, а тж. совершенное в крупных размерах, или организованной группой, или особо опасным рецидивистом». Ведь «Металлургическое исследовательское общество» - не что иное, как сговор лиц с целью учреждения выпускались органом, формально не имеющим полномочий выпускать платежные средства.
- 11 См. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1/ Под общ. ред. В.И. Дашичева - М.: Наука, 1973. С. 312.
- 12 Кейтель В. 12 ступенек на эшафот / Пер. с нем. Н. Лаврова. – Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 194.
- 13 Малая советская энциклопедия. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 11. С. 346.

Дмитрий Буневич

ПОЛЬША И СУДЕТСКИЙ КРИЗИС

Мюнхенский сговор 1938 г. обычно связывают с именами Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини, Эдуарда Даладье и Невилла Чемберлена, хотя сомнительной «чести» называться убийцами демократической Первой Чехословацкой республики не в меньшей мере заслуживают и лидеры межвоенных Польши и Венгрии. И если в случае Венгрии, ставшей вскоре одной из держав фашистской «Оси», подобная линия поведения кажется лишь определённым проявлением внешнеполитической последовательности, то в Польше, которая в сентябре 1939 г., бесспорно, стала жертвой нацистской агрессии, предпочитают не вспоминать об этом постыдном факте. Тем не менее историческая правда заключается в том, что осенью 1938 г. Варшава выступила в качестве агрессора и отторгла часть чехословацких территорий – т.н. Тешенскую область¹, богатую каменным углём и индустриально развитую область бывшей Австро-Венгрии.

Необходимо отметить, что территориальный спор между Польшей и Чехословакией начался еще в 1918 г. После окончания Первой мировой войны и создания новых государств в Восточной Европе остро встала проблема определения границ в этом регионе². Бесспорно, свои аргументы были у каждой из сторон: Прага обосновывала свои притязания экономическими и стратегическими соображениями, Варшава же указывала на то, что этнические поляки составляют относительное большинство жителей региона и заметно преобладают в его отдельных районах. Этот трудный и противоречивый вопрос решался не путём долгих переговоров, компромиссов и плебисцитов, а военной силой, шантажом и закулисными договорённостями. В январе 1919 г. чехословаки ввели в регион свои войска, быстро разгромившие польские вооружённые силы, а Варшава не смогла найти на это достойного военного ответа, поскольку недавно созданная польская армия была занята на востоке – боролась с Западно-Украинской Народной Республикой (ЗУНР) и готовилась к наступлению вглубь Украины с целью захвата Киева. Под давлением Антанты обе конфликтующие стороны подписали соглашение в Париже, но спустя всего год противостояние разгорелось вновь: воспользовавшись трудным положением Польши, чьи войска летом 1920 г. стремительно откатывались на запад под давлением Красной Армии, президент Чехословакии Томаш Масарик пригрозил полякам, что вступит в союз с Москвой, если «тешенский вопрос» будет решён не в пользу Чехословакии. Вероятно, именно страх войны на два фронта predetermined то, что Варшава уступила чехословацкому нажиму. По итогам арбитража Антанты на конференции в бельгийском курортном городке Спа Польша и Чехословакия 28 июля 1920 г. заключили в целом более выгодное Праге соглашение. В соответствии с ним западные районы Тешенской области переходили Чехословакии, а восточные – Польше. Прага, таким образом, получила 58% спорного региона, на котором проживало почти 68% его жителей, кроме того, к Чехословакии отошёл ряд районов за рекой Ольша с преобладающим польским населением, который в Польше стал известен под названием «Заользье» (Zaolzie)³.

Поляки не были удовлетворены этим решением, а Чехословакия вопреки договорённостям начала постепенную политику «чехизации» оказавшихся на её территории тешенских поляков. В 1920-х – начале 1930-х гг. «тешенский вопрос», однако, не обострялся Варшавой, поскольку гаранты версальского мироустройства, очевидно, не были заинтересованы в разрастании конфликта в регионе.

Но всё изменилось с приходом к власти в Германии нацистской партии – новый канцлер Гитлер начал всё громче говорить о необходимости пересмотра «версальских несправедливостей». Его эгоистичное стремление потрясти устои европейского миропорядка открывало и перед другими странами возможность вновь предъявить свои старые счёты соседям. Этим и воспользовалась Польша, где после майского переворота 1926 г., организованного антидемократически настроенными военными (т.н. «группа полковников»), установился правоконсервативный и националистический режим «санации» («санасја») во главе с маршалом Юзефом Пилсудским, некогда сыгравшим ключевую роль в возрождении польской государственности в ноябре 1918 г.

Именно Пилсудский, почитаемый в нынешней Польше в качестве «отца нации», в 1934 г. благословил заключение польско-германского договора от 26 января 1934 г. Соглашение было подписано в Берлине польским министром иностранных дел Юзефом Липским и германским – Константином фон Нейратом в форме небольшой совместной декларации⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что в соглашении отсутствовало стандартное для такого рода документов положение о прекращении действия в случае начала вооружённого конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой, что позволяет трактовать договор Липского-Нейрата как скрытую форму союза. Более того, спустя несколько месяцев после заключения соглашения во французской печати, а также в официальной советской прессе появились сведения о существовании т.н. «секретных протоколов» к договору, в которых якобы фиксировалось намерение Рейха и Польши проводить скоординированную политику, а в случае начала войны выступить общим фронтом против «агрессора». Хотя польская сторона официально сразу же опровергла существование каких-либо секретных статей, а архивные изыскания не смогли пока обнаружить приложений к декларации 1934 г., вопрос о существовании секретной части договора остаётся дискуссионным в исследовательской литературе⁵.

Договор Липского-Нейрата произвел дипломатический фурор. Его приветствовали в Лондоне⁶ (британцы надеялись, что польско-германское сближение основано на общей для обоих режимов враждебности к Советскому Союзу), а в Париже воцарилось смятение, ведь Франция традиционно рассматривала Польшу в качестве своего естественного союзника против германского реваншизма. Заключение польско-германского соглашения ставило крест на этих надеждах и фактически разрывало франко-польский военный союз, что заставило Францию искать новых партнёров на востоке Европы. Именно установление польско-германского согласия подтолкнуло Францию к началу переговоров с СССР, которые завершились подписанием в начале 1935 г. франко-советского пакта о взаимопомощи, который обязывал страны прийти друг другу на помощь в случае агрессии против одной из них.

Польско-германским сближением были обеспокоены и в Праге: в конце января 1934 г. чехословацкий посланник в Варшаве Вацлав Гирса сообщил в свою столицу, что польская сторона считает конфликт с Чехословакией неизбежным и полагает, что будет достаточно сил одной польской дивизии, чтобы захватить Заользье⁷. Чехословацкая дипломатия верно предположила, что на основе враждебного отношения к СССР между Берлином и Варшавой наметилось

также сближение по таким проблемам, как аншлюс Австрии и пересмотр границ Чехословакии. Кроме того, вскоре после заключения договора с Гитлером польский генштаб отдал распоряжение о подготовке на территории Тешенской Силезии законспирированных боевых групп для последующей организации античехословацкого восстания, которое можно было бы использовать в качестве предлога для нападения на соседа⁸. Варшава ясно демонстрировала своё желание установить прочные партнёрские отношения с нацистской Германией и поучаствовать вместе с фюрером в переустройстве Европы.

Весной 1938 г. нацистская пропаганда начала активную подготовку к агрессии против Чехословакии, а 30 мая Гитлер утвердил директиву армии, в которой утверждал, что: «Моим неизменным решением остаётся ликвидация Чехословакии посредством военной акции в ближайшем будущем»⁹. Великобритания и Франция весной-летом 1938 г. колебались между желанием найти компромисс с нацистами за счёт чехословаков и нежеланием полностью сдавать свои позиции в Центрально-Восточной Европе. В условиях изощрённой дипломатической игры важнейшим для будущего Европы становился вопрос о готовности чехословаков сопротивляться германской агрессии. И обладавшая двухмиллионной армией Чехословакия, вероятно, была бы готова дать отпор Германии, если бы была уверена, что получит поддержку со стороны своих союзников – Франции и СССР. Париж колебался, но Москва неоднократно и ясно заявляла о своей готовности выступить на защиту суверенитета Чехословакии при условии, что все условия договора 1935 г. будут соблюдены.

В дело, однако, вмешивалась география: у СССР не было общей границы ни с Германией, ни с Чехословакией, поэтому для оказания реальной военной поддержки потребовалась бы организация транспортных коридоров для советских войск через территорию Польши или Румынии. Второй вариант, впрочем, был менее надёжен из-за слабости румынских коммуникаций. Польша же выступала категорически против какого-либо сотрудничества с советским правительством. В отличие от Румынии, которая хотя бы не возражала против воздушных коридоров над своей территорией, Польша заявляла о твёрдой готовности сбивать советские военные самолёты, направляющиеся в сторону Чехословакии¹⁰. Более того, посол Польши во Франции Юзеф Лукаевич ещё 21 мая 1938 г. сообщил своему американскому коллеге Уильяму Буллитту, что в случае, если СССР попытается направить свои войска на помощь чехословакам через польскую территорию, Варшава немедленно объявит войну Москве¹¹.

Польша и Германия всё это время вели интенсивные консультации по вопросу о будущем чехословацких земель: 23 февраля прошли продолжительные переговоры «наци № 2» Германа Геринга с польским главой МИД Юзефом Бекком, на которых было достигнуто принципиальное взаимопонимание по вопросу о расчленении Чехословакии. О достигнутом польско-немецком согласии быстро стало известно и за пределами Центральной Европы, уже 27 мая 1938 г. министр иностранных дел Франции Жорж Бонне в беседе с польским послом открыто заявил, что «план Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией с передачей Тешенской Силезии Польше» не является секретом для Парижа¹². Не ограничиваясь декларациями, летом 1938 г. Варшава активизировала деятельность подпольных польских организаций в Тешенской области

и начала военные приготовления у чехословацкой границы, одновременно стягивая силы и к границе с СССР на случай, если Красная Армия всё же получит приказ прорываться на помощь Чехословакии¹³.

Стоит особо подчеркнуть, что именно соучастие Польши (а равно и Венгрии), выдвинувшей свои территориальные претензии к Чехословакии, позволило гитлеровскому правительству представить свои требования отторжения Судетской области не как германскую агрессию, а как международный спор, связанный с «несовершенством» чехословацких границ и защитой проживающих там различных национальных меньшинств, что, кстати, было зафиксировано в дополнительной декларации к Мюнхенскому соглашению, подписанной также 29 сентября. Именно позиция Польши в Судетском кризисе, обусловленная захватническими устремлениями Варшавы и её недоверием к СССР, во многом способствовала заключению Мюнхенских соглашений, поскольку отсутствие польского согласия на пропуск войск делало невозможным оказание эффективной советской помощи Чехословакии, что в свою очередь подтолкнуло Францию, связанную с чехословаками оборонительным договором, к поиску компромисса с Гитлером. Сами чехословацкие лидеры, лишившись внешней поддержки, оказались не готовы самостоятельно сопротивляться германскому нажиму.

Представителей Польши не было на Мюнхенской конференции – западные державы, продолжая политику «пакта четырёх»¹⁴ 1933 г., считали, что только сотрудничество Великобритании, Франции, Германии и Италии сможет обеспечить выгодное им развитие Европы и «мягкую» ревизию версальских принципов. Ни итальянский и немецкий диктаторы, ни лидеры западных демократий не видели в польских лидерах представителей великой державы, которых стоило пригласить на обсуждение вопросов будущего Европы. Это не помешало полякам 21 и 27 сентября выдвинуть свои территориальные претензии Чехословакии. Попытки чехословаков начать предметное обсуждение положения польского меньшинства привели лишь к тому, что Бек днём 30 сентября (Мюнхенское соглашение было подписано в ночь с 29 на 30 сентября) направил Праге ноту с требованием в течение 24 часов эвакуировать все чехословацкие войска из Тешенской области, разоружить там оборонительные сооружения и уволить уроженцев данного региона, говорящих на польском языке, из чехословацких вооружённых сил. Отдельным пунктом в ноте шло требование «не предпринимать каких-либо дискуссий по содержанию ноты, т.к. эти требования являются безоговорочными»¹⁵. Сломленный президент Бенеш, только что согласившийся на отторжение Судет от Чехословакии, в отчаянии обратился к французам и британцам (гарантам только что заключенной мюнхенской сделки) с просьбой о защите от польских притязаний, однако те вновь предали Прагу. Кроме того, Польша заручилась германской поддержкой на случай, если СССР всё-таки решится двинуть свои вооружённые силы на помощь Чехословакии: Берлин заверил, что Варшава в этом случае может рассчитывать на «самую эффективную помощь»¹⁶ Германии. Польские войска быстро заняли спорные территории без всякого сопротивления со стороны деморализованных чехословаков. Только Советский Союз объявил, что в случае начала столкновений Москва денонсирует советско-польский договор о ненападении 1932 г.¹⁷

По результатам аннексии Польша захватила промышленно развитую территорию площадью более 800 кв. км, на которой проживало более 120 тысяч чехов и около 80 тысяч поляков. После захвата Тешена и прилегающих районов Польша увеличила мощность своей тяжёлой индустрии почти в два раза¹⁸, а польские аппетиты к территориальным захватам выросли вместе с достигнутыми «успехами». Вскоре после захвата Тешенского региона Варшава потребовала новых территориальных уступок в Словакии и добилась заключения 30 ноября 1938 г. соглашения, в соответствии с которым территории на севере Словакии (районы Орава и Спиш) площадью более 200 кв. км также были переданы Польше¹⁹.

Официозная «Газета Польска» ликовала в связи с захватом Заользья: «...открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач»²⁰. Перед Польшей, которой оставалось существовать менее года, стояли неимоверно трудные задачи, которые, однако, относились не к руководству Восточной Европой, а к выживанию, и справиться с которыми Варшава так и не смогла. Ведь Мюнхен не только подвёл черту под существованием независимой и демократической Первой Чехословацкой Республики, которая уже без всяких переговоров была попросту ликвидирована Гитлером в марте 1939 г., – в Восточной Европе после сентября 1938 г. сложился новый порядок, в центре которого находилась Германия и воля её фюрера.

Вопреки надеждам польских лидеров, рассчитывавших после краха Чехословакии на создание самостоятельного блока совместно с Венгрией, Италией и Югославией²¹, фашистская Италия и хортистская Венгрия закономерно предпочли союз с Третьим Рейхом, а не с Польшей. Проявив удивительную мелочность, польская элита отказалась видеть, что только партнёрские отношения с промышленно развитой и миролюбивой Чехословакией могли стать залогом безопасности самой Польши. Гипотетический союз этих двух стран (тем более при поддержке Франции) представил бы собой серьёзное препятствие на пути германской агрессии в Центральной Европе. Ослепленная национальным эгоизмом и великодержавными амбициями Польша не смогла подняться над незначительными территориальными претензиями и увидеть стратегическую карту Европы целиком. Поддержав германского фюрера в его игре против Чехословакии, Польша в результате осталась в Центральной Европе тет-а-тет с решительно усилившейся Германией. Пойдя на партнёрство с Гитлером, Пилсудский, всю жизнь борющийся за восстановление и сохранение независимого Польского государства, не только предопределил постыдное соучастие своей страны в уничтожении демократической Чехословакии, но и сделал решительный шаг к катастрофе сентября 1939 г., в которой погибла созданная им Вторая Речь Посполитая.

Сноски к главе

- 1 Kaminski M. K. Konflikt polsko-czeski, 1918-1921. Warszawa, 2001.
- 2 См.: Восточная Европа после Версаля / под ред. И.И. Костюшко. СПб., 2007.
- 3 Zahradnik S., Ryczkowski M. Korzenie Zaolzia. Warszawa, 1992, S. 64.
- 4 Цит. по: Климовский Д.С. Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968. С. 69–70.
- 5 Морозов С.В. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 года / Славяноведение. – 2005. – № 5. – С. 35–53.
- 6 Морозов С.В. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 года / Славяноведение. – 2005. – № 5. – С. 40.
- 7 Причины возникновения Второй мировой войны (сб. ст. / отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1982, С. 371.
- 8 Badziak K., Matwiejew G., Samuś P. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1997.
- 9 Причины возникновения Второй мировой войны. С. 184.
- 10 Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение – пролог второй мировой войны (по архивным данным ФСБ России) / Новая и новейшая история. – 2009. – № 1. – С. 37–38.
- 11 Foreign Relations of the United States. Diplomatie Papers. 1934. Vol. I. Washington, 1951, P. 507.
- 12 Цит. по: Benoist-Mechin J. Histoire de l'Armee Allemande. Les épreuves de force 1938, vol. V, Paris, 1964, P. 349.
- 13 Христофоров В. С. Указ. соч. С. 37.
- 14 «Пакт четырёх» – подписанное по инициативе Бенито Муссолини 15 июля 1933 г. в Риме соглашение о сотрудничестве между Великобританией, Францией, Германией и Италией. Многими исследователями договор рассматривается как попытка создания «директории» европейских держав в целях последующей мирной ревизии версальских ограничений на основе компромисса Великобритании и Франции с нацистской Германией при посредничестве итальянского диктатора. См., напр.: Иванов А.Г. Проблема европейской безопасности в 1933-1935 гг. / Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2016. – Т. 1-2. – № 1-2. – С. 92-119.
- 15 Год кризиса. 1938-1939: Документы и материалы в 2-х т. Т.1, М., 1990. С. 31-32.
- 16 Цит. по: Шутов А. Мюнхенский сговор 1938 года и Польша / Дипломатическая служба. – 2009. – № 4. – С. 61.
- 17 Калашников И.А. Мюнхенский договор 1938 г. в геополитическом контексте межвоенного периода / Геополитика: теория, история, практика. – 2012. – № 1. – С. 207.
- 18 В.В. Марьина. Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 года / Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну. М., 2009. С.269-270.
- 19 См. подробнее об этом: Borák M., Žáček. R. «Ukradené» vesnice: musí Češi platit za 8 slovenských obcí? Český Těšín, 1993.
- 20 Цит. по: Гришин Я. Я. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932-1939 гг. Казань, 1999. С.118.
- 21 Морозов С.В. К вопросу о... С. 51.

Кирилл Шевченко

**МЮНХЕН-1938
И РУСИНЫ
ЧЕХОСЛОВАКИИ:
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭТНОЦИД**

Одним из важных последствий Мюнхенского сговора стало его разрушительное воздействие на самую западную часть Русского мира — Подкарпатскую Русь, входившую в 1919—1939 гг. в состав Чехословакии. Доминировавшая в Подкарпатской Руси карпато-русская интеллигенция придерживалась концепции триединого русского народа, считая коренное восточнославянское население края — карпатских русинов — составной частью русского народа. Однако после Мюнхенского сговора, превратившего Чехословакию в бессильный придаток нацистского рейха, влияние Германии в Подкарпатской Руси резко возросло, выразившись в поддержке украинского движения в подкарпатском регионе со стороны Берлина. Развязанная украинскими националистами под покровительством нацистской Германии кампания насильственной украинизации русинов сопровождалась массовыми репрессиями в отношении карпато-русской общности, став одной из наиболее трагических страниц истории карпатских русинов. Мюнхен-1938 принес русинам волну насилий и концлагеря, нанеся сокрушительный удар не только по чехословацкой государственности, но и по западным рубежам Русского мира в виде Подкарпатской Руси, которая после Мюнхена исчезла с политической карты Европы, став Карпатской Украиной.

Важной особенностью карпатских русинов, вошедших в 1919 г. в состав Чехословакии, было доминирование среди местной интеллигенции общерусской идентичности, трактовавшей русинов как часть единого русского народа «от Карпат до Камчатки» в составе великороссов, малороссов и белорусов. Убеждёнными сторонниками концепции триединого русского народа были крупнейшие карпато-русские «будители» XIX в. Александр Духнович и Адольф Добрянский, выступавшие против украинского движения в Галиции. Карпато-русские политики в ходе Первой мировой войны добивались вхождения земель Угорской Руси и Галиции в состав России. Карпато-русская пресса США в 1914—1917 гг. выступала за воссоединение «Подъяремной Руси» с Россией, трактуя это как восстановление исторической справедливости¹. Однако революционные потрясения, Гражданская война в России и геополитические интересы Антанты предопределили чехословацкий сценарий решения вопроса о политической судьбе Карпатской Руси.

Национальная политика Праги вызвала разочарование карпато-русской интеллигенции. Официальные власти ЧСР затягивали предоставление русинам автономии, нарушая положения Сен-Жерменского мирного договора и Конституции Чехословакии 1920 года. Кроме того, в 1920-е годы чехословацкие власти способствовали «мягкой украинизации» русинов, поддерживая украинизаторскую деятельность в подкарпатском регионе эмигрантов из Галиции. Популярный карпато-русский журнал «Карпатский свет», орган русофильского Общества имени Духновича, указывая на важную роль чехословацкого правительства в развитии украинского движения в регионе, отмечал в 1931 г., что украинское движение было создано на Подкарпатской Руси искусственно, благодаря широкой поддержке со стороны высших инстанций. В 1930-е гг. после прихода к власти в Германии нацистов, когда украинское движение обнаружило тесные связи с Берлином, власти ЧСР пересмотрели свою политику в Подкарпатской Руси, сделав ряд уступок русофилам. Однако украинское движение к этому времени

уже пустило глубокие корни в Подкарпатье, что проявилось в ходе трагических событий 1938—1939 годов.

Мюнхенское соглашение, подписанное в ночь на 30 сентября 1938 г., потрясло политические основы Чехословакии, активизировав борьбу словаков и русинов за автономию. В результате Мюнхенских договоренностей и последовавшего вскоре Венского арбитража Германия, Венгрия и Польша оккупировали почти треть территории ЧСР, лишив её самых важных в военном и экономическом отношении регионов. В беседе с полпредом СССР в Праге Александровским министр иностранных дел ЧСР Камил Крофта сказал 3 октября 1938 г., что Мюнхенский сговор превратил Чехословакию «в фикцию, государство без всякого значения. Недалеко то время, когда она превратится в придаток Германии»². По образному выражению одного чешского публициста, карта послемиунхенской Чехословакии напоминала «труп, обглоданный гиенами»³.

Накануне Мюнхена русины Подкарпатья были охвачены патриотическим подъемом, выражая готовность защищать республику от нацистской агрессии с оружием в руках. «Республика и весь народ готовы к обороне. ...Всем нам грозит общий враг – немецкий империализм, — писала газета «Русский народный голос» накануне Мюнхенского сговора 28 сентября 1938 г. — Подкарпаторусские граждане идут защищать свой дом, свою семью и свою землю. Карпаторусы не хотят никакого «самоопределения» по рецептам Будапешта, Варшавы или Берлина»⁴. Накануне конференции в Мюнхене отношение официальной Праги к подкарпаторусской автономии и к русофилам Подкарпатья резко изменилось в лучшую сторону. 29 сентября 1938 г. влиятельный орган карпато-русской диаспоры в США «Американский Русский Вестник» констатировал, что «никогда еще в Чехословакии так хорошо не относились к русским, как теперь. В представлении рядового чеха, каждый русский – их союзник. ...Раньше местные власти способствовали украинизации населения, теперь украинофилы лишены поддержки, и их движение сходит на нет»⁵. Характерно, что вернувшиеся из своей поездки в Прагу лидеры Украинской центральной народной рады – руководящего органа украинского движения в Подкарпатье – на своем заседании в Ужгороде 13 сентября 1938 г. под председательством Августина Волошина жаловались на прохладное отношение к ним со стороны высших руководителей Чехословакии»⁶.

Первое автономное правительство Подкарпатской Руси, состоявшее в основном из русофилов, приступило к работе 8 октября 1938 г. Правительство возглавил лидер влиятельного Автономного Земледельческого Союза А. Бродий, один из ведущих русофильских политиков Подкарпатья. «Карпато-русский народ уже имеет автономию. В правительство нашего автономного края вошло больше русских, чем украинцев, — с удовлетворением отмечал 20 октября 1938 г. орган карпато-русской диаспоры в США «Американский Русский Вестник». — Мы шлем это правительство наши искренние пожелания. Просим их, чтобы они справедливо представляли свой народ и чтобы не запродали его каким-нибудь украинцам»⁷. Правительство Бродия стремилось к присоединению к Подкарпатской Руси русинских областей Словакии, что было неприемлемо как для Братиславы,

не желавшей терять часть своей территории, так и для Праги, пытавшейся сохранить Словакию в составе ЧСР. Кроме того, правительство Бродия противодействовало украинским националистам на территории Подкарпатья. Но уже 26 октября 1938 г. при содействии спецслужб Германии Бродий был смещён и арестован чехословацкими властями по обвинению в сотрудничестве с Венгрией⁸.

После смещения Бродия главой правительства стал греко-католический священник и лидер украинофилов Волошин, пользовавшийся покровительством нацистской Германии. Сразу после Венского арбитража Берлин предоставил правительству Волошина финансовую помощь в размере 100 000 рейхсмарок⁹. Яркой чертой режима Волошина были его оживлённые контакты с нацистской Германией, которая всячески восхвалялась в подконтрольной Волошину прессе. Члены кабинета Волошина «периодически консультировались с правительством нацистской Германии либо в Берлине, либо посредством созданного в Хусте германского консульства... Подкарпатская Русь стала частью планов нацистской Германии по политической трансформации Восточной Европы»¹⁰. Формально входившая в состав Чехословакии Подкарпатская Русь при Волошине явочным порядком выходила из-под контроля Праги, превращаясь в «руку Берлина» в карпатском регионе. Пропагандистский рупор Волошина газета «Новая свобода» постоянно помещала на своих страницах подобострастные пропагандистские материалы о Гитлере, с восторгом отмечая мощь вермахта и рост влияния Германии в Европе¹¹. Передачи местного радио начинались с приветствий Гитлеру и «бабьке Волошину»¹².

В Подкарпатской Руси возросло присутствие военизированных структур украинских националистов из соседней Галиции, опираясь на которые Волошин проводил агрессивную кампанию украинизации русинского населения. Еще до созыва сейма решением правительства Волошина от 30 декабря 1938 г. наряду с названием «Подкарпатская Русь» было введено второе официальное название «Карпатская Украина», которое постоянно использовалось в официальных документах и в прессе, хотя это противоречило чехословацкому законодательству, так как право определить окончательное название региона имел только сейм. В ноябре 1938 г. члены военизированной организации «Карпатская Сич», созданной при содействии германских спецслужб, получили официальное разрешение носить униформу. Из галицких военных консультантов был сформирован военный штаб сичевиков в г. Хуст, куда переехало правительство Волошина после оккупации Ужгорода и Мукачево Венгрией. На территории Подкарпатья создавалась система двоевластия, так как наряду с чехословацкой администрацией и вооружёнными силами явочным порядком при содействии Волошина возникали параллельные силовые структуры украинских националистов. Проводимая режимом Волошина политика насильственной украинизации, дискриминация русофилов и ориентация на Берлин вызывали неприятие карпато-русской общественностью Европы и США. «Украинизация Подкарпатской Руси, произведенная под давлением Германии, далеко не встречает сочувствия в населении Подкарпатья. Оно искони тяготеет к России. Карпатороссы... не почитают себя украинцами»¹³, – писал 24 ноября 1938 г. «Американский Русский Вестник».

После прихода к власти Волошина, опиравшегося на украинских националистов, стал раскручиваться маховик репрессий против его политических оппо-

нентов из числа русофилов. В небольшой полумиллионной провинции Волошин создал сразу два концлагеря – подобный «подарок» ярко характеризует его политику и отношение к местному населению. Уже 20 ноября 1938 г. по приказу Волошина был создан «лагерь Думен у Рахова, который управлялся представителями Карпатской Сечи и в котором находились местные активисты-русофилы, отказавшиеся принять украинскую ориентацию режима Волошина»¹⁴. Режим наибольшего благоприятствования, предоставленный Волошиным украинским националистам, вызывал недовольство местного населения и политических партий, настроенных русофильски. Многие партии обращались в Прагу с требованиями сместить Волошина с поста премьера Подкарпатской Руси. Образованная 14 ноября 1938 г. в Хусте Центральная Русская Народная Рада во главе с активистом карпато-русского движения Василием Караманом протестовала против насильственной украинизации, увольнений русофилов из учебных заведений и «украинского террора». Не добившись своих целей и столкнувшись с растущими репрессиями по отношению к карпато-русским деятелям, глава Центральной Русской Народной Рады Караман покинул Подкарпатье и переехал в Словакию, где он стал активно выступать против объединения словацких русинов с Подкарпатской Русью, в которой набирало силу украинское движение¹⁵.

Русинская пресса США, относившаяся резко негативно к Волошину и к его политике украинизации, отмечала атмосферу всеобщего страха в Подкарпатской Руси. «Русские при встрече молча снимают шляпы и на вопросы отвечают шепотом, оглядываясь. Улицы полны украинскими провокаторами. Во главе всех гимназий ныне украинцы и ... в значительной части из Галиции. Местные украинцы считаются недостаточно радикальными, — писал о положении в Подкарпатской Руси при режиме Волошина хорошо информированный «Американский Русский Вестник». — Первым актом правительства Волошина и Рева было негласное учреждение концентрационных лагерей. Они... населены русскими людьми всех рангов и классов»¹⁶. В обстановке «охоты на ведьм» и репрессий со стороны властей многие представители карпато-русской интеллигенции, были вынуждены публично каяться, отрекаясь от своих взглядов. Волошинский официоз «Новая свобода» охотно публиковала подобные материалы. «Заявляю, что я разрываю все отношения с «общерусской» идеологией, — писал 2 марта 1939 г. в «Новой свободе» Василий Гусар, учитель из села Солотвино. — Заявляю, что с сегодняшнего дня я буду работать исключительно в украинских обществах с щирыми работниками-украинцами, которые сердцем болеют за лучшее будущее украинского народа»¹⁷. Примечательно, однако, что сами украинизаторы были вынуждены периодически признавать невысокую популярность украинской культуры и украинского литературного языка в крае. «Ряд фактов... свидетельствует о незнании украинского языка мадяронским и русофильским учительством. Много недобитков осталось у нас... Плохое усвоение украинской мовы в школах обусловлено живучестью старого режима. Что же мы, к большому сожалению, вынуждены констатировать? Ужасающую неграмотность в области украинского языка»¹⁸, — признавал на страницах «Новой свободы» один из профессиональных украинизаторов Подкарпатя, тем самым невольно ставя под сомнение «украинскость» местного населения. Описывая положение в регионе, один из лидеров местной компартии О. Борканюк писал в октябре 1939 г.,

что члены «Карпатской Сичи» начали «террор против антифашистов... В течение нескольких недель оба концентрационных лагеря были переполнены. Карпато-русские партии были разгромлены...»¹⁹.

Для укрепления своих позиций и для подавления политических оппонентов в преддверии выборов в парламент Подкарпатской Руси правительство Волошина 20 января 1939 г. распустило все политические партии в регионе. Сразу после этого по инициативе Волошина была образована новая партия «Украинское национальное объединение» (УНО), имевшая тесные связи с германскими спецслужбами. Выборы в сейм Подкарпатской Руси прошли 12 февраля 1939 г. Избирательная кампания носила крайне агрессивный характер и велась в атмосфере запугивания. Результаты выборов были предопределены присутствием вооруженных формирований «Карпатской Сичи», терроризировавших население. Победителем выборов предсказуемо стало созданное Волошиным и ориентированное на Берлин УНО, все кандидаты которого были избраны в сейм Подкарпатской Руси. «Новая свобода» оценила итоги выборов как «триумф украинской национальной мысли»²⁰.

Если чешская пресса восприняла итоги выборов сдержанно, то СМИ нацистской Германии освещали их весьма сочувственно. Глава отделения ОУН в Подкарпатье Юрий Химинец с удовольствием цитировал нацистскую «Фелькишер Беобахтер», писавшую, что «активное участие в выборах было результатом национального пробуждения украинства»²¹. Впрочем, реалии были куда прозаичнее. Столь высокий процент голосов за партию Волошина объяснялся запугиваниями и фальсификациями, а отнюдь не «национальным пробуждением украинства». Свидетель выборов Олекса Борканюк отмечал, что они проходили в условиях террора со стороны галицких сичевиков, однако даже «несмотря на террор, значительная часть населения явно голосовала против правительства Волошина. Были десятки сел, где украинские фашисты не получили и 20% голосов»²².

В ночь на 14 марта 1939 г. под нажимом Берлина словацкий парламент заявил о выходе Словакии из состава Чехословакии. В это же время вооруженные формирования «Карпатской Сичи» в Подкарпатской Руси начали заранее согласованный с Берлином вооруженный путч, сделав попытку захватить склады с оружием, объекты инфраструктуры и административные учреждения. В столице Подкарпатя в ночь на 14 марта шли уличные бои украинских сичевиков с частями чехословацкой армии. При поддержке бронетехники чехословацким подразделениям удалось сломить сопротивление сичевиков. Путч был подавлен; число жертв исчислялось сотнями раненых и убитых; основные потери понесли путчисты²³. Однако ликвидация путча не означала восстановления чехословацкого контроля над регионом. Одновременно с попыткой вооруженного путча сичевиков венгерские войска по договоренности с Гитлером начали оккупацию Подкарпатя. В боях с венгерской армией на территории Подкарпатя в марте 1939 г. погибло как минимум 40 чехословацких военнослужащих и около 100—120 было ранено²⁴.

Накануне венгерской оккупации 15 марта 1939 г. в Хусте состоялось заседание подкарпатурского сейма, который принял конституционный закон об образовании «независимого государства» под названием «Карпатская Украина»

во главе с президентом. Большинство голосов президентом новообразованного государства был избран Августин Волошин. Государственным языком Карпатской Украины был объявлен украинский язык; цветами государственного знамени – синий и желтый; государственным гимном – «Ще не вмерла України». Современные украинские исследователи исключительно высоко оценивают провозглашение Карпатской Украины 15 марта 1939 г., пафосно трактуя это опереточное событие, являвшееся звеном «восточноевропейского проекта» Гитлера, как «победу украинской правды за Карпатами, ознаменовавшую консолидацию украинских сил».

Символичным выглядит то, что заседание сейма, объявившее о независимости нового государства, оказалось последним, а pompезно провозглашенное на нем государство «Карпатская Украина» — мертворожденным. На следующий день после заседания сейма венгерская армия вступила в Хуст, установив вскоре контроль над всем Подкарпатьем. Волошин со своим кабинетом бежал в Югославию. Просьбы Волошина к Германии не позволить Венгрии оккупировать Карпатскую Украину были проигнорированы Берлином.

Используя оуновцев и Волошина для дестабилизации послемюнхенской ЧСР, Берлин без сожаления пожертвовал ими в пользу более важного союзника в лице Венгрии. В награду за службу нацистскому рейху Берлин предоставил Волошину возможность жить в протекторате Богемия и Моравия и преподавать в украинском свободном университете в Праге; при этом германские власти игнорировали все попытки Волошина возобновить свою политическую деятельность. Примечательно, что еще при президенте Кучме создатель концлагерей Волошин был удостоен звания «герой Украины». Агония послемюнхенской Чехословакии стала одновременно и агонией Карпатской Украины. С марта 1939 г. территория Подкарпатской Руси была полностью оккупирована Венгрией, что завершило двадцатилетний период пребывания Подкарпатя в составе чехословацкого государства.

Известный украинский историк Ярослав Грицак признает, что победа «украинского проекта» не была изначально предопределена, так как существовало большое число альтернативных этнокультурных проектов на украинских землях, вероятность реализации которых была достаточно высока. Действительно, торжество «украинского проекта» в карпатском регионе в огромной степени было результатом действия внешних факторов, заинтересованных в навязывании украинской идентичности местному карпато-русскому населению. Этот процесс достиг своего пика после конференции в Мюнхене, предопределившей приход к власти в Подкарпатской Руси Волошина. Пользуясь прямой поддержкой нацистской Германии, он проводил репрессивную политику насильственной украинизации карпатских русинов.

Сноски к главе

- 1 Народна Обрана. Homestead, PA. August 7, 1917. № 5.
- 2 Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т. 1. Москва, 1991. С. 45.
- 3 Kuras B. Češi na vlásku. Praha, 1999. S. 162.
- 4 MZA, fond Mezník Jaroslav, JUDr. Značka G 400, karton 7, inv. číslo 180, s. 140.
- 5 Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. September 29, 1938. № 39.
- 6 MZA, fond Mezník Jaroslav, JUDr. Značka G 400, karton 7, inv. číslo 180, s. 24.
- 7 Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. October 20, 1938. № 42.
- 8 Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918-1946. Praha, 2007. S. 245.
- 9 Ibidem. S. 248.
- 10 Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest – New York: CEU Press, 2015. P. 274.
- 11 Нова свобода. 3 січня 1939. Число 2.
- 12 Krivskij I. Vliv ukrajinských emigrantů na podkarpatorusinskou komunitu // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní conference v Praze. Praha, 1999. S. 26.
- 13 Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 24, 1938. № 47.
- 14 Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest – New York: CEU Press, 2015. P. 276.
- 15 Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. Edited by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto: University of Toronto Press, 2005. P. 228.
- 16 Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 8, 1939. № 23.
- 17 Нова свобода. 2 березня 1939. Число 46.
- 18 Нова свобода. 2 січня 1939. Число 4.
- 19 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 495. Опись 71. Дело 742. Л. 19.
- 20 Нова свобода. 14 лютого 1939. Число 32.
- 21 Химинец Ю. Закарпаття – земля української держави. Ужгород, 1991. С. 58.
- 22 РГАСПИ. Фонд 495. Опись 71. Дело 742. Л. 21-22.
- 23 Borák M. Obrana republiky na Podkarpatské Rusi v letech 1938-1939 // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 92.
- 24 Ibidem. S. 40.

Сергей Монин

УРОКИ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА ДЛЯ МОСКВЫ

Сегодня мы едва ли сможем в точности восстановить ход мыслей Сталина и его окружения во время и после Мюнхенского сговора. Но, анализируя тогдашнюю советскую политику, все же можно попытаться сделать это, чтобы выяснить, какие уроки из этих событий были извлечены в Москве.

Первое. Версальская система на глазах рушилась. Ее основной институт — Лига Наций — превращалась просто в говорильню, не способную обеспечить мир и разрешение международных конфликтов мирными средствами. Главная причина — идущая напролом к господству в Европе гитлеровская Германия. Но, как ни странно, в разрушении системы участвовали и ее главные архитекторы Англия и Франция, пытавшиеся откупиться от ими же порожденного германского реваншизма.

Большевики могли бы воспринимать всё это с определенным удовлетворением. Они ведь с самого начала говорили о том, что не может быть устойчивым и благополучным мир, основанный на насилии и унижении проигравших стран. Но после прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии СССР вступил в Лигу Наций и попытался использовать ее для совместной борьбы против нацистской экспансии. Но создать систему коллективной безопасности в Европе не получилось, а подписанные договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией после Мюнхенского соглашения превратились в ничего не значащие клочки бумаги. Международная ситуация становилась всё более подвижной, противоречивой и взрывоопасной. Великие державы в открытую диктовали свою волю остальным странам, договоры не соблюдались, союзнические обязательства не срабатывали, слова политиков оставались пустыми обещаниями. Как в такой обстановке обеспечить свои национальные интересы? Возлагать надежды на старую систему, на ту же Лигу Наций бессмысленно.

Второе. Из поведения Англии и Франции во время Чехословацкого кризиса в Москве отчетливо поняли, что западным демократиям доверять нельзя, как нельзя и рассчитывать на равноправное сотрудничество с ними. Они просто не видели в СССР достойного партнера со своими законными интересами. Если они так легко бросили на съедение Гитлеру свою союзницу Чехословакию, близкую им по всем критериям, то уж тем более они не будут церемониться с идеологически чуждым им Советским Союзом, даже если подпишут с ним какие-то соглашения.

Во время чехословацкого кризиса СССР был оставлен в изоляции, его мнению никто из великих держав особенно не интересовался, его инициативы игнорировались. И это при том, что у него имелись действовавшие договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, а сам он неоднократно заявлял о готовности выполнить свои обязательства, подкрепляя это соответствующими военными приготовлениями.

Сейчас можно сомневаться, каким образом всё это могло быть сделано при отсутствии в то время у СССР непосредственной границы с Германией. Но ведь тогда призывы Москвы к своим партнерам как раз и обсудить возможности военного взаимодействия повисли в воздухе. По крайней мере, от Румынии, как считали некоторые, был шанс добиться согласия на проход советских войск.

К тому же надо не только изучать вопрос о том, собирался ли и мог ли СССР совершить военное вмешательство в конфликт и при каких условиях (едва ли Москва захотела бы втягиваться в силовое противостояние в одиночку). Важно выяснить и вопрос, а готова ли была сама Чехословакия защищаться, насколько сильны были боевые настроения в армии, среди рядовых граждан и особенно в верхах. А то в ответ на годесбергский ультиматум Гитлера, переданный через Чемберлена, последовал гордый ответ, что «нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов», в Праге прошел грандиозный патриотический митинг с 250 тыс. участников¹.

Но всего через неделю Чехословакия без малейшего сопротивления пришла к полной капитуляции. Примечательно, что «чехословацкое правительство ни разу ясно и в полный голос не заявило о своем непреклонном желании бороться с гитлеровской агрессией. Оно все время колебалось между стремлением отразить нападение Германии и готовностью принять — под давлением франко-английских союзников — гитлеровский диктат»².

Прага так до последнего и не решалась напрямую спросить, будет ли Москва помогать Чехословакии, если от этого уклонится Париж. Видимо, опасалась, что это будет истолковано как призыв к односторонним советским действиям (по советско-чехословацкому договору помощь со стороны СССР была обусловлена аналогичными действиями Франции) или спровоцирует совместное выступление Германии, Англии и Франции против Чехословакии и Советского Союза. Тем не менее советское руководство давало понять, что готово сделать даже больше, чем полагалось по договору с Чехословакией. Но и это не возымело эффекта.

Даже, мягко говоря, не любивший Советский Союз Уинстон Черчилль и тот вынужден был впоследствии написать, что вместо предлагавшегося Москвой сотрудничества «всё время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать — с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это»³.

Третье. Точка невозврата на пути к новой мировой войне, видимо, пройдена. Война неумолимо надвигалась. Если при этом на международной арене творилось нечто невообразимое, если западным державам доверять нельзя, а система коллективной безопасности осталась в несбыточных мечтах, если все время из Москвы виделась угроза создания на антисоветской основе единой империалистической коалиции, то что можно в такой ситуации сделать? В Кремле, надо полагать, пришли к выводу, что рассчитывать в плане обеспечения безопасности своей страны можно только на себя, на свои силы и возможности. Никакие союзы, никакие нормы права, а тем более морали, не спасут. При необходимости ими пренебрегут, о них сразу забудут или сделают вид, что забыли. Так что думать надо, прежде всего, о себе, о своих интересах, о безопасности своего государства. И нечего особенно стесняться в отношениях с другими странами. Если потребуется через кого-то переступить, ущемить чьи-то интересы, самим решить чью-то судьбу — ничего, в нынешней экстремальной ситуации это до-

пустимо. Другие же так делают. Вот в Мюнхене Чехословакию разделили, как говорится, под орех. Пока гранды европейской политики решали ее судьбу, представителей Праги держали в соседней комнате под надзором эсэсовцев, а когда позвали, как вспоминал один из чехов, «нам было в довольно грубой форме сказано... что приговор обжалованию не подлежит, равно как и изменениям»⁴.

В конце концов, как, видимо, решили в Москве, если выбирать между бумагой, на которой записаны какие-то международно-правовые обязательства и положения, и геополитикой, ее нуждами и требованиями, за которыми стоят судьбы миллионов людей и всей своей страны, то выбирать надо геополитику. Могут сказать, что это цинично, идет вразрез с международным правом, нарушает интересы других народов, не соответствует морально-нравственным критериям. Может быть. А кто сейчас не нарушает и кто соответствует? В любом случае безопасность своей страны и жизни своих людей важнее.

Четвертое. Рассчитывать надо в первую очередь на свои силы, но, тем не менее, оставаться на международной арене в одиночестве крайне нежелательно. С кем-то надо договариваться, но максимально конкретно, обозначая обязательства сторон, их геополитические потребности, зоны интересов и т.д. При этом заранее не лишать себя возможности выбора. Как гласит народная мудрость, не стоит сразу класть все яйца в одну корзину, надо максимально сохранять свободу маневра. Плоха та дипломатия, которая не заботится об альтернативных вариантах решения своих задач, не учитывает возможности резкого изменения международной обстановки, не имеет козыря на всякий случай.

После Мюнхена и до августа 1939 года советская дипломатия так и действовала. Хотя предпочтительнее был альянс с западными демократиями, но дверь держали открытой и для германского варианта, который, в конечном счете, и сработал.

Но вот после событий августа — сентября 1939 года, после заключения советско-германских договоров и секретных протоколов к ним политика СССР приобрела, как представляется, несколько однобокий характер, все больше приобретая прогерманский крен. Складывалось впечатление, что все «яйца» всё-таки оказались в одной корзине. Если оформить советско-германскую границу следовало, то зачем надо было заводить разговор о какой-то «дружбе» с нацистской Германией и использовать соответствующую риторику в публичных выступлениях советских руководителей? «Советские лидеры, — отмечал академик Александр Чубарьян, — включили в название договора слова «о дружбе», что явно выходило за рамки прежнего договора о ненападении и договоренностей о разделе сфер интересов и не диктовалось ни международной обстановкой, ни германскими требованиями. Сталин спустя месяц после подписания договора с Германией о ненападении явно переступил грань чисто дипломатических отношений, употребив термин «дружба» в отношении режима, вызывавшего осуждение всей мировой общественности»⁵.

Какую сумятицу в умах советских людей породил этот резкий поворот внешней политики СССР, каким ударом это оказалось для международного коммунистического движения, какой прекрасный повод для антисоветской риторики на Западе, которая не утихает и сейчас, 80 лет спустя! Да и сам Сталин в конце

концов оказался сбит с толку разными перипетиями этой «дружбы» с Германией, пытаясь определить, когда же та пойдет войной на Советский Союз.

Поначалу этот крен в советской внешней политике можно было бы хотя бы отчасти объяснить чисто эмоциональными факторами, действовавшими на советское руководство. После последних недель и месяцев страшного напряжения, после ожидания самого плохого — войны, в конце концов ситуация разрешилась так, как Москву устраивало. Гитлер напал на Польшу, а Англия и Франция объявили Германии войну. Хотели столкнуть нас с Гитлером? Теперь вот сами с ним воюйте. Польша до последнего не желала слышать о военном сотрудничестве с СССР? Пусть теперь сама расхлебывает эту кашу, которую во многом сама же и заварила.

Одновременно советская дипломатия вольно или невольно отталкивала от себя вчерашних потенциальных партнеров — Англию и Францию. Конечно, те в своем антисоветском угаре тоже были хороши. Накануне 22 июня 1941 года отношения СССР с Великобританией внешне выглядели хуже, чем с Германией. По крайней мере, дважды дело чуть было не дошло до прямого военного столкновения русских и англичан (последние вместе с французами планировали отправить свои войска на помощь финнам во время «зимней войны» и готовились к бомбардировке бакинских нефтепромыслов). Советский Союз отвечал им «взаимностью». Так, в мае 1941 года Москва признала антибританское, прогерманское правительство в Ираке, которое, придя к власти в результате переворота и пригласив в страну немцев и итальянцев, пыталось выгнать англичан из Ирака (но вскоре само было разбито). Примечательно, впрочем, что с началом германского вторжения всё моментально поменялось. Оказалось, что, несмотря на все взаимные выпады и жесткую риторику, и англичане готовы оказать Советскому Союзу помощь, и Москва готова ее принять.

Конечно, при таком поведении что Берлина, что Лондона с Парижем можно было бы действовать согласно еще одной народной мудрости: «С волками жить — по-волчьи выть». Но эта формула всё же не может быть ориентиром для дипломатии, по крайней мере для такой, за которую потом не будет стыдно.

Пятое. Последний, обобщающий и, наверное, самый главный урок для Москвы и для всех других. С общей угрозой надо бороться своевременно и совместно и обязательно с участием СССР (России). Это было верно в 1938—1939 годах. Это верно и сейчас.

Сноски к главе

- 1 Шубин А.В. СССР и Мюнхенский договор 1938 года // Новая и новейшая история. 2018. №4. С.41.
- 2 Орлик И.И. Москва – Прага: Накануне чехословацкой трагедии. По материалам архива Министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 2018. №4. С.27.
- 3 Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1.Т. 1: Надвигающаяся буря; Т. 2: Их звездный час /Уинстон Черчилль; Сокр. пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. С. 143.
- 4 Орлик И.И. Указ соч. С.24.
- 5 Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года / А.О. Чубарьян. - М.: Наука, 2008.

Сергей Буранок

**«СТАРЫЕ ИМПЕРИИ»
И «НОВЫЙ МИРОВОЙ
ПОРЯДОК»:
РЕАКЦИЯ ПРЕССЫ США
НА МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР**

Американская пресса с большим вниманием отнеслась к сентябрьскому кризису 1938 г. Особенно к позициям заинтересованных сторон. Так, *Milwaukee Journal* от 23 сентября 1938 г. писал о миротворческой позиции Великобритании, сопротивленческих настроениях во Франции и агрессивных намерениях Польши и СССР, которые стремятся под предлогом Чехословацкого кризиса развязать войну¹. *New York Times* занимает похожую позицию, сконцентрировавшись не на шантаже Гитлера, а на польском ультиматуме и претензиях Польши к Чехословакии², а именно: «...решить проблему на территориях, населенных поляками, в том же порядке, как и на территориях с немецким населением»³. *Pittsburgh Press* от 24 сентября писала, что СССР угрожает Польше разорвать пакт о ненападении⁴.

При этом пресса США пыталась оценить шансы сторон в возможной войне из-за Чехословакии. Влиятельная *New York Times* писала 26 сентября 1938 г.: «Война и блокада Германии предрешили бы капитуляцию через шесть месяцев после первого выстрела в новой мировой войне»⁵. Параллельно с этим публиковались многочисленные обзоры состояния экономики Германии, в которых демонстрировалась неготовность Третьего рейха к войне. Но политические обозреватели США настаивали на уважении и внимательном рассмотрении требований Гитлера — ради сохранения общеевропейского мира.

Видно, что пресса США создавала в самые напряженные дни кризиса следующую картину: Германия выступает с вполне понятными и обоснованными требованиями о защите прав немцев в Чехословакии, но этим решают воспользоваться Польша и Советский Союз, провоцируя, каждый в своих интересах, полномасштабную войну в Европе. Причем газеты США часто писали в сентябре 1938 г., что Иосиф Сталин использует политику Адольфа Гитлера для попытки сокрушения «мирового империализма». При таких акцентах полностью изменялись и искажались представления граждан США об истинной угрозе войны, о подлинном нарушении международных договоров Германией, о целях внешней политики фашизма.

Перед самым заключением Мюнхенского договора СМИ США, Великобритании, Франции, Канады настойчиво обращали внимание на формируемую ими же «проблему Украины». Так, *Milwaukee Journal* писал, что «Украина – это не часть России, ее население никогда не говорило по-русски, зато Украина дает СССР 80% угля, 60% железной руды, 65% зерна, 95% марганца»⁶. У американских читателей создавалось впечатление, что Украина — это угнетаемая колония Советского Союза и ее «освобождение» Польшей и Германией будет логичным и правильным шагом. Такие мысли высказывались в американских периодических изданиях на протяжении всего сентября 1938 г.

В этом свете очень важным является пресс-релиз Госдепартамента США от 26 сентября, подписанный президентом Рузвельтом. В нем президент США Франклин Делано Рузвельт обращается к президенту Чехословакии и канцлеру Германии с призывом к миру и приводит многочисленные аргументы против войны: «Экономика стран может быть разрушена. Социальная структура каждого государства может быть полностью разрушена»⁷. Это явный намек на возможные выгоды СССР в результате европейской войны, о чем так настойчиво писала американская пресса.

Еще один аргумент Рузвельта: «Очень важно, что все народы вспомнили,

что каждое цивилизованное государство в мире добровольно приняло на себя торжественные обязательства пакта Келлога-Бриана 1928 года — решать споры только мирными методами»¹⁸. Это уже не намек, а прямой призыв к Чехословакии прекратить сопротивление и принять ультиматум Германии, а Англии и Франции — не вмешиваться. Ведь как раз в СМИ США в период 24—26 сентября появились опасения по поводу мобилизации «западных демократий»⁹. Завершался пресс-релиз словами о том, что «во время нынешнего кризиса народ Соединенных Штатов и правительство искренне надеялись, что переговоры по корректировке тех противоречий, которые сейчас возникли в Европе, могут достичь успешного завершения»¹⁰.

Такая позиция президента, Госдепартамента и общественности США облегчила налаживание переговорного процесса и способствовала изменению позиции части периодических изданий на поддержку мирного соглашения. Заключение мюнхенских соглашений вызывает не только живейший интерес в американском обществе, но и его раскол на сторонников «пакта четырех» и жестких критиков «мюнхенской политики». Подробная характеристика настроений общественно-политических сил США представлена в материалах ведущих газет. Следует отметить, что в канун подписания «пакта четырех» пресса расценивала подобный политический ход как «чудо, возможно, спасшее Европу»¹¹.

Газеты разместили на передовицах крупные заголовки: «Чешский кризис закончился подписанием четырехстороннего соглашения»¹²; «Нацистские требования приняты. Война в Европе предотвращена»¹³; «Большая четверка приняла мирный план»¹⁴. И неизменно указывалось, что только Советский Союз выступил против данных соглашений, что воспринималось общественностью США как «СССР против мира».

Но пресса США публиковала и очень настороженные комментарии. Так, Джо Морис («Юнайтед пресс») из Мюнхена сделал один главный вывод: «Гитлер как колосс восстал в центре Европы»¹⁵. И, по мнению журналиста, другие малые страны Европы теперь будут притягиваться к этому колоссу.

Однако, как отмечал Константин Уманский в письме наркому иностранных дел СССР Максиму Литвинову, «в США в целом антифашистские настроения сильны. Послемюнхенское похмелье наступило скорее, чем в Европе, и имеет более всеобщий характер. Это сочетается, однако, с новым усилением изоляционизма, с резким падением доверия к Англии как к возможному партнеру в отпоре японцам»¹⁶. Видно, что советский дипломат очень точно проанализировал и охарактеризовал положение в американском обществе по поводу угрозы войны на ноябрь 1938 г.

Американские карикатуристы отреагировали на Мюнхен в более резких и эмоциональных тонах, чем пресса в целом. В карикатурах можно встретить как мотивы одобрения мюнхенского сговора, так и его критики. Так, в Pittsburgh Press 29 сентября опубликован рисунок «Невинные наблюдатели», на котором Эдуард Даладье, Невилл Чемберлен, Бенито Муссолини и Гитлер изображены перед тенями простых граждан, рабочих, солдат, стариков и детей¹⁷. Лица политиков обращены к Чемберлену, который протягивает Гитлеру бумаги. «Наблюдатели» с огромным вниманием и почтением следят за переговорами. Так формировался образ судьбоносной конференции, от которой зависит мир и без-

опасность простых людей. Карикатура подчеркивала настроения части английского и американского общества – «мир любой ценой».

Другая очень похожая по смыслу карикатура в *The News-Sentinel* от 30 сентября 1938 г.: на переднем плане изображены немецкий и чехословацкий солдаты, готовые вступить в бой. А за ними огромная улыбающаяся фигура с распростёртыми объятиями «Мировая война», перед которой нищая старуха, символизирующая послевоенных политиков, отдает последние деньги. Так очень образно в *The News-Sentinel* подчеркивали не только бесперспективность войны, но и виновных — это упорство Гитлера и Чехословакии.

Советский фактор в карикатуристике также появляется в апологетических изображениях. Дэвид Лоу поместил на центральный план карикатуры Сталина, приходящего на Мюнхенский саммит с вопросом: «А что, для меня места нет?» Здесь показательными являются лица заседающих: Даладье и Чемберлен удивленно смотрят на Сталина, тогда как Гитлер и Муссолини надменно отвернулись и закрыли глаза (причём под стулом Гитлера уже лежит «Пакт четырех»). Этим подчеркивалось не только единство европейских держав, но и опасность неожиданного советского вмешательства.

Как видно, карикатуры, одобряющие Мюнхенский договор, делали акцент на тех же аргументах, что и текстуальные СМИ: важность европейского мира и единства, страх перед ужасами войны, боязнь «красной угрозы».

Так, известный художник Доктор Сьюз опубликовал в октябре 1938 г. карикатуру, где маленький улыбающийся миротворец (с леденцами в руках) окружен выплывающими из моря огромными змеями с нацистской символикой. На рисунке приведены его слова: «Запомните, еще одна конфетка, и вы идете домой». Только конфет у него 4, а змей вокруг — 15. Другая карикатура Сьюза изображает американских граждан, выстроившихся в очередь за страусиными шеями (когда уже большая часть общества данные шеи получила и спрятала голову в песок). Подпись: «Страусиная шея. Лекарство от головной боли из-за Гитлера. Забудьте плохие новости». Данный рисунок был направлен на критику политики изоляционизма, которую Сьюз считал неприемлемой.

Это отражает ситуацию в обществе: стремление отгородиться не только от войны, но даже от военных новостей. Однако руководство США уже делало шаги по подготовке страны и общества к новой мировой войне.

Как раз в 1938 г. в Конгрессе (и в обществе США в целом) проходили ожесточённые дебаты по поводу программы усиления армии и флота, которую предложил президент Рузвельт¹⁸. Она носила ярко выраженный антияпонский характер, и с этого времени главным источником стабильности и безопасности мира в США воспринималась Япония¹⁹. Это отмечает в своем письме и Уманский: республиканцы в Конгрессе могут выступать с антияпонскими речами, но поддерживают мюнхенские соглашения, а ведущие послы США в европейских странах их полностью одобряют²⁰. Следовательно, можно заключить, что в конце 1938 г. в вопросе об угрозе войны американское общество различало угрозу со стороны Японии как наиболее опасную и реальную и угрозу со стороны Германии и Италии, но сохранялась вера, что последнюю удастся скорректировать в восточном направлении.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Сноски к главе

- 1 Milwaukee Journal. 23.09.1938. P. 1, 2.
- 2 New York Times. 24.09.1938. P. 3.
- 3 New York Times. 23.09.1938. P. 1.
- 4 Pittsburgh Press. 23.09.1938. P. 3.
- 5 New York Times. 26.09.1938. P. 16.
- 6 Milwaukee Journal. 23.09.1938. P. 2.
- 7 Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1983. P. 425.
- 8 Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1983. P. 425.
- 9 Washington Times-Herald. 24.09.1938. P. 1; Wall Street Journal. 25.09.1938. P. 1; Chicago Daily Tribune. 24.09.1938. P. 1, 2.
- 10 Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1983. P. 426.
- 11 North Devon Journal. 1938.09.29. P. 1, 3; Gloucester Citizen. 1938.09.29. P. 1.
- 12 Herald-Journal. 30.09.1938. P. 1.
- 13 New York Times. 30.09.1938. P. 1.
- 14 Lewiston Daily Sun. 30.09.1938. P. 1.
- 15 Pittsburgh Press. 30.09.1938. P. 1.
- 16 Год кризиса: 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 101.
- 17 Pittsburgh Press. 29.09.1938. P. 6.
- 18 Об этом так же пишет К.А. Уманский, см.: Год кризиса: 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 100.
- 19 См.: Буранок С.О. Пёрл-Харбор в оценке военно-политических деятелей США 1941–1945 гг. Самара, 2009. С. 101–104.
- 20 Год кризиса: 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 100–101.

Марина Янглева

**МЮНХЕНСКИЕ
СОГЛАШЕНИЯ
В ФИНСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ:
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

*Выражаю огромную признательность своему
финскому коллеге г-ну Ристо Койвисто за
возможность работы с оригиналами публикаций
финских газет 1938 г. и доступ к книжным новинкам.*

До недавнего времени Финляндия славилась традициями печатной прессы и высоким уровнем доверия населения к масс-медиа: на рубеже XX—XXI вв. страна озёр входила в тройку мировых лидеров по количеству ежедневных газет на душу населения, ведущая финская газета «Хельсингин Саномат» (Helsingin Sanomat) по праву считалась эталоном качественной прессы и самой крупной газетой в Северной Европе, общественного вещателя «Юлейсрадио» ставили в пример другим европейским странам, свобода слова не была декларационной. И до сих пор пресса Финляндии разнообразна, не утратила своей способности формировать идентичность региона и может по праву считаться настоящим (полновесным) игроком публичной сферы. И, несмотря на то что на протяжении XX в. журналистика Финляндии перенимала образцы и британской, и американской журналистики, в этой стране не было вертикали печати, как в Великобритании (то, что появлялось на страницах общенациональной «Хельсингин Саномат» («ХС») — можем относительно назвать ее финским аналогом британской «Таймс» (The Times) — не обязательно находило место в региональной прессе, а региональная пресса в свою очередь могла позволить себе самостоятельные публикации о громких политических и экономических событиях до того, как информация появлялась в «ХС»), а развитие радио и ТВ не пошло по пути коммерческого, как в США. Поэтому, говоря о таком событии, как Мюнхенский сговор, с учетом Восточной политики Финляндии в 1930-е гг., фигур Маннергейма, Кекконена, Холсти, Эркко, содержания работ финских историков по истории Зимней войны, необходимо обратить внимание именно на прессу — финские историки если не обходили Мюнхен стороной, то особо (в плане акцентов) его и не жаловали. Обратимся к истории вопроса и атмосфере, царившей в Финляндии накануне Мюнхенских соглашений.

1930-е гг. — очень интересное время в финской политике, прежде всего из-за взаимоотношений Финляндии с СССР. Об этом подробно изложено в книге Владимира Барышникова «От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы». Там же представлена вся историография вопроса, даются обширные комментарии на работы как советских, так и финских историков, изучающих данный период времени. Об этом периоде, подчеркивает автор, историки разных времен пишут по-разному: так, например, в отечественной литературе 1950–60-х гг. предпочитали не писать о разногласиях и враждебном настрое финнов по отношению к СССР, дабы не портить положительную картину взаимоотношений в соответствии с линией Паасикиви — Кекконена, и крупные исследовательские работы, отображающие реальное положение дел, были написаны начиная с 1990-х гг., когда были открыты архивы и дана возможность называть вещи своими именами¹.

Признанной классикой стала работа финского специалиста Юхани Суоми «Фон Зимней войны. СССР в финской внешней политике 1937—1939», опубликованная в 1973 г. и получившая награду за лучшее историческое исследование².

В 2014 г. монография была переиздана с новым предисловием и эпилогом (к предисловию обратимся отдельно, см. ниже). В 2013 г. появился современный эпос (почти 600 страниц) Маркку Йокисипиля и Янне Кёненена «Гости Третьего рейха: Финляндия на орбите гитлеровской Германии 1933—1944», дающий максимально полное представление о том, что происходило в публичной сфере Финляндии накануне и во время Второй мировой войны³. Авторы воссоздают картину происходящего на так называемом «человеческом» уровне, используя яркие эпитеты, определения, броские заголовки. И уже в оглавлении книги мы находим информацию о том, что внешняя политика Финляндии «села на брюхо» (Ulkorolitiikan mahalasku), что у переговорщика Геринга бизнесмена Йозефа Велтенса были «финские помощники» (Veltjensin suomalaiset apurit), что велись споры о «провокационных» германских фильмах (Riitaa kiihotusfilmeistä) и что «летят большие орлы» (Suuret kotkat lentävät)...

Эти три крупные работы позволяют наиболее точно охарактеризовать финскую публичную сферу того времени. Выделяем четыре крупных блока:

А) Германофильские настроения в среде интеллигенции и среди учащихся и военных.

Германия воспринималась как культурный центр Европы. Ярким примером такого отношения может послужить личность Вейкко Коскениеми – профессора литературы, автора гимна Финляндии на музыку Яна Сибелиуса. Однако и он к 1938 г. занял позицию молчаливого наблюдателя. После войны он сумел сохранить свой авторитет и сыграл значительную роль в финской культуре 1940–1950-х гг., однако левые его ненавидели.

Военные тоже были настроены по отношению к Германии романтично. Из дневника фон Блюхера, 16 июня 1938 года: «В связи с Чехословацким кризисом финские солдаты были уверены в том, что Германия не смогла бы стать той силой, которая в случае начала войны первой захватила бы территории Финляндии и тем запустила бы цепочку событий, которая развела бы Финляндию и Германию по разным лагерям»⁴.

Б) Разброс мнений в финской общественности и политической элите относительно обстановки в мире и в стране.

Фашистская экспансия открыто осуждалась. Одновременно с этим среди немецкоязычных финнов были также те, кто верил и надеялся, что Германия нападет на Советский Союз и финны будут участвовать в этом буржуазном крестовом походе западной цивилизации⁵. «Приверженцы Германии были в социально уважаемых позициях, и их взгляды были видными в обществе, однако в парламенте они представляли меньшинство, но их голос был громким»⁶. Выборы в парламент состоялись в 1936 г. Социал-демократы получились 38%, аграрии – 22%, национальная коалиция – 10,36%, крайне правые – 8,34%, или 14 мест⁷. В 1939 г. социал-демократы получили 39,77% голосов, крайне правые – 6,65%, потеряв 6 мест. Отметим здесь также, что шведоязычный барон Карл Густав Эмиль Маннергейм, бывший регент и фельдмаршал и будущий президент Финляндии, испытывал брезгливость к нацистам, их расовой политике, презирал их методы⁸.

В) Отношение СССР с Финляндией из второстепенных (к 1934 г.) превращаются в одну из наиболее существенных проблем с т.з. обеспечения безопасности его северо-западных рубежей.

14 апреля 1938 г. состоялись переговоры второго секретаря посольства СССР в Финляндии Бориса Ярцева (настоящее имя Борис Рыбкин) с министром иностранных дел Рудольфом Холсти. Правительство СССР было уверено, что Германия планирует нападение на СССР и в эти планы входит боковой удар через Финляндию. Поэтому отношение Финляндии к высадке немецких войск так важно для СССР. Если Финляндия окажет немцам сопротивление, СССР окажет ей военную и хозяйственную помощь. СССР требовал секретного соглашения — обязательного при нападении Германии участия в обороне финского побережья, строительства укреплений на Аландских островах и размещения советских военных баз для флота и авиации на острове Гогланд (фин. Suursaari). В течение пяти последующих месяцев переговоры продолжались (в том числе с премьер-министром Каяндером и министром финансов Таннером) и шли сложно, витиевато. Отношение финского населения к СССР в большинстве своем оставалось враждебным. Увольнение Холсти, настроенного по отношению к Германии скептически, и назначение владельца «Хельсингин саномат», англофила Эркко, получившего «доверие Германии», на пост министра иностранных дел стало ключевой точкой в «сломе» переговоров советской и финской сторон: Эркко и президент Каллио не согласились больше встречаться с советскими дипломатами, Финляндия отвергла предложения Ярцева в конце августа 1938 г. Это было четкое послание Советскому Союзу. И Суоми, и Йокисипия пишут, что Финляндия допустила большую ошибку, не приняв во внимание со всей серьезностью и положение Ярцева, и его предложение⁹.

Г) «Скандинавская ориентация» – единственный способ избежать участия в конфликте крупных держав.

Так, например, Маннергейм возлагал большие надежды на Оборонный союз с Швецией. Согласно Йокисипиле, Маннергейм в 1938 г. понял, что самым большим врагом был Гитлер, а не Советский Союз¹⁰. В своих мемуарах он назвал период 1931—1939 гг. «Наперегонки с бурей»¹¹. За Северное сотрудничество выступал и Кекконен, который на тот момент времени был министром внутренних дел и для сохранения мира внутри страны и отношений с СССР выступил инициатором запрещения лапуасского движения – крайней правой партии *Isänmaallinen kansanliike*. IKL подчеркивала автономию Финляндии в принятии решений и не придавала значения Северному сотрудничеству.

Вернёмся к предисловию Юхани Суоми 2014 г. Уважаемый финский историк, советник президента Кекконена по иностранным делам, вновь возвращается к 1930-м. С учётом «вчера» он опасается за «сегодня» и сетует на то, что современные политики историю не слышат. Суоми сравнивает тогдашнюю обстановку с сегодняшними событиями, связанными с кризисом на Украине 2014 г., и говорит так: «В последний день ноября 2014 года разжигание Зимней войны в финской публичной сфере началось снова, прошло 74 года с момента ее начала. За последние полгода Финляндия во внешней политике и в дебатах по оборонной политике и безопасности удивительным образом ведет себя так же, как и перед Зимней войной. Внешнеполитическое руководство Финляндии и СМИ неоднократно публично не признавали за СССР (и сегодняшней Россией) статуса великой державы». Так же, как и в 1930-е, Россия воспринимается как нация, которая «стоит на лопастях». Так же, как и в 1930-е, Финляндия нацелена на поиск военных союзников... Настроения в Финляндии открыто антироссий-

ские, и, продолжает автор, есть некоторые примеры, которые свидетельствуют о том, что история политиков ничему не научила. Например, высказывания генерала Густава Хагlund (при нем Финляндия присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира» – прим. авт.): «Русские (войска) боятся приходить сюда. Они знают, что здесь получают в морду...»¹².

Итак, как Мюнхен был представлен финскому народу? О чем забыли и не вспоминают не только конъюнктурные политики, но и доверчивые граждане? Обратимся к трем разным типам изданий: популярному иллюстрированному еженедельному журналу «Суомен кувалехти» (Suomen kuvalehti), региональной социал-демократической газете «Этеенпайн» (Eteenpäin, «Вперёд»), выходящей в Котке, и к «Хельсингин Саномат» в августе-октябре 1938 г.

«Суомен кувалехти» — еженедельник для всей страны. Поэтому и темы у него — общестрановые. Например, Олимпиада. Финляндия готовилась принять у себя Олимпийские игры в 1940 г. Но этого по причине войны, к сожалению, не произошло. Однако в 1938 г. об этом еще не знали. И радостно предвкушали мировое событие.

Вторая по важности тема начала августа — Мисс Суоми, которую выбрали (в сентябре – прим. авт.) Мисс Европы¹³. И, конечно же, подготовка к школе, то есть первое сентября. О Германии пишут исключительно положительно, о России с иронией и сарказмом – мисс Суоми «соседствует» с «воображаемой страной счастья», которая на поверку оказалась «голодной тюрьмой»¹⁴. Но «на границе (германо-чешской – прим. авт.) всё еще спокойно»¹⁵. 20 августа мы видим, что немецкий взгляд уже направляется на Восток («Saksan katse suuntautuu kaakkoon»). В сентябре финский обыватель узнает, что на улицах Лондона читают новости о Чехословакии (фотография на полосе – прим. авт.)¹⁶, что жители Праги запятаны противогАЗами. В это же время «голубь мира» (Чемберлен – прим. авт.) летит в Германию, а в Германии в Нюрнберге проходит военный парад и «дер Фюрер» проверяет состояние войск (фотографии на развороте с комментариями – прим. авт.). И в этом же номере (причем на обложке) снова мисс Суоми – за четыре года финская девушка три раза становилась красавицей Европы и это очень важно для нации, потому что в отличие от других стран Финляндия выступает за мир, красоту и нейтралитет: «Европа не говорит ни о чем, кроме войны: идет ли она сегодня или будет завтра. Финляндия хочет, чтобы о ней и её нейтралитете узнал весь мир. Имя, которое сделало нашу страну и нашу позицию известной всем, — это Сиркка Салонен, победительница европейского конкурса красоты этого года»¹⁷.

1 октября, на следующий день после подписания Мюнхенских соглашений, «Суомен кувалехти» выходит с фотографией солдат в касках на обложке с надписью «Лица Европы» (Euroopan kasvot)¹⁸, а 8-го позволяет себе иронизировать по поводу того, что Чемберлен испытывает трудности с подписанием документа: «Где мне расписаться? Чемберлен ищет место для подписи» (подпись под фотографией Чемберлена с ручкой, склонившегося над соглашением, – прим. авт.)¹⁹. Фотографии Чемберлена и Муссолини в этот судьбоносный для всей Европы момент соседствуют, однако, с выставкой собак, тремя близнецами в одной коляске, концертом дрезденского квартета в финских городах и «триумфальным возвращением Фюрера» в Берлин²⁰.

Напоследок стоит упомянуть статью от 15 октября о Колчаке с привязкой, конечно же, к Чехословакии. И отметить, что действия Германии в Чехословакии изменили отношение Финляндии к Германии (о чём стали писать недавно): многие финны отождествляли себя с Чехословакией и рассматривали соглашение с позиций того, насколько уязвимы малые государства в международной политике, и когда Германия в марте 1939 г. нарушила это соглашение и полностью оккупировала Чехословакию, симпатизировавшие Германии в Финляндии наконец-то выступили против завоеваний Гитлера. До 1939 г. трансляция положительного образа Германии была, так сказать, делом обыденным, речи Гитлера передавались наряду со статьями о музыке и литературе²¹. Одним словом: жизнь.

Гораздо жестче и откровенней была позиция газеты «Этеенпяйн» — несмотря на географию, газета была важна для всей Финляндии в целом как орган крупнейшей партии (находившейся на тот момент времени в оппозиции к действующей власти) в стране. В отличие от «Суомен кувалехти» и «Хельсингин Саномат» (об этом далее по тексту) газета открыто выступала против Гитлера и нацистской Германии. В сентябре-октябре 1938 г. ситуация в Германии и Чехословакии являлась основной темой номеров, что должно было быть прерогативой общенациональной прессы. Тем не менее провинциальное издание «посмело» не ограничиваться местными новостями и взять на себя роль активного наблюдателя и борца и продемонстрировать высокий уровень журналистского мастерства, аналитики. Позиция «Этеенпяйн» по отношению к Мюнхенским соглашениям была ОЧЕНЬ критической: Чехословакию изрезали на куски (дословно в заголовке: «Измельчение Чехословакии началось»²²), Мюнхенская встреча лидеров западных держав — это вовсе не встреча (встреча в Мюнхене берется в кавычки: «Munchenin kokous»²³ — что можно расценить как настоящее политическое заявление), и вообще, Чехословакию продают с молотка (в комментарии, подписанном псевдонимом Juuveli, помимо закавыченного Мюнхена можно также встретить выражение «Чехословацкий аукцион» («Tshekkoslovakian huutokauppa»²⁴), а Лига Наций — это просто «заглушка» («tynkä-kansainliito»²⁵). О Чемберлене пишут, мягко говоря, иронично. И... предлагают ему получить нобелевскую премию мира: «Нобелевскую премию мира Чемберлену? Нобелевскую премию мира Чехословакии!»²⁶ Гитлер — монстр: в тексте «Борьба за мировое господство», цитируемом по публикации норвежской газеты Arbeiderbladet, нацистско-фашистское мировоззрение предстает ужасающим: «Гитлер — не разумный политик, однако он пророк с большой наводящей силой. Он получил миллионы запуганных сторонников, что можно сравнить только с Мухаммедом и доктриной ислама...»²⁷. СССР —нейтральный участник событий.

В целом мир глазами финских социал-демократов таков: война идет! И в октябре жители Котки даже организовали сбор средств для жертв немецкой оккупации — беженцев из Чехословакии из районов Сучавы. В то же время собираются деньги для детей в Испании²⁸. Финский народ против нацистов и Гитлера? В «Хельсингин Саномат» другая картина, другая Финляндия.

Во второй половине сентября «Суомен кувалехти» поднимала вопрос: а будет ли война? 1 октября, после подписания уничтожившего прежнюю Европу документа, «Хельсингин Саномат» ответила: мир спасен²⁹. Что не может не напомнить политику умиротворения Гитлера, которой следовали все британские издания,

за исключением коммунистической «Дэйли Уоркер» (Daily Worker) и либеральной «Ньюс Кроникл» (News Chronicle). «Ни в этом, ни в следующем году войны не будет!» — с сентября по август 1939 г. этот лозунг регулярно выносила на первую полосу «Дэйли экспресс» (Daily Express) лорда Бивербрука, а в канун приезда министра иностранных дел Германии опубликовала передовицу под заголовком «Добро пожаловать, герр фон Риббентроп!»³⁰. Мир спасен, потому что есть Чемберлен, — он пользуется популярностью у британского народа и журналистов «ХС», его хвалят. Гитлера пока никто не хвалит, но и не критикует. Он Гитлер. Его молчаливо уважают. Он «Г-н Гитлер», с которым нужно идти на компромисс, с которым нужно считаться. Да, в Чехословакии «землетрясение», но у «ХС» своя задача — не мешать.

На четвертой полосе в редакционной статье под заголовком «Решение судетского вопроса в Мюнхене» («Sudeettikysymyksen ratkaisu Münchenissa») читаем: «Соглашение, достигнутое в Мюнхене в ночь на пятницу, приведет Судетскую область в лоно государства, к тому народному единству, к которому Судеты относятся как расово, так и географически»³¹... Далее идет речь об ответственности Англии и Франции, потом об обязательствах Германии: «Как вы можете видеть, через этот договор Германия удовлетворит все свои требования, но она должна отступить от своего порядка действий... потом о границах и референдуме по национальному признаку — процесс, который влечет за собой проблемы». Автор статьи это понимает, но настроен оптимистично: «Референдум по национальному признаку технически очень сложен... укрепление новых границ между Германией и Чехословакией также является чрезвычайно сложной задачей, учитывая, что жители обеих национальностей интегрированы друг в друга и проживают на обеих территориях. Впереди проблемы, но мы на них смотрим с оптимизмом...»

С таким оптимизмом, наверное, элита Финляндия и привела страну к вступлению во Вторую мировую войну на стороне фашистской Германии...

Сноски к главе

- 1 Барышников В.Н. От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского Университета, 1997.
- 2 Juhani Suomi. Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937-1939. Helsinki: Otava, 1973.
- 3 Markku Jokisipilä, Janne Könönen. Kolmannen valtakunnan vieraat: Suomi Hitlerin Saksan vaikutuspiirissä 1933-1944. Helsinki: Otava, 2013.

- 4 Цит.по: Markku Jokisipilä, Janne Könönen. Kolmannen valtakunnan vieraat: Suomi Hitlerin Saksan vaikutuspiirissä 1933-1944. S.138.
- 5 Ibid. S. 194-201.
- 6 Цит.по: Ibid. S.192.
- 7 Tilastokeskus 2004. [http:// www.tilastokeskus.fi](http://www.tilastokeskus.fi)
- 8 Йоффе Э. Линии Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2017. С. 292.
- 9 Juhani Suomi. Talvisodan tausta, 2014. S. 187; Markku Jokisipilä, Janne Könönen. Kolmannen valtakunnan vierat. S. 188.
- 10 Markku Jokisipilä, Janne Könönen. Ibid. S. 198.
- 11 Йоффе Э. Линии Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2017. С. 293.
- 12 Цит.по: Juhani Suomi. Talvisodan tausta, 2014.S.
- 13 Suomen kuvalehti. N 31, 06.08.1938; N 34, 27.08.1938, N 37, 17.09.1938.
- 14 Rajaloikkarikokemuksia: kuvitelmien onnen maa olikin kolkko nälkävankila // Suomen kuvalehti. N 34, 27.08. 1938. S. 1272-1273.
- 15 Rajalla on vielä rauhallista. N. 31, 06.08.1938. S. 1170-1171.
- 16 Suomen kuvalehti. N 38, 24.09 1938.
- 17 Цит.по: Suomen kuvalehti. N 37, 17.09.1938. S. 1378-1379.
- 18 Suomen kuvalehti. N 39, 01.10.1938
- 19 Suomen kuvalehti. N 40, 08.10. 1938.
- 20 Ibid.
- 21 Здесь стоит также отметить, что в «Суомен кувалехти» в августе-сентябре 1938 г. были размещены несколько статей известного чешского писателя-антифашиста Карела Чапека. В это время финская самоцензура еще позволяла публиковать таких авторов.
- 22 Tshykkoslovakian paloittelu alkanut // Eteenpäin, 01.10.1938. S. A.
- 23 Maailmansodan // Eteenpäin, 01.10.1938.S.C
- 24 Ibid.
- 25 Ibid.
- 26 Так, стокгольмский писатель Туре Нерман предложил чехословацкому народу получить премии мира.Rauhanpalkinto Chamberlainille? Rauhanpalkinto Tshykkoslovakialle!// Eteenpäin, 04.10.1938. S.C.
- 27 Цит.по: Taistelu mailman herruudesta// Etenpäin, 01.10.1938.
- 28 Eteenpäin, 13.10.1938.S.
- 29 Helsingin Sanomat. 01.10.1938. 1938. S. 11.
- 30 Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. М.: Изд-во МГУ. С. 102.
- 31 Sudeettikysymyksen ratkaisu Münchenissa // Helsingin Sanomat, 01.10.1938. S. 4.149.

Тамара Якова

ШВЕЙЦАРСКИЙ
НЕЙТРАЛИТЕТ
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ
МЮНХЕНСКИХ
СОГЛАШЕНИЙ

Во Второй мировой войне Швейцария оставалась чуть ли не единственной европейской страной, которая не была завоевана Германией или не воевала на ее стороне. Всего пять государств сохраняли нейтралитет, четыре из которых расположены на окраинах Европы (Ирландия, Швеция, Португалия и Испания)¹, и только Швейцария – в центре, между Германией и ее союзницей Италией. По документально подтвержденным источникам, у Гитлера были планы по военному захвату альпийской республики, но по разным причинам они не были реализованы². Швейцарские историки считают, что сохранению независимости Швейцарии способствовали несколько факторов:

- географический: горный рельеф с суровыми климатическими условиями особенно в зимнее время сильно осложнял возможность захвата территорий, оснащенных защитными военными укреплениями;
- языковой: на немецком языке говорят две трети населения страны, а Гитлер считал себя объединителем немецких народов;
- национальный: швейцарцы не считают себя одним народом с немцами, говорят не на классическом немецком, а на его диалектах, и следуют своим национальным традициям и обычаям;
- военный: в Швейцарии была (и до настоящего времени есть) хорошо вооруженная армия, способная мобилизоваться в течение двух суток;
- транспортный: в случае нападения швейцарцы могли бы взорвать горные тоннели и мосты, по которым проходили три из четырех горных проходов, связывающих Германию и Италию, что нанесло бы существенный ущерб экономике стран «оси»;
- административный: децентрализация государственного управления осложнила бы признание капитуляции страны, т.к. в Швейцарии большинство важных решений принимали кантоны, а швейцарский президент не имел достаточных полномочий для этого.

Совокупность этих и многих других факторов, очевидно, препятствовала военным планам вермахта, и возможная война была бы слишком дорогой для Германии. Гитлеру оказалось проще договориться со Швейцарией, получив при этом практически всё, что он мог бы получить путем завоевания. В итоге, Швейцария, единственная из всех соседей Германии, сохранила свою независимость³.

После 1933 г., когда в Германии к власти пришли национал-социалисты, политика Швейцарской Конфедерации носила двойственный характер: с одной стороны, швейцарские банки и промышленные предприятия сотрудничали с Германией; с другой, большинство населения негативно относилось к политике нацистов и активно участвовало в патриотическом движении противодействия фашизму и нацизму, а правительство принимало меры по подготовке страны к защите своих границ.

В феврале 1937 г. в Берлине состоялась встреча Гитлера с бывшим членом правительства Швейцарии, отвечавшим за экономические вопросы, Э. Шультхессом⁴. В ходе беседы Гитлер сделал заявление об отношениях со Швейцарией, которое сводилось к следующему: сохранение Швейцарии есть европейская необходимость. Но, с военной точки зрения, рейхсканцлер Германии рассматривал Швейцарию в качестве флангового прикрытия⁵.

В конце 1930-х гг. швейцарская интеллигенция и большинство населения были критически настроены по отношению к нацистской Германии и идеям национал-социализма. Одним из проявлений этих настроений стало формирование движения «Духовная оборона»⁶, включавшее примерно 40 различных общественных ассоциаций. Их деятельность была направлена на популяризацию в обществе традиционных ценностей Швейцарии и ее государственного уклада (федерализм, равноправие, терпимость, многопартийность). После аншлюса Австрии в марте 1938 г. движение активизировало свою деятельность. Одним из выступивших против идеологии национал-социализма стал известный швейцарский историк Карл Майер⁷. Изучив программу нацизма по книге «Майн Кампф», он смог довольно точно предсказать дальнейшие шаги Гитлера. По его словам, аншлюс Австрии — это только начало, на очереди — Чехословакия, что и произошло всего через несколько месяцев.

27 апреля 1938 г. Майер выступил в Цюрихе с докладом «Наша задача после заката Австрии», в котором отметил, что самое важное в этот момент для Швейцарии — усиление военной обороны страны и рост политического самосознания⁸. Среди влиятельных швейцарцев, присоединившихся к «Духовной обороне» в 1930-е годы, были главнокомандующий швейцарской армией во время Второй мировой войны Анри Гизан; президент Международного комитета Красного Креста, швейцарский дипломат Макс Хубер; основатель крупнейшей швейцарской торговой сети «Migros» Готтлиб Дуттвайлер; видный деятель швейцарского либерализма Анри Валлоттон; писатель Теофил Шпёрри и другие известные общественные деятели. Еще одним идеологом сопротивления нацизму был литератор Дени де Ружмон⁹, который решительно выступал против немецкого национал-социализма с протестантских и федералистских позиций. В 1938 г. в Женеве он выступил с докладом «Тоталитарный дух и задачи личности», в котором указал на то, что Швейцария должна занять жесткую оборону против нацизма, и не только в военной сфере: необходимо, прежде всего, обратиться к швейцарским традициям федерализма и выработать соответствующий «духовный настрой»¹⁰.

После аншлюса Австрии Швейцария оставалась единственной немецкоязычной страной, СМИ которой открыто критиковали нацистскую идеологию. Швейцарские газеты стали общественными трибунами, призывающими население к противостоянию фашизму и нацизму, а национальное общественное радио (основанное в 1931 г.) своими передачами оказывало сильное противодействие пропаганде Геббельса. Существенный вклад в борьбу с нацизмом внесли эмигрировавшие из Германии в Швейцарию немецкие публицисты, сотрудничавшие со швейцарскими газетами.

Одним из ярких примеров антинацистской и антифашистской публицистики стала газета «Вельтвохе», оказавшаяся настоящим рупором интеллектуальной духовной обороны страны. В воспоминаниях известного германского дипломата Э. фон Вайцзеккера (несколько лет проработавшего послом Германии в Швейцарии в 1930-е гг.) отмечается: «Швейцарская пресса воздвигает на 4 миллиона швейцарцев, более того, ее влияние распространяется и за рубежом... Поскольку здесь считают, что нас можно не бояться, (в прессе) нас поливают помоями там, где другие обошлись бы гораздо более мягкими выражениями»¹¹.

В середине 1938 г. швейцарская внешняя политика взяла курс на восстановление абсолютного нейтралитета, ограниченного членством в Лиге Наций. Целью такой политики было стремление освободиться от возможного участия в международных санкциях против вероятного нарушителя устава Лиги Наций, под которым подразумевалась Германия. 9 июня 1938 г. при вручении верительных грамот новым послом Швейцарии в Германии Х. Фрёлихером Гитлер приветствовал «вновь обретенный Швейцарией абсолютный нейтралитет»¹².

Накануне Второй мировой войны Швейцария как нейтральная страна была открыта для иностранцев, принимала эмигрантов из Германии и других стран и оставалась удобной площадкой для официальных и неофициальных переговоров и встреч на разных уровнях. В Женеве находилась штаб-квартира Лиги Наций.

Вопрос о возможной агрессии Германии в отношении Чехословакии обсуждался в сентябре 1938 г. на заседании Ассамблеи. 21 сентября председатель советской делегации Максим Литвинов в своей речи заявил, что Чехословакия «находится под угрозой громко провозглашенной агрессии»¹³. А 23 сентября после встречи с английскими делегатами (Батлером и лордом де ла Варром) он послал телеграмму в Москву с предупреждением о готовящихся «уступках» Гитлеру со стороны Великобритании и Франции¹⁴. Через несколько дней «уступки» были закреплены документально: 30 сентября 1938 г. Мюнхенские соглашения о присоединении к Германии Судетской области Чехословакии подписали главы правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), нацистской Германии (А. Гитлер) и фашистской Италии (Б. Муссолини).

Мюнхенский договор стал еще одним сигналом опасности швейцарской независимости. Пресса и радиовещание Швейцарии реагировали на соглашения острой критикой, акцентируя внимание на угрозах безопасности собственной страны. Представители передовой швейцарской интеллигенции выступили с осуждением Мюнхенских соглашений и призывами к борьбе с нацизмом. Известный писатель и теолог Карл Барт¹⁵, высланный из Германии из-за отказа присягнуть на верность Гитлеру, после Мюнхенского договора призывал к христианскому сопротивлению гитлеровскому режиму и одобрял вооруженную борьбу с фашизмом как священную. В парламенте и правительстве страны разрабатывались планы защиты границ Швейцарии и сохранения национального единства. 9 декабря 1938 года федеральный министр Ф. Эттер представил «Послание об организации и задачах мероприятий в области сохранения и продвижения швейцарской культуры», в котором были сформулированы основные положения «Духовной обороны»¹⁶. Особое внимание уделялось развитию швейцарских немецких диалектов, в которых усматривался самый убедительный способ поставить на пути идеологии нацизма культурно-лингвистический фильтр. В 1938 г. статус национального языка (четвертого официального языка в Швейцарии)¹⁷ получил ретороманский язык. Большой пропагандистский эффект как на внутри — так, и на внешнеполитическом информационном поле имела «Выставка достижений швейцарского народного хозяйства», прошедшая в Цюрихе в 1939 г., которая стала яркой демонстрацией национального единения. Выставка была материальным воплощением идеологии «Духовной обороны»: ее целью, с одной стороны, было стремление показать другим странам, и особенно соседям,

высокий уровень экономики Швейцарии и достижения в области промышленности и военной техники, с другой, поставить морально-духовный (с акцентом на швейцарские диалекты и демонстрацией швейцарского образа жизни¹⁸) заклон на пути идеологий итальянского фашизма и немецкого нацизма.

После нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Швейцария приняла экстренные меры. Командующий швейцарскими вооруженными силами генерал А. Гизан (вступивший в должность в августе 1939 г.) немедленно подал запрос в Федеральный совет о разрешении на проведение всеобщей мобилизации. Она была объявлена уже 2 сентября. В регулярную армию было призвано около 430 тысяч солдат и 200 тысяч вспомогательного персонала¹⁹. Швейцария готовилась к защите своих границ. Федеральные власти (правительство и парламент) придерживались стратегии сохранения независимости, которая включала два довольно противоречивых момента: с одной стороны, укрепление обороноспособности Швейцарии, с другой, выгодное для себя сотрудничество с Германией. А после поражения Франции летом 1940 г. швейцарские представители начали еще более активные консультации с чиновниками германских министерств. В результате этих переговоров были заключены (в августе 1940 г. и в июле 1941 г.) два швейцарско-германских экономических соглашения, которые заложили основу для регулярного промышленного сотрудничества Берна и Берлина. В 1940 г. Федеральный совет выделил под швейцарско-германское клиринговое соглашение кредитную линию в размере 150 млн. швейцарских франков (в 1941 г. – 850 млн.). Очевидно, что такими действиями Швейцария внесла заметный вклад в финансирование германской военной машины и продолжения войны на восточных территориях.

Военные планы Гитлера в отношении Швейцарии проанализированы в книге швейцарского историка Юрга Финка «Швейцария с точки зрения Третьего рейха 1933—1945, оценка и характеристика Швейцарии высшим руководством Германии с момента захвата Гитлером власти». Представленные в работе заявления Гитлера в период 1938—1942 гг. подтверждают важность швейцарских поставок вооружений в рейх. В одном из них говорится: «...прежде всего Швейцария должна быть сохранена до ожидаемой победы в Восточной кампании»²⁰. К концу войны отношение Гитлера к Швейцарии стало откровенно негативным, о чем свидетельствуют мемуары немецкого писателя Генри Пиккера под названием «Застольные разговоры Гитлера»²¹. В его цитатах использовались такие выражения, как «уродливый карлик германского народа» или «гнойник на теле Европы».

В 1943 г. усилилось политико-экономическое давление на Швейцарию со стороны антигитлеровской коалиции. В результате Швейцария постепенно начала сворачивать поставки странам «оси». Завершивший свое действие в конце 1942 г. швейцарско-германский договор об экономическом сотрудничестве не был возобновлен. С 1943 г. Швейцария проводила сбалансированный курс, но не прекращала свои взаимоотношения со странами гитлеровской коалиции. США и Великобритания рассматривали Швейцарию в качестве фактического сателлита Германии, способствовавшего продолжению войны²². И только в феврале 1945 г. Федеральный совет наложил эмбарго на германское имущество в Швейцарии (под давлением США).

В послевоенной исторической науке швейцарский нейтралитет в 1930—1940-е гг. неоднократно анализировался швейцарскими и зарубежными исследователями. Но остается еще достаточно много вопросов по внешнеполитической деятельности Швейцарии в этот период. Историки, писатели, журналисты привлекают внимание общественности к историческим урокам прошлого. Швейцарская качественная газета «Нойе Цюрхер цайтунг» в канун очередной годовщины Мюнхенского сговора писала: «Благодаря своим политическим, военно-стратегическим, а также психологическим последствиям Мюнхенская конвенция является решающим шагом к Второй мировой войне. Тем не менее соглашение — это больше, чем просто прошлое событие. Оно также стало воплощением неудачной политики доверчивых и недальновидных демократических государственных деятелей по отношению к диктаторам и неприемлемого поведения великих держав по отношению к малым государствам. То, что Мюнхенское соглашение продолжает действовать в этом символическом значении, показательно и сегодня в связи с сирийским конфликтом... Политики крупных государств обращаются к Мюнхенскому соглашению не только как к историческому событию, но и как к вневременному воспоминанию о роковой политике»²³.

Сноски к главе

- 1 Нейтральными оставались также несколько европейских карликовых государств: Андорра, Лихтенштейн, Сан-Марино и Монако.
- 2 В вермахте был разработан план «Танненбаум» (нем. «Ель») по захвату Швейцарии и вовлечению ее в войну против СССР, подобно тому, как это было реализовано с Бельгией. В плане предусматривалась оккупация Швейцарии Германией и Италией, и была намечена примерная линия раздела страны.
- 3 Нейтралитет Швейцарии насчитывает почти пятьсот лет: провозглашен «вечный мир» в Швейцарии был в 1516 г. Правда, были отступления от политики нейтралитета во время Великой французской революции, когда часть страны была присоединена к Франции. Но с 1815 года Швейцария не принимала участия в войнах и противостояниях ни на каких территориях.
- 4 Э. Шультхесс был единственным связным между Берном и Берлином на правительственно-неформальном уровне, поскольку в те годы члены Федерального совета принципиально не ездили с визитами за рубеж. Его поездка в Берлин была согласована с министром иностранных дел Швейцарии Дж. Мотта.
- 5 Meier M., Frech S., Gees Th., Kropf B. Schweizerische Außenwirtschaftspolitik 1930–1948: Strukturen – Verhandlungen – Funktionen. Reihe: Unabhängige Expertenkommission Schweiz - Zweiter Weltkrieg - Commission Indépendante d'Experts Suisse - Seconde Guerre Mondiale. Band 10. 2002.
- 6 Geistige Landesverteidigung (нем.) - Интеллектуальная национальная оборона.
- 7 В 1930-е годы Карл Майер был профессором истории Цюрихского университета.
- 8 Alice Meyer: Anpassung oder Widerstand. Die Schweiz zur Zeit des deutschen Nationalsozialismus. Verlag Huber, Frauenfeld, Stuttgart, Wien 2010.
- 9 Дени де Ружмон - швейцарский писатель, философ и общественный деятель. Лауреат премии Шиллера – одной из самых престижных литературных премий Швейцарии.
- 10 Buss M. Intellektuelles Selbstverständnis und Totalitarismus: Denis de Rougemont und Max Rychner, zwei Europäer der Zwischenkriegszeit. Frankfurt/Main: P. Lang, 2005.
- 11 Memoirs of Ernst Von Weizsäcker and Erinnerungen by Ernst Von Weizsäcker Reviewed by Henry L. Roberts. - Regnery and List, 1951.
- 12 Meier M., Frech S., Gees Th., Kropf B. Schweizerische Außenwirtschaftspolitik 1930–1948: Strukturen – Verhandlungen – Funktionen. Reihe: Unabhängige Expertenkommission Schweiz - Zweiter Weltkrieg - Commission Indépendante d'Experts Suisse - Seconde Guerre Mondiale. Band 10. 2002.
- 13 Из речи председателя советской делегации М.М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги Наций 21 сентября 1938 г. Источник: <http://www.katyn-books.ru/library/dokumenty-po-istorii-munhenskogo-sgovora181.html>
- 14 Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКВД СССР, из Жене-вы. 23 сентября 1938 г. Источник: <http://www.katyn-books.ru/library/dokumenty-po-istorii-munhenskogo-sgovora181.html>
- 15 Карл Барт, крупнейший теоретик протестантизма XX века, является основоположником «диалектической теологии». Преподавал теологию в Мюнстерском и Боннском университетах. После отказа подписать присягу на верность Гитлеру лишился кафе-дры и был выслан из Германии. Вернулся на родину в Швейцарию. Стал одним из соз-

дателей Исповедующей церкви, в которую вошли представители евангелических церквей Германии, не принявшие нацистский режим.
Источник: <http://kniga.org.ua/author/karl-barth/>

- 16 В соответствии с этим документом, задача «Духовной обороны» состояла в том, чтобы пробудить в народе осознание духовных основ Швейцарской Конфедерации, духовного своеобразия страны, укрепить веру в силу швейцарского духа и, прежде всего, духовно объединиться для сопротивления. «Послание» содержало определения швейцарской культуры и «швейцарской национальной идеи», в которых была дана ясная оппозиция по отношению к идее «германства», распространявшейся в это время нацистской пропагандой. «Швейцарская национальная идея», отмечалось в документе, принципиально несовместима с теориями «расово чистого» государства.
- 17 В Швейцарии четыре официальных языка: немецкий, французский, итальянский, ретороманский.
- 18 На выставке была воссоздана «швейцарская деревня» в натуральную величину.
- 19 Зимой 1939-1940 гг. швейцарская армия занималась подготовкой обороны против нападения Германии: строились оборонительные укрепления в горах. Командующий швейцарской армией генерал А. Гизан наладил тайные связи с французским командованием и заручился обещанием Парижа предоставить швейцарцам в случае нападения на них Германии военную помощь.
- 20 Jürg Fink: Die Schweiz aus der Sicht des Dritten Reiches 1933–1945, Einschätzung und Beurteilung der Schweiz durch die oberste deutsche Führung seit der Machtergreifung Hitlers. Schulthess Polygr. Verlag, Zürich 1985.
- 21 Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера = Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942 / Пер. с нем. И. В. Розанова. Общ. ред., вступ. ст. и предисл. И. М. Фрадкина. - Смоленск: Русич, 1993.
- 22 Поставки швейцарского электричества в Германию, транзит, осуществлявшийся «державами оси» через Швейцарию, обслуживание швейцарскими банками ведущих нацистов, торговля - все это рассматривалось ими в качестве факторов, продлевавших способность Германии к сопротивлению.
- 23 Daniel Jetel. Ein trügerischer Frieden. Neue Zuercher Zeitung. 30.9.2013
<https://www.nzz.ch/ein-truegerischer-frieden-1.18159091>

Алексей Синдеев

**ГААГА - МЮНХЕН -
САН-ФРАНЦИСКО:
О СОВРЕМЕННОЙ
ФОРМУЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Успешно работающие мультилатеральные механизмы в международных отношениях обеспечивают сохранение мира и гарантируют процветание стран-участниц. О зарождающемся мультилатерализме (под ним в статье понимается выработка согласованных решений с участием большинства заинтересованных стран и особой ролью и ответственностью в этом процессе крупных (великих) держав) известный российский дипломат Н.В. Чарыков еще в 1907 г. писал: «для России могло бы оказаться полезным, чтобы... [был] открыт и развивался такой международный центр, в котором народы... привыкли бы, более или менее периодически, обсуждать в мире общие свои интересы...»¹. Гаагская конференция мира 1907 г., инициатором созыва которой выступила Россия, доказала, что совместная работа над общим международным правовым стандартом возможна, а ответственность и обязательство всех крупных игроков взаимодействовать друг с другом способствуют достижению лучшего результата.

Однако образовавшиеся союзы и альянсы закрепляли обязательство консолидированного участия в военных действиях, но отнюдь не движение к более тесному межгосударственному согласованию и совместной выработке общих программ и планов добрососедства и развития. Лига Наций, несмотря на межгосударственный характер, фактически гарантировала доминирование небольшой группы стран, в результате чего безопасность в Европе ставилась в зависимость от внутривластной ситуации нескольких лидеров, их желания и способности бороться за мир.

Появление Советской России/СССР формировало в политических элитах стран Запада страх перед альтернативным вариантом общественного развития, укрепляло фактор ценностного доминирования и недоверие в качестве элементов международных отношений. Не случайно 19 ноября 1937 г. лорд Галифакс убеждал Гитлера: «Германию по праву можно рассматривать оплотом Запада против большевизма». На что Гитлер в той же беседе ответил: «Единственной катастрофой является большевизм. Все остальное поддается урегулированию»².

Творцы тогдашнего послевоенного миропорядка и его конфигураций не обращали внимания на то, что государства, независимо от их статуса, обречены играть в международном концерте с разным уровнем таланта и желания участников, терпеть какофонию, довольствоваться гармонией лишь на небольшом участке совместного пути и вновь бороться за нее. Впрочем, у государств нет альтернативы поступать по-другому: изгоем становится не тот, кто пусть и не умело, но стремится участвовать в постоянно складывающемся концерте, а тот, кто отказывается от этого. Каждое время организует свои концерты, но их партитура (международное право) скорее дописывается, чем пишется заново. Именно международное право и эффективные механизмы его защиты не допускают появления гегемонов и изгоев.

В свою очередь механизмы, построенные на ущемлении прав, изоляции и санкциях, сеют недоверие не только внутри государств, пострадавших от них, но и в обществах стран-инициаторов, поскольку требуют утверждения принципа самоисключительности. К тому же поддержание в течение длительного времени режима санкций и изоляций является бесперспективным предприятием.

Мюнхенский сговор состоялся в 1938 г., но фундамент для него был заложен раньше. Достаточно указать в этой связи на стремление Великобритании

и Франции не допустить сближения Советской России и Германии. Трагическая закономерность, неоднократно доказанная в истории, состоит в том, что однажды посеянное недоверие не может быть уничтожено ситуативными уступками, полученными не в рамках правовой системы и четких критериев, а в условиях угрозы развития каких-либо двусторонних отношений, создания нежелательных альянсов и союзов. Лидеры, демонстрирующие страх и подвергающие себя шантажу, никогда не будут восприниматься в качестве настоящих руководителей. Не случайно для Гитлера была полностью понятна потенциальная роль «советской карты» в возможных контактах с Великобританией и Францией, о руководстве которых он в 1938 г., как известно, с пренебрежением говорил: «Мы имеем дело с посредственностями... Люди, которых я видел в Мюнхене, не способны начать мировую войну»³.

Любопытно, что предложение СССР, озвученное наркомом М.М. Литвиновым сразу же после австрийского аншлюса об «общеевропейской конференции по противодействию агрессии», свидетельствовало и о попытке в иных условиях и с учетом иных социально-политических реалий продолжить начатое в Гааге в 1907 г. представителями царского правительства формирование общего международного правового стандарта. Подобные исторические параллели вполне оправданы, хотя бы потому, что геополитические интересы большинства стран стабильны и обеспечиваются использованием схожих механизмов и инструментария. Возражения премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в адрес советской инициативы о якобы «создани[и] замкнутых группировок стран, что было бы вредно для дела мира в Европе», по сути, являлись не чем иным как цементированием подобных «замкнутых группировок», призванных действовать против СССР.

События 1937—1938 гг., предшествующие Мюнхенскому сговору, продемонстрировали, что игра на обострение и шантаж должна настораживать и вызывать серьезное сопротивление. С потенциальным агрессором не получится договориться. Именно по этой причине полпред СССР в Чехословакии С.С. Александровский пытался убедить Э. Бенеша в том, что «[а]грессорам нужно противопоставить еще более твердую волю других стран защитить мир и пресечь всякую агрессию»⁴.

Уроком Мюнхена должно было стать особое отношение к международному посредничеству. Британская правящая элита дискредитировала институт «независимого международного посредника». Важно понимать, что подмена понятий в политике опасна.

Мюнхенский сговор четырех держав стал победой Гитлера еще и потому, что он закреплял отказ от мультилатерализма. 30 сентября 1938 г. в подписанном англо-германском соглашении по этому поводу лапидарно значилось: «вопрос англо-германских (т.е. двусторонних. – А.С.) отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы»⁵. При этом изоляция любой из великих держав бессмысленна. Размышления лорда Галифакса о том, что «[п]осле того, как в результате германо-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великих западноевропейских державы должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе»⁶, являлись недальновидными как минимум по двум причинам: не исключалась война

для несогласных с результатами «германо-английского сближения»; Франция и Италия низводились до «великих держав второго разряда», единственной привилегией которых могло бы стать лишь более раннее признание выработанного германо-английского консенсуса.

30 сентября 1938 г. советский посол в Великобритании И.М. Майский сообщал в Москву о содержании состоявшейся у него беседы с А. Кадоганом: «Я решительно раскритиковал соглашение, подчеркнув, что оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны». Кадоган в свою очередь «согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей видимости, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем»⁷. Однако понимание «европейских осложнений» без серьезной стратегии их устранить не могло привести к успеху.

У Советского Союза стратегия была. 20 ноября 1938 г. М.М. Литвинов излагал ее следующим образом: «Должны сперва объединиться великие державы, и когда они на деле покажут свою способность вести твердую и последовательную политику, то вокруг них начнут группироваться другие страны и будет обеспечена поддержка США»⁸. Но лишь последующее историческое развитие после Второй мировой войны, в ходе которого произошла фактическая ликвидация статуса «великая держава» для Франции и Великобритании, способствовало возвращению к мультилатерализму в рамках ООН. Необходимо обратить внимание на то, что первоначально для Организации планировалось другое название – «Международная организация безопасности».

В советских документах, подготовленных на конференцию 1944 г. в Думбартон-Оксе, значилось, что задача Организации должна состоять в «проведени[и] мер, направленных на предотвращение агрессии и сохранение мира, а также на подавление агрессии. Такая международная организация может выполнить свою задачу, если... в первую очередь, государства-инициаторы создания этой организации будут исходить из необходимости эффективного сотрудничества в деле осуществления мер, способных обеспечить безопасность миролюбивых народов»⁹. Что касается средств предотвращения агрессии, то к ним могли относиться и обращение Руководящего комитета, ставшего в ходе последующих переговоров Советом Безопасности, и меры экономического воздействия, и морская и сухопутная блокада, и военные действия, в том числе с участием Международного военно-воздушного корпуса. Во время переговоров 1944 г. СССР настаивал на особой роли союзников и принципе единогласия при принятии решений. Кроме того, советское руководство хотело, чтобы новая организация занималась исключительно проблемами безопасности. Для рассмотрения других вопросов (к примеру, социально-экономических) можно было создать отдельную структуру.

Перед конференцией в Сан-Франциско появились многочисленные поправки, изменявшие суть согласованного в Думбартон-Оксе. «Всем такого рода поправкам и дополнениям, – записано в инструкциях НКВД СССР, – советская делегация должна противопоставить свою позицию, в защите которой следует исходить из необходимости избежать ошибок и пороков Лиги Наций, оказавшейся неспособной вести эффективную борьбу против агрессоров за мир и безопасность народов»¹⁰. Многого советской делегации удалось добиться

в Сан-Франциско, где в июне 1945 г. был подписан Устав Организации Объединенных Наций.

Из всего вышеизложенного следует, что фундаментальные аспекты современной европейской безопасности должны рассматриваться политиками в более широком историческом контексте и включать в себя мультилатерализм, правовой стандарт и необходимость его развития, ответственность стран-лидеров, их постоянную готовность к диалогу и взаимодействию друг с другом. Только тогда политические элиты продемонстрируют, что способны хотя бы прислушиваться к урокам прошлого, без которого невозможно успешно создавать будущее.

Сноски к главе

- 1 Записка Н.В. Чарыкова «Предстоящая Гаагская конференция и русские интересы», Гаага, 9/22.04. 1907 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4961. Л. 6-7.
- 2 Запись беседы Гитлера с лордом-председателем Тайного совета Великобритании Галифаксом, 19 ноября 1937 г. Цит. по: «Накануне и после Мюнхена. К 80-летию «Мюнхенского сговора» (<http://munich.rusarchives.ru/index>).
- 3 История международных отношений: В трех томах / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 190.
- 4 Запись беседы полпреда СССР в Чехословакии С.С. Александровского с президентом Чехословакии Э. Бенешем, 24 декабря 1937 г. Цит. по: «Накануне и после Мюнхена...».
- 5 Англо-германская декларация, 30 сентября 1938 г. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2018. С. 264.
- 6 Запись беседы Гитлера с лордом-председателем Тайного совета Великобритании Галифаксом...
- 7 Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР, 30 сентября 1938 г. Цит. по: «Накануне и после Мюнхена...».
- 8 Запись беседы М.М. Литвинова с поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром, 20 ноября 1938 г. Цит. по: «Накануне и после Мюнхена...».
- 9 Меморандум о Международной организации безопасности (советский проект) // Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 13. Д. 131. Л. 2.
- 10 Директивы советской делегации на конференции в Сан-Франциско по вопросу о выработке Устава международной организации // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 76. П. 61. Д. 7. Л. 1.

Владимир Котляр

К 80-ЛЕТИЮ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

1. Я хотел бы отметить поражающее сходство внешней политики Запада эпохи Мюнхена и теперешней западной политики, начиная с периода пребывания у власти в США кланов Бушей и Клинтонов. Это сходство, которое, наверно, объясняет, почему в 1938 г. после Мюнхенской конференции президент США Франклин Делано Рузвельт телеграммой поздравил премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена с его мюнхенским «вкладом в дело мира»¹.

Как тогда лидеры Запада во главе с Англией, Францией и Германией и при благосклонном отношении США бездумно разрушали Версальскую систему, которая, при всех ее недостатках, всё же обеспечивала в какой-то мере стабильность в международных отношениях. Тогда лидеры Запада даже не думали о необходимости заменить её какой-либо другой системой коллективной международной безопасности. Сейчас одержимость США развалом нынешней системы международной безопасности и их выход из целого ряда соглашений об ограничении вооружений вызывают озабоченность и протесты лишь со стороны России и иногда – несколько более сдержанно – со стороны КНР. Тогда Мюнхенское соглашение готовилось к подписанию по сценариям закулисных сделок квартета Гитлер - Чемберлен - Даладьё - Муссолини. Сама Чехословакия, не говоря уже об СССР, была отодвинута ими в сторону. Причем представителей Праги вообще даже не пригласили в зал переговоров в Мюнхене.

Но ведь точно так же и сейчас Запад во главе с США и Англией вместо урегулирования спорных вопросов путем открытого диалога и переговоров занимается интригами и мошенничеством – то по поводу «вмешательства» России в проведение выборов чуть ли не по всему земному шару, то по поводу «отравления» людей в Сирии или в Англии, отвергая саму идею о совместном расследовании этих обвинений вместе с Россией.

2. Нынешняя тактика лидеров Запада (прежде всего, президента США) также напоминает тактику участников переговоров в Мюнхене. Там Гитлер без стеснения открыто говорил языком ультиматумов и угрожал применением силы против Чехословакии, если она будет затягивать принятие германских требований о территориальных уступках в пользу Германии, Польши и Венгрии районов соответственно с этническим немецким, польским и венгерским населением. Поэтому сейчас, на фоне событий последних лет в Ираке, Ливии, Сирии и т. д., очень знакомо звучит главный тогдашний аргумент Гитлера в Мюнхене, а именно, что население этих районов «страдает» от ограничения их прав и от «притеснений» со стороны чехов и словаков и «восстаёт против дальнейшего существования этого государства»². И это при том, что Чехословакия уже тогда была одним из наиболее развитых государств в Европе в экономическом отношении, как и в отношении просвещения и удовлетворения гуманитарных потребностей населения. А сейчас Запад примерно так же «переживает от страданий» сирийского народа от правления президента Асада, а США особенно «переживают» за население Ирана и Северной Кореи, перемежая грубое запугивание их правительств с призывами к переговорам. И сегодня Европа почти всегда поддерживает эскапады президента США Дональда Трампа во внешней политике, за исключением разве что немногих случаев, когда они могут нанести прямой ущерб интересам стран ЕС.

3. Надо сказать, что правительство Чехословакии тогда всерьез готовилось дать отпор в случае ввода немецких войск — была проведена мобилизация и войскам было приказано занять позиции на трех оборонительных линиях с пулемётными

и артиллерийскими ДОТами. Генштаб был эвакуирован в глубокий тыл; президент ЧСР Эдвард Бенеш обратился к СССР с просьбой подтвердить оказание вооружённой помощи в случае вступления немецкой армии в Чехословакию и выступить в Лиге Наций с осуждением силового давления на Прагу. Обе просьбы Москва выполнила – замнаркома иностранных дел Максим Литвинов выступил в Лиге Наций с предупреждением о готовящемся применении силы против Чехословакии³. Также СССР подтвердил президенту Бенешу, что окажем Праге вооруженную помощь, если и Франция выполнит взятое на себя обязательство помочь Праге в случае наступления вермахта. При этом мы информировали о своем ответе также и Францию, рассчитывая побудить Париж также подтвердить обещание об оказании помощи Праге⁴. Впрочем, рассчитывали напрасно – Франция при Даладье промолчала. Зато Польша сразу же перебросила на границу с СССР 10 эшелонов своих войск⁵.

4. Наглое поведение Гитлера в Мюнхене не только не вызвало протестов лидеров Англии и Франции. Наоборот, в ходе конференции они торопили Прагу принять так называемое «компромиссное» предложение Муссолини о том, что если Прага быстренько согласится с ультиматумом Германии и уступит часть своей территории трем государствам, то, мол, Германия воздержится от немедленного ввода войск. Чемберлен предложил вызвать на совещание представителей Чехословакии, ждавших в соседней комнате, чтобы объяснить им «эпохальное решение» совещания, но Даладье не поддержал его просьбу⁶.

5. Гитлер вознаграждал Лондон и Париж за «хорошее поведение»: 30 сентября в Мюнхене он подписал вместе с Чемберленом пакт о ненападении, которым тот размахивал, сойдя с борта самолёта в Лондоне, и был провозглашён правительственной печатью «миротворцем». Через два месяца, 6 декабря 1938 г., Риббентроп подписал в Париже аналогичную декларацию с министром иностранных дел Франции Жоржем Бонне.

Замысел был совершенно ясный: оставить СССР один на один с фашистской Германией, которая к тому времени уже несколько лет подряд провозглашала свою «миссию» борьбы с коммунизмом. Это же подтвердила тактика военных делегаций Англии и Франции на переговорах в Москве в августе 1939 г. о совместном отпоре Германии в случае начала ею военных действий против кого-либо из трех государств. Западные делегации вообще приехали без полномочий серьезно договариваться о совместных боевых действиях, в то время как представители СССР объявили о готовности выставить около одного миллиона солдат в случае войны. И только после провала этих переговоров СССР принял предложение министра иностранных дел Германии Иохима Риббентропа заключить договор о ненападении с Германией.

6. Один из основных уроков Мюнхена сводится к тому, что развалить любую систему международной безопасности несравненно легче, чем создать новую. Развал нынешней системы международной безопасности Вашингтон по своей «доброй традиции» начал с развала соглашений об ограничении стратегических вооружений, в первую очередь с соглашения об ограничении ПРО. И сейчас сплошь и рядом за рубежом и у нас можно слышать заявления «экспертов» о том, что нынешнее международное право, мол, устарело, что по этой причине нужно создавать новое международное право в соответствии с «новыми реалиями». Но ведь ныне действующее международное право уже много веков играет важнейшую роль инструмента для общения народов. Проблема вовсе не в том,

что оно «устарело», — если и надо что-то в нем подкорректировать, это лишь очень немногие положения, что и регулярно делается. На самом деле проблема в том, что уверенное в собственной непогрешимости и «исключительности» государственное руководство США вообще не желает считаться с международным правом и полагает «правильными» лишь те его положения, которые устраивают США.

В результате сегодня, как и в сентябре 1938 г., геополитические амбиции, лицемерие и двойные стандарты привели международные отношения к опасному росту напряжённости. Остановить это опасное развитие может только возобновление сотрудничества России с более трезвомыслящими политическими силами в США, Европе и Азии. Если только, конечно, мы сможем убедить их в необходимости этого. Понимание такой необходимости среди западных экспертов и небольшой части политических сил еще, к счастью, полностью не выветрилось.

7. В заключение хотел бы сказать, что за 50 с лишним лет работы в МИДе я много чего видел. Включая и то, как в период Карибского кризиса 1962 г. нам объясняли, как быстро выбраться из нашего высотного здания и спуститься в метро, чтобы не попасть под американские атомные бомбы, ведь понятия «ядерная зима» в то время еще не существовало. Но, полностью отдавая себе отчет в том, что накал международной напряженности в мире достиг тогда очень опасного уровня, тем не менее в то время вся МИДовская молодежь была уверена, что у обеих сторон хватит ума не довести дело до войны. А сейчас лично у меня такой уверенности нет — уж слишком бездумно ведут себя наши оппоненты из США, зачастую пугая даже собственных союзников.

Сноски к главе

- 1 Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. – М.: Кучково поле, 2018. С. 10. Это сходство, видимо, объясняет также, почему за день до подписания мюнхенского соглашения президент США Рузвельт, получив информацию от Чемберлена о том, что Лондон намерен отдать Чехословакию Гитлеру с тем, чтобы побудить его двигаться после этого против СССР, ответил Чемберлену телеграммой, состоявшей из одного слова: «Умница!» (Там же. С. 31).
- 2 Там же. С. 251.
- 3 Подробное изложение выступления представителя СССР на пленарном заседании Ассамблеи Лиги Наций замнаркома иностранных дел СССР М.М.Литвинова 21.09.1938. см. Известия. 22.09.1938.
- 4 Докладная записка наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова И.В.Сталину от 19.09.1938. Архив Президента РФ.
- 5 Докладная записка наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова И.В.Сталину от 25.09.1938. Архив Президента РФ
- 6 Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой... С. 251.

Вадим Трухачёв

1938 ГОД В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХИИ

Современные чехи не очень хорошо помнят о 80-лети Мюнхенского сговора, результатом которого стало исчезновение Чехословакии — при содействии Великобритании и Франции. Об этом свидетельствуют опросы. И это вполне закономерно, если учесть, что ведущие политики и СМИ уделяют событиям 1938 года не очень много внимания. Хотя о полном молчании говорить не приходится, но все-таки внимание к данной годовщине в Чехии оказалось значительно ниже, чем к 50-летию событий 1968 года.

В 2018 году Чехия отмечает целую череду круглых памятных дат. Главная из них — 100-летие провозглашения Чехословацкой Республики. В то же время на 2018 год падает также 50-летие Пражской весны, 70-летие прихода коммунистов к власти. Заметное место в череде круглых дат должно было занять и 80-летие событий 29-30 сентября 1938 года, когда Великобритания, Франция и Италия отдали Германии Судетскую область Чехословакии, не спросив мнения самих чехов.

По случаю памятных годовщин социологическая служба NMS Market Research провела масштабный опрос с целью выяснить, насколько хорошо нынешние чехи знают недавнюю историю собственной страны. Как выяснилось, о создании Чехословакии 100 лет назад вспомнили 79% опрошенных. Даже среди молодежи до 25 лет 72% смогло безошибочно сказать, какой именно праздник будет отмечать Чехия 28 октября¹. Благо, этот день является официальным выходным, и каждый год в этот день к нации обращается глава государства.

Разброс по 1968 и 1938 году оказался значительно более широким. Так, о дате 1968 год смогли вспомнить 76% опрошенных всех возрастов, а о событиях 1938 года знали только 54% чехов. Молодежь до 25 лет в обоих случаях знала меньше: 54% и 42% соответственно. Любопытно, что главным источником знаний о событиях 1968 года молодежь назвала семейные воспоминания, а вот о 1938 годе они слышали преимущественно в школах².

Отталкиваясь от приведенных цифр, можно сказать, что чешская молодежь достаточно слабо осведомлена о событиях собственной истории — 58% не смогли ответить про 1938 год, и даже про год 1968-й знали только 54%. Однако разброс цифр между двумя датами среди людей более старших возрастов кажется огромным. Получается, что события 1938 года, когда без воли самих чехов решали судьбу их государства, вытесняются из их коллективной памяти.

Сравним то, как отмечали в Чехии две памятные даты. Так, по случаю 50-летия подавления «Пражской весны» с 15 августа по 4 сентября 2018 года недалеко от Пражского Града работала большая выставка, рассказывавшая о событиях тех дней. Там можно было узнать, как реагировали на ввод войск Варшавского договора разные слои чехословацкого общества. Мероприятие сопровождалось наружной рекламой³. Выставок подобного размаха, посвященных событиям 1938 года, в Праге не было.

Если говорить о чешском научном сообществе и публицистике, то внимание к двум круглым датам также оказалось разным. Зайдя в поисковую систему на странице электронного книжного магазина Knihy.Abz.cz, можно увидеть, что за последние три года в продаже было только пять книг о 1938 годе. Из них лишь две были изданы в 2018 году. К отмечанию 50-летия событий 1968 года подошли куда основательнее: в текущем году вышло сразу восемь книг о них,

а в предыдущие годы — еще три⁴.

О 1968 годе писали все ведущие СМИ, о них рассказывало телевидение. Не обошли дату вниманием и руководители страны. Премьер Андрей Бабиш выступил со специальным обращением, где выразил свое почтение тем, кто 50 лет назад вышел навстречу танкам, и сказал о стремлении чехов к свободе⁵. По случаю 80-летия Мюнхенского сговора обращений не было. Лишь глава МИД Чехии Ян Гамачек написал о них в твиттере. Он назвал их «травмой», но в то же время подчеркнул, что сегодня страна защищена от их повторения благодаря «опоре на европейское сотрудничество»⁶.

Нельзя сказать, что дату 80-летия Мюнхенского сговора совсем обошли стороной. Так, четыре ведущие газеты Чехии «Млада фронта ДНЕС», «Лидове новины», «Право» и «Господаржске новины» выпустили интервью с историками, рассказывавшими о событиях тех дней. Публиковались также воспоминания участников тех событий — в частности, немецких солдат, входивших в октябре 1938 года на территорию Судетской области Чехословакии⁷.

Оценки, даваемые историками, порой были достаточно жесткими. Так, Олдржих Тума отмечал, что «предательством в Мюнхене союзники себе не помогли». Его коллега Карел Страка подчеркивал, что Великобритания «узаконила право Германии на захват чужих территорий». Томаш Дворжак полагал, что Чехословакия в 1938 году «должна была защищаться». Военный историк Эдуард Штеглик полагал, что сражаться нужно было, даже несмотря на то, что шансов на победу у Чехословакии почти не имелось⁸.

В то же время ни в одном из случаев не делалось попыток каким-то образом связать события 80-летней давности с нынешней политикой Великобритании, Франции или США. Разговор о событиях Мюнхенского сговора велся исключительно с точки зрения прошлого. Несмотря на порой жёсткие слова о политике Великобритании и Франции, необходимость сотрудничества с ними в наши дни ни под какое сомнение не ставилось.

Если говорить о политиках, то только оппозиционные коммунисты и националисты из партии «Свобода и прямая демократия» выпустили заявления по случаю 80-летия Мюнхенского сговора. Первые ограничились исключительно оценкой прошлого. Коммунисты напомнили, что «нашу государственность разрушили на условиях... нацистской Германии при согласии наших союзников», а «Великобритания и Франция хладнокровно предали Чехословакию»⁹.

Представители «Свободы и прямой демократии» отметили, что «в эти дни мы вспоминаем 80-летие капитуляции Чехословакии перед диктатором Англии, Франции, Италии и Германии», напомнив, что страна капитулировала в условиях, когда имела «одну из лучших армий в Европе». В отличие от коммунистов, националисты связали те события с нынешними днями. «В 1938 г. Чехословакия капитулировала. Сегодня мы не должны этого допустить. Мы будем защищать суверенитет, ибо... в неомарксистском глобальном мировом порядке для самостоятельной Чехии места нет»¹⁰.

На сайтах входящих в правящую коалицию партий АНО и социал-демократов, проевропейских партий ТОП09 и «Старосты и независимые», евроскептиков из Гражданско-демократической и Пиратской партии 80-летнюю годовщину обошли молчанием. Только христианские демократы разместили на своем сайте

статью, в которой говорилось о том, что «Травма Мюнхена до сих пор сильна» и что события прошлого не должны повторяться в наши дни¹¹.

Молчание большей части чешской политической элиты вполне объяснимо. Юбилей Мюнхенского сговора напоминает о том, что крупные европейские державы без ведома чехов решали судьбу их страны. А в современном Евросоюзе, куда входят и эти страны, и Чехия, предпочитают лишний раз не говорить о сложных страницах в отношениях между входящими в него странами. И тем более неудобно говорить о том, что на сделку с Гитлером шли представители главных демократических держав мира.

Тем не менее чешский телеканал ČT24 27 сентября выпустил в эфир сюжет, где представители разных партий отвечали на вопрос, следовало ли в 1938 году давать Гитлеру вооруженный отпор, в том числе и ценой высоких потерь... Только представители правящей коалиции из партии ANO и социал-демократы в целом поддержали действия президента ЧСР Эдварда Бенеша, объяснив это тем, что сопротивление могло бы привести к уничтожению чехов как народа. А так дело дошло до победы, и стратегически чехословацкое руководство было право.

Однозначно за сопротивление агрессору высказались националисты, представители проевропейской партии ТОП09 и христианские демократы. Скорее к сопротивлению склонялись коммунисты и «пираты», но некоторые делали оговорку, что слишком легко оценивать те события спустя годы. Среди евроскептиков из Гражданско-демократической партии нашлись как сторонники войны, так и те, кто предпочёл не давать оценку, сославшись на то, что смотреть в прошлое слишком легко. Такого же мнения придерживаются и либералы из «Старост и независимых»¹².

Как видно из опроса, тема 1938 года оказалась для многих политиков достаточно неудобной, и многие из них предпочитали уйти от ответа. Вероятно, данное обстоятельство способствовало тому, что на государственном уровне тему Мюнхенского сговора предпочитали особенно не заострять. Многие из опрошенных также сетовали на то, что события и 1938-го, и 1968-го показали миру не самые лучшие черты чешского народа, который предпочел не сопротивляться вводу иностранных войск¹³.

Возможно, именно то обстоятельство, что массового сопротивления агрессору в 1938—1939 гг. не было, а итогом этого стало уничтожение Чехословакии как государство, способствовало вытеснению Мюнхенского сговора на периферию чешской исторической памяти. К этому можно добавить, что в отличие от коммунистов, находившихся у власти в 1968 году, президент Бенеш однозначно почитается в Чехии как сооснователь Чехословакии. Тем больнее кажется его поведение...

Нельзя сказать, что в современной Чехии совсем ничего не говорят о Мюнхенском сговоре и его последствиях. В то же время те события предпочитают оценивать осторожно, не выводя их отметание на общегосударственный уровень. В отличие от событий 1968 года, которые всё еще присутствуют в текущей политике, год 1938-й стал историей, причем историей неудобной. А раз о них говорят и пишут не очень много, то не стоит удивляться тому, что больше половины чешской молодежи о них не знает, да и люди постарше их забывают.

Сноски к главе

- 1 Osmičková výročí. Paměť národa. Závěrečná zpráva. 23.07.18.
URL: https://www.dropbox.com/s/5ujsfir7zdnw9b7/nms_zaverecna-zprava_Paměť%20národa_230718.pptx?dl=0
- 2 Ibidem.
- 3 Paměť národa '68. Zveme na výstavu do Dejvic! // PostBellum.cz, 15.08.2018.
URL: <https://www.postbellum.cz/2018/08/pamet-naroda-68-zveme-na-na-vystavu-do-dejvic/>
- 4 Knihy.Abz.Cz. URL: <https://knihy.abz.cz/obchod/mnichovska-dohoda-1938/stranka/4;>
https://knihy.abz.cz/obchod/osobnosti-polsko/search?search_for_type=detail&search_for_in_cat=1&search_for_string=1968+rok&redefine_search_fields=spec_2_fulltext&search_for_in_cat=1&search_for_a_kind%5B%5D=standard&search_for_a_kind%5B%5D=ebook
- 5 Premiér Babiš vyjádřil u Českého rozhlasu úctu obětem okupace// Vláda České republiky, 21.8.2018. URL: <https://www.vlada.cz/cz/media-centrum/aktualne/premier-babis-vyjadril-u-ceskeho-rozhlasu-uctu-obetem-okupace--168034/>
- 6 Hamáček: Trauma mnichovské dohody nelze zapomenout. Dnes se z něj můžeme poučit// Lidovky.cz, 29 září 2018. URL: https://www.lidovky.cz/domov/hamacek-trauma-mnichovske-dohody-nelze-zapomenout-je-dobre-ze-evropa-spolupracuje.A180929_164040_In_domov_krku
- 7 См. страницы iDNES.cz, Lidovky.cz, Novinkz.cz, iHNed.cz за 25 сентября – 2 октября 2018 г.
- 8 Historik Tůma: Zradou v Mnichově si spojenci nepomohli//Novinky.cz, 29.9.2018. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/484653-historik-tuma-zradou-v-mnichove-si-spojenci-nepomohli.html>; Mnichov s odstupem 80 let: kdo o co usiloval, kdo co získal, kdo tratil// iDNES.cz, 30. září 2018. URL: [https://www.kscm.cz/cs/aktualne/aktuality/80-let-od-mnichovske-zrady-dalsi-diktat-nedopustime](https://technet.idnes.cz/mnichovska-dohoda-1938-0lw/-veda.aspx?c=A180928_165406_veda_vse; Československo se chtělo, mohlo, a proto i mělo bránit.' Historici hodnotí odkaz Mnichova 1938// Lidovky.cz, 27. září 2018. URL: https://www.lidovky.cz/domov/ceskoslovensko-se-chtelo-mohlo-a-proto-i-melo-branit-historici-hodnoti-odkaz-mnichova-1938.A180926_174857_In_domov_mber; Mnichov ohnul národu páteř, měli jsme bojovat, míní vojenský historik Stehlík. Prohráli bychom, ale bylo by to lepší než vzdát se bez boje// iHNed.cz, 29.9.2018. URL: https://domaci.ihned.cz/c1-66263360-mnichov-ohnul-narodu-pater-meli-jsme-bojovat-mini-vojensky-historik-stehlik-prohrali-bychom-ale-bylo-by-to-lepsi-nez-vzdad-se-bez-boje
9 80 let od Mnichovské zrady – další diktát nedopustíme// KSČM, 15.09.2018.
URL: <a href=)
- 10 Politické usnesení SPD// Svoboda a přímá demokracie, 26.9.2018.
URL: <https://www.spd.cz/novinky/3393-politicke-usneseni-spd>
- 11 Daniel Herman: Trauma Mnichova je stále silné// KDU-ČSL, 27.9.2018. URL: <https://www.kdu.cz/aktualne/zpravy/trauma-mnichova-je-stale-silne>
- 12 ANKETA: Měli se Češi vojensky bránit agresi nacistického Německa po Mnichovu 1938?// ČT24, 27.9.2018. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/2607107-anketa-meli-se-cesi-vojensky-branit-agresi-nacistickeho-nemecka-po-mnichovu-1938>
- 13 Ibidem.

Борис Боев

ПРИВЕТСТВИЕ
К КОНФЕРЕНЦИИ
В МОСКВЕ

Уважаемые коллеги!

Приветствую вас из братской славянской Болгарии. Благодарю вас за возможность принять участие с авторским текстом в сборнике, посвященном Мюнхенскомуговору 1938 года. Я затрону некоторые основные проблемы и противоречия, о которых пишу в своей статье.

В первую очередь, обратите внимание на противоречие, в которое попадает большая часть современной болгарской историографии, когда затрагивается вопрос о Мюнхенском соглашении и «болгарском следе» в нем. С одной стороны, соглашение 1938 года оценивается как «одна из самых позорных страниц в истории дипломатии». Но с другой, когда подчеркивается активное (мнимое или реальное) болгарское участие (в лице царя Бориса III) в подготовке Мюнхенского соглашения. Причем глава Болгарского государства никогда и ни в коем случае не критикуется. Даже наоборот — подчеркивается его роль дипломата высокого уровня, который борется за сохранение мира. За это современники считали его «большим европейцем». Сохранить мир, уничтожая суверенное государство. К сожалению, современная болгарская историография часто впадает в подобные неразрешимые противоречия. Чтобы не воевать с фашистской Германией, становимся союзниками гитлеровской Германии. Для спасения евреев принимаем антиеврейское законодательство. Чтобы не участвовать в активных военных действиях, объявляем войну Англии и США и т. д. Одним словом, не легко быть болгарским историком сегодня.

Во-вторых, необходимо отметить, что для Болгарии конца 1930-х гг. особо важное значение для формирования общественного мнения имела политическая активность молодежи. Она имела место как в крайне правом лагере, так и в крайне левом. Среди всей болгарской молодежи особо выделяется деятельность студенческих политических организаций. Они создали руководящие кадры для основных партийно-политических течений в Болгарии. Они, особенно левые, оценивались как серьезная угроза для государства. Не случайно еще в начале XX века основоположник болгарского марксизма Димитр Благоев подчеркивал: «Во все периоды революционного брожения студенческие волнения предшествовали революционным восстаниям. Вообще, во времена общей тирании и беззакония, общего народного недовольства и возмущения всегда первый протест происходил из университета. Он был протестом студенчества. Волнения и борьба студентов были предвестниками общей борьбы; они сеяли семена революции задолго до того, как они совершались».

Слова Благоева подтверждаются и в период после Мюнхенскогоговора, когда именно левые болгарские студенты наиболее активно и организованно протестовали против уничтожения Чехословакии и против агрессии Запада против славянских народов. Ряд студенческих деятелей тех лет (Васил Воденичарски, Лиляна Димитрова и др.) впоследствии стали в ряд основных руководителей партизанской антифашистской борьбы 1941—1944 гг., приведшей к освобождению нашей страны от тирании Запада.

Не в последнюю очередь следует отметить и расположение сил среди студентов. Хотя среди них имелись сторонники обоих основных течений — за союз с фашистской Германией и за союз с СССР, — это не является достаточным аргументом для обобщения, что, мол, болгарское общество (и, в частности, болгар-

ское студенчество) в тот период было разобщено. Если оно и было разделено, то отнюдь не на две одинаковые по своей силе и влиянию части. На самом деле и студенты, и болгарский народ в целом оставались на русофильских и просоветских позициях. Что доказывается рядом их действий в те годы (протесты против уничтожения Чехословакии, встреча футболистов московского «Спартака» летом 1940 года, Соболевая акция осенью того же года, партизанское антифашистское движение 1941—1944 гг. и др.). В итоге это движение завершилось закономерной победой 9 сентября 1944 года, которая привела к разрыву кандалов западного колониализма в нашей стране и к нашему включению к одному беспрецедентному многолетнему объединению славянских народов в единый социалистический блок.

Таковы мои короткие заметки по вопросу о Мюнхенском соглашении 1938 года и социально-политической ситуации в Болгарии. Надеюсь, что они полезны участникам конференции. И пусть как можно чаще у нас будет возможность собраться для обмена мнениями и знаниями по вопросам новейшей истории наших славянских стран и мира в целом!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Майкл Джабара Карлей

**«Только СССР имеет... чистые
руки»: Советский Союз,
коллективная безопасность
в Европе и судьба Чехословакии
(1934—1938 годы)**

Когда в конце сентября 1938 г. закончился чехословацкий кризис, народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов находился на заседании Лиги Наций в Женеве. Там он до последнего момента пытался организовать помощь Праге, которая столкнулась с немецкими притязаниями и предательством со стороны своего союзника, Парижа. Казалось, Европа балансировала на грани войны, когда британский министр иностранных дел лорд Галифакс отправил своих представителей в Женеву, чтобы те узнали у Литвинова, что будет делать Советский Союз, если начнется вооруженная борьба. Этот вопрос, наверное, уже успел наскучить наркому, который знал, что британское правительство и, особенно, его глава Невилл Чемберлен не будут бороться за Чехословакию. Тем не менее английская делегация нашла Литвинова, который не замедлил обвинить Великобританию и Францию в потворстве Гитлеру. «Только СССР, — сказал он, — имеет чистую совесть и чистые руки» в отношениях с Чехословакией¹.

Многие историки считают это заявление неубедительным. Мы до сих пор живем стереотипами времен «холодной войны», которые мешают открыть широкий доступ к архивным материалам о советской внешней политике. Напротив, издано много исследований по английской и французской дипломатии во время Мюнхенского кризиса. Мнения в них разнятся от традиционных обвинений («преступники», которые продали Чехословакию) до сочувствия и понимания действий так называемых «реалистов», которые осознавали, что их страны (Великобритания и Франция) в 1938 г. не имели ни денег, ни оружия, чтобы воевать. Поэтому «реалисты» мудро выгадывали время на свое перевооружение за счет сдачи Чехословакии. Некоторые историки соглашались с тем, что английские и французские политики не имели выбора, кроме переговоров с Гитлером, другие называют реализмом противостояние гитлеровской агрессии, которое тогда не было выбрано².

Другой великой державой, вовлеченной в Чехословацкий кризис, был Советский Союз, хотя некоторые исследователи зачастую не замечают или недооценивают его роль. Тому есть яркие примеры. Так, итальянский историк и пионер в исследовании советских архивов Сильвио Понс характеризует внешнюю политику СССР в 1938 г. словами: «бдительность» и «пассивность» вместо «вовлеченности». Среди причин называются сталинские «чистки» и сделанный им «стратегический выбор». Советский диктатор И.В. Сталин рассматривал дипломатию через призму марксистско-ленинских догм: война с империалистическими странами неизбежна, и для СССР нет большой разницы, с кем из «капиталистов» вести войну. По мнению Понса, Париж и Лондон «не могут в полной мере нести ответственность за удаление и пассивность СССР во все более обострившихся европейских взаимоотношениях»³. Представляет интерес исследование Зары Штейнер, которое она провела на основе важных материалов некоторых российских архивов. Поддерживая точку зрения Понса о Сталине как узнике идеологизированного взгляда на международные отношения, она тем не менее показывает осторожные шаги советской дипломатии⁴.

Другим наиболее часто упоминаемым в данной связи трудом является работа Хью Рэгсдейла, в котором он отвечает критикам политики умиротворения цитатой из февральского номера «Манчестер гардиан» 1939 г., что это был «умный план: продать друзей, чтобы купить врагов». Его книгу отличает внима-

тельное изучение восточноевропейских архивов (особенно румынских), чтобы понять события вокруг Судетского кризиса. Он в большей степени, чем Понс, полагает, что советское руководство хотело поддержать Чехословакию и выдвинуло крупные войсковые соединения на границы с Польшей и Румынией. Более интересно, что он нашел доказательства желания последней сотрудничать в обороне Чехословакии, в то время как Варшава заняла откровенно враждебную позицию. Чтобы достичь Чехословакии, Красная Армия была вынуждена пройти по польской и/или румынской территории. Причем вторая согласилась дать разрешение, если Париж решит защищать независимость Праги. Тем самым Рэгсдейл по существу поддерживает мнение Л.А. Безыменского, настаивавшего, что Советский Союз был искренне намерен помочь ЧСР⁵.

Независимость Чехословакии была гарантирована несколькими договорами о взаимопомощи, заключенными между СССР, Францией и Чехословакией в 1935 г., и франко-чехословацкими соглашениями 1924—1925 гг. Взаимоотношения между Парижем и Москвой всегда были враждебными, но назначение Адольфа Гитлера на пост канцлера в январе 1933 г. вынудило обе стороны пересмотреть политику в отношении друг друга. Французские политики Эдуард Эррио, Жозеф Поль-Бонкур и Луи Барту возглавили движение к улучшению взаимоотношений. В Москве аналогичный курс проводил народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов. Он стал главным рупором советской «политики коллективной безопасности», которая фактически означала восстановление Антанты.

С 1932 г. советское руководство пыталось улучшить взаимоотношения не только с Третьей республикой, но также с Соединенными Штатами, Великобританией, Чехословакией, Румынией и даже с традиционно враждебной Польшей. Кремль также пытался наладить отношения с Римом, которые испортились после итальянского вторжения в Абиссинию осенью 1935 г. Несмотря на лозунги пропаганды, советская политика была антинацистской, а не антифашистской. Литвинов был убежден в агрессивных целях гитлеровской внешней политики и предупреждал Сталина и его западных союзников: нацизм – угроза для европейского мира и безопасности. Он часто подтрунивал над немецкими дипломатами, принося им в подарок известную книгу Гитлера «Моя борьба», где описывались расистские планы мирового господства Германии.

В октябре 1934 г. по улучшению франко-советских отношений был нанесен сильный удар: убитого Луи Барту сменил убежденный антикоммунист Пьер Лаваль, который был больше заинтересован в улучшении отношений с нацистской Германией, нежели с Советским Союзом. Обсуждение договора о двусторонней помощи, которое началось с бесед Поль-Банкура и Литвинова осенью 1933 г., при Лавале было спущено на тормозах. Советское правительство и сторонники сближения из числа французов были обеспокоены смертью Барту. Они предупреждали советского посла в Париже В.П. Потемкина, что Лаваль может радикально изменить направление французской внешней политики⁶. В ходе встреч Литвинова и Лавала, а также постоянных представителей в здании на Кэ Д'Орсе, которые происходили в начале 1935 г., советский нарком требовал заключения союznego договора. Один из французских политиков позднее сказал, что его коллеги «забаллотировали» советские инициативы⁷. Литвинов фактически озвучивал перед ними предложения Политбюро о взаимной гарантии безопасности

прибалтийских республик, уязвимых для немецкой агрессии, и пункт об оказании многосторонней помощи друг другу, если какая-либо из подписавших договор сторон подвергнется агрессии. Политбюро не хотело проводить этот документ через Лигу Наций, где он мог быть заблокирован даже одним голосом⁸. Лаваль отказался дать ответ на какое-либо из данных предложений: совет министров, как сказал он, зашел уже слишком далеко. Он заявил Литвинову, что был «совершенно равнодушен» по отношению к судьбе возможного пакта. Своим же помощникам он сказал, что чувствовал себя «в положении подгоняемой собаки» после переговоров с Литвиновым и Потемкиным. Из-за того, что Лаваль отказался поддержать гарантийный договор для Прибалтики, Литвинов отказался дать взаимные обязательства по безопасности Бельгии, Швейцарии и демилитаризованной Рейнской зоны. «На это уточнение французы, впрочем, немедленно согласились», — позднее объяснял он⁹. Советский Союз предлагал реальные шаги, в отличие от Франции. От первоначального варианта договора почти ничего не осталось, когда Лаваль и французские дипломаты предложили свой вариант, написанный с учетом процедур Лиги Наций, без условия обязательной и автоматической взаимной помощи и без военной составляющей.

Даже после того, как Лаваль согласился подписать с Литвиновым такой вариант 17 апреля, Кэ д'Орсе попыталось смягчить язык документа¹⁰. Потемкин, после консультации с Эррио, выдвинул решительные возражения, и Лаваль, видимо уже не столь равнодушный к судьбе этого договора, немного отступил. В Москве раздраженное Политбюро, или, вернее сказать, Сталин, были готовы уже заявить, что СССР может обойтись и без соглашения с Францией. Политбюро посоветовало Потемкину не торопить события, поскольку Кремль может не принять французский вариант. «...Не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы», — говорилось в телеграмме. Чтобы продемонстрировать свое недовольство, Кремль отозвал Литвинова из Женевы¹¹. По мнению Лавалья, это была небольшая размолвка, однако французский посол в Москве Шарль Альфан справедливо полагал обратное. Отмечая раздражение советского руководства, он предупреждал французский МИД, что Сталин может прекратить переговоры¹². Подписание договора оказалось в подвешенном состоянии. Предшественник Потемкина в Париже В.С. Довгалевский однажды сказал, что во время переговоров с французами им никогда нельзя доверять, даже если ведется стенограмма¹³. Его слова нашли подтверждение в 1935 г., когда Литвинов вернулся в Москву для встречи с членами Политбюро 22 и 23 апреля, чтобы снять их раздражение. Его аргумент был таков: лучше иметь рамочное соглашение о взаимопомощи, чем никакого вообще. Однако во Франции и за ее пределами у договора было очень мало сторонников. В их числе Литвинов мог назвать консервативного политика Жоржа Манделя и еще нескольких человек. Даже Эррио, ранее поддерживавший улучшение отношений между двумя странами, занял двусмысленную позицию. Против пакта были настроены Англия, Италия, Германия и Польша. В итоге получилось рамочное соглашение, которое, среди прочего, препятствовало возникновению в Европе антисоветского блока и не допускало объединения Франции и Германии. Последнее невольно вызывает иронию, ведь французы использовали аргументацию от противного: оправдывая свое участие, они говорили, что тем

самым не дают объединиться Сталину и Гитлеру. По словам Литвинова: «Наша безопасность по-прежнему останется исключительно в руках Красной Армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши и Японии. Для нас договор имеет, в основном, политическое значение, уменьшая вероятность войны не только с Германией, но также с Польшей и Японией». Поэтому 2 мая 1935 г. Потемкин подписал договор вместе с Лавалем. Позднее он не раз говорил: «Надо было подписать кое-что (quelque chose)»¹⁴.

На следующий день, 3 мая, узнав о подписании франко-советского договора, министр иностранных дел (а вскоре – президент) Чехословакии Эдуард Бенеш позвонил советскому дипломатическому представителю в Праге С.С. Александровскому, чтобы обсудить некоторые вопросы в связи с заключением франко-советского и возможностью заключения чешско-советского соглашения¹⁵.

Бенеш попросил включить в будущий документ два пункта: 1) Чехословакия не обязана помогать СССР в случае возникновения советско-польской войны, и 2) договор действует в рамках Локарнских соглашений 1925 г. Литвинов снова посоветовал Сталину согласиться, ведь французы приняли эти пункты, и было бы трудно избежать их выполнения. По словам дипломата, он уже информировал Бенеша, что эти два пакта не идентичны, ибо Чехословакия не подписывала соглашения в Локарно. В ответ он услышал: «...что, во всяком случае, Чехословакия может оказывать помощь лишь в тех случаях, когда таковая будет оказываться со стороны Франции».

Советский Союз не имел общей границы с Германией, и в случае войны Чехословакия могла быстро проиграть, пока Франция начнет борьбу с Германией. Несколько позднее Бенеш говорил своим французским коллегам, что им руководило желание не брать большие, чем у Парижа, обязательства в отношении Москвы. Наличие ссылки на Локарно способствовало дальнейшему ограничению чешских обязательств. Как и Лаваль, Бенеш хотел, чтобы договор был направлен только против Германии, но не Польши. По словам Литвинова, это представляло опасность, ибо Чехословакия в случае польской агрессии могла обнаружить, что у нее нет союзников, и поэтому будет «сокрушена». Чехословацкий дипломат согласился, что наблюдение Литвинова ценно, и обещал над ним подумать, но глава советской дипломатии сомневался, что чехословацкое правительство изменит свою позицию. Как Литвинов сказал Потемкину, чехословаки хотели те же «узкие условия», как и французы, и это обстоятельство «заставляет нас призадуматься»¹⁶. 4 мая Политбюро приняло текст договора, но с оговоркой: СССР окажет помощь жертве агрессии только при условии, что аналогичную помощь окажет Франция¹⁷. Последняя не стремилась к заключению договора, чехословаки не желали заключать договор без Франции, а СССР – без условия предварительной французской помощи Праге. Таким образом, роль Парижа была решающей. Если он не оказывал помощи, Прага оставалась один на один с агрессором. Таким образом, оба договора 1935 г. были основой будущего Мюнхенского кризиса 1938 г.

16 мая, после того как Лаваль в Москве встретился со Сталиным, Литвиновым и другими членами Политбюро, Бенеш и Александровский подписали чехословацко-советское соглашение. Всем, кто помнил его нежелание подписы-

вать договор, было удивительно предложение главы французского МИДа начать консультации начальников штабов, необходимые для оказания двусторонней помощи Чехословакии в случае немецкой агрессии. Поскольку СССР не имел общей границы с Германией, вставала также проблема прохода Красной Армии по территории Польши и Румынии. Поляки ни при каких условиях не соглашались пустить советские войска на свою территорию, храня память о прежних обидах. Напротив, румыны были открыты для сотрудничества. Румынский министр иностранных дел Николае Титулеску поддерживал хорошие отношения со своим советским коллегой и был сторонником советско-французского договора о взаимопомощи. Когда подписание последнего зашло в тупик, он использовал свое влияние, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Титулеску говорил Литвинову, что если бы советско-французский договор о взаимопомощи не был бы подписан, Гитлер одержал бы полную победу и наглость Германии не имела бы границ. Провал советско-французских переговоров неизбежно вызвал бы тяготение Дунайских правительств к Берлину¹⁸.

Титулеску зашел настолько далеко, что сказал: «Малые страны должны определиться, в каком они лагере: вместе с фашистами или в “коллективной безопасности”?». Он, как оказалось, симпатизировал последнему и обсуждал договор о взаимной безопасности с Литвиновым, и даже советовал румынскому королю Каролю согласиться на его подписание. Но у него была своя задача: сохранить за Румынией Бессарабию, которая была отнята у слабой тогда Советской России в 1918 г. В случае военного сотрудничества и продвижения советских войск через Бессарабию Красная Армия покинет ее по первому же требованию Бухареста, и этот факт, как заверил его Литвинов, де-факто будет признанием суверенитета над данной территорией. Однако румынский дипломат потребовал вначале юридически оформить права Румынии на Бессарабию, а затем рассматривать вопрос о прохождении советских войск для помощи Чехословакии. Тем самым возможный советско-румынский договор, как и пакт с Чехословакией, не рассматривал Польшу в качестве потенциального агрессора¹⁹.

Как французы и чехословаки, так и Титулеску обещал лишь частично выполнить требования советской стороны и требовал от нее полного исполнения своих. Как он сказал: «Наше географическое положение по отношению к Советам заставляет нас принимать всерьез русскую реальность так же, как мы всегда серьезно рассматривали германскую реальность. Сколько бы времени ни шел обмен мнениями между высшими советскими политиками, наша позиция состоит в том, что мы не можем ни принять, ни отвергнуть идею договора о взаимопомощи с Советами». Титулеску также посетовал Литвинову на то, что поляки давят на него. Варшава решила, что румыно-советское военное соглашение идет вразрез с румыно-польским договором от 1920 г., который был направлен против Москвы²⁰. Поэтому у самого Титулеску были проблемы. По его словам, Польша и Лаваль не меньше короля Кароля желали «сломать его шею» («... mon sou sera cassé par mes alliés ...»). Когда советско-румынские дискуссии о возможности прохождения Красной Армии могли стать достоянием гласности, Литвинов согласился с предложением Титулеску дать опровержение, чтобы успокоить «трепание» в румынской прессе. Более того, правые политики были очень влиятельны, и Титулеску (по замечанию Альфана, которое он высказал советским

представителям) был единственным, кто мог не допустить сдвига во внешней политике Румынии²¹.

В то же время Лаваль предложил как можно быстрее ратифицировать договор о взаимопомощи, но не ранее, чем он вернется в Париж, где (как полагал Литвинов) Титулеску может быть причиной медлительности Кэ д'Орсе в отношении предложений советского наркома²². Таким образом, Сталин и его окружение имели дополнительные (помимо марксистско-ленинских идей о неизбежности войны между капитализмом и социализмом) причины сомневаться в своих предполагаемых «союзниках».

Своеобразное резюме французского отношения к СССР было дано в форме политической карикатуры на страницах одной норвежской газеты. На ней изображен дородный большевик в буденновке времени Гражданской войны в России, хватающий белокурую невинную Марианну и увлекающий ее вместе с пажом в свадебную карету. «Вы довольны?» – спрашивает большевик. «Да, — отвечает Марианна, — и я была бы счастлива, если бы не ненавидела вас»²³.

Реакция Лондона на подобный «брак» также была далекой от оптимизма. Помощник британского министра иностранных дел Орм Гартон Сарджент полагал, что «в данном договоре о взаимопомощи именно Россия получила выгоды, а Франция взяла на себя практические обязательства. Раз так, то мы должны снять шляпы перед М. Литвиновым за его очень мудрую и успешную дипломатию, где он блефом и запугиваниями довел французов до паники и заключил выгодную только для себя сделку»²⁴. Действительно, договор был выгоден только для одной стороны, но отнюдь не так, как представлял себе Сарджент. Литвинов был «в ярости» на Лаваль за то, что тот ослабил текст соглашения, и отправил тому «сердечные поздравления» с подписанием документа лишь для того, чтобы избежать обострения ситуации. Официальные лица с Кэ д'Орсе полагали, что только временное соглашение может оставить для них открытой дорогу в Берлин. Французский Генштаб возражал против углубления сотрудничества: Париж имел много союзных договоров с другими странами, и «не было особых причин» заключать еще один с Советским Союзом! Весьма интересное заявление для страны, которая остро нуждалась в мощных союзниках. Но Генеральный штаб не хотел дать Германии повод для ввода войск в демилитаризованную Рейнскую зону или Польшу, поддерживая гитлеровский тезис о «русской опасности»²⁵.

Беспокойство Сарджента, таким образом, не имело причин, хотя не все в ведомстве разделяли его мнение. Постоянный заместитель госсекретаря Великобритании Роберт Ванситтарт полагал иначе. Но даже он отмечал, что Литвинов был «помешан» на немецкой угрозе, которая порой была направлена лично против Ванситтарта²⁶. Более того, британское правительство по настоянию Ванситтарта в марте 1935 г. отправило в Москву лорда – хранителя печати Антони Идена. Его переговоры со Сталиным, Литвиновым и другими советскими руководителями, проходившие в атмосфере взаимного желания улучшить отношения, были успешны. Однако на пути реализации советской идеи союза против нацистской Германии были проблемы. Польша, накопившая столетия претензий к своему восточному соседу, выражала неудовлетворенность итогами советско-польской войны 1919—1920 гг. В то время отношения между Варшавой

и Прагой были весьма напряженными из-за того, что последняя не оказала помощи летом 1920 г. Польша играла важнейшую роль во французской концепции «санитарного кордона». Ей надлежало остановить большевизм и сменить Россию в роли противовеса Германии. Неожиданным ударом для франко-польских отношений стало подписание Польшей и нацистской Германией пакта о ненападении в январе 1934 г. Луи Барту, занимавший тогда пост министра иностранных дел, оценивал польско-немецкий пакт в мрачных тонах и, если потребуется, даже был готов расторгнуть отношения с Польшей во имя сближения с СССР²⁷. Однако этого, по вине Лавалля или французского Генерального штаба, не произошло.

Как бы то ни было, Литвинов пытался улучшить отношения с Францией и с Польшей. Поэтому он встретился с польским министром иностранных дел Йозефом Беком в середине февраля 1934 г., чтобы объяснить собеседнику позицию Москвы, как это часто бывало в 1930-х годах. Литвинов, как правило, говорил, что гитлеровская Германия является угрозой европейской безопасности, которая в конечном итоге обернется против Речи Посполитой. Лучше верить тому, что написано в «Моей борьбе», чем успокаивающим речам Гитлера, призванным обезоружить его противников. «Не ошибитесь, — говорил Литвинов, — Гитлер склонен к войне и территориальной экспансии, и Польша обязательно станет его целью. Немецко-польский пакт — это тактический маневр, чтобы дать Гитлеру время для реализации среднесрочных задач». Бек отвечал с обычной самоуверенностью, которая так раздражала Литвинова: что Польша не является маленьким сезонным государством; его стране ничего не угрожает; в среднесрочной перспективе нет угрозы войны в Европе. Аналогичный разговор был у Литвинова с польским послом в Москве Юлиусом Лукашевичем, который заявил, что не может понять причин беспокойства Советского Союза в отношении нацистской Германии. В ответ советский нарком напомнил об уязвимости страны: «Когда же Польша делает какой-либо маленький шаг вперед, то она спешит немедленно вновь отступить назад». Встречи между двумя дипломатами были особо напряженными в июне 1935 г., когда на них обсуждался вопрос о советско-чехословацком соглашении о взаимопомощи. Тогда Лукашевич спрашивал о намерениях сторон, ибо вследствие «географического положения» СССР договор как будто «висит в воздухе». «Я ответил, — писал Литвинов, — что география, очевидно, хорошо известна обеим странам и что, тем не менее, они нашли интересным для себя заключение пакта»²⁸.

Польский посланник был не так уж не прав, называя советско-чехословацкий договор «подвешенным в воздухе». То же выражение использовал Бенеш, но по другой причине: правительства СССР и Чехословакии ратифицировали соглашение, но выполнить его было можно только при участии Франции, которая его не утвердила. Поэтому Бенеш согласился, что давление на Лавалля, даже если оно и было, оказалось безрезультатным²⁹. Чехословакия начинала платить за любую одностороннюю ориентацию на Францию.

Почему же такой опытный политик, как Сталин, согласился принять весьма сомнительный договор с Чехословакией? Литвинов убедил его, что это был необходимый первый шаг для защиты Европы от нацистской Германии. Он говорил Сталину то же, что и зарубежным дипломатам: Гитлер продолжает бороться

против всяких попыток организации коллективной безопасности, ибо в основе его политики остается, в соответствии с книгой «Моя борьба», собирание сил и подготовка к агрессии, в первую очередь, на юго-восточном и восточном направлениях. При таком положении вещей нет оснований верить обещаниям Гитлера относительно разоружения. «Мы запрашиваем, поэтому... и просим в переговорах с Германией избегать всего того, что Гитлер смог бы истолковать как согласие с его концепцией о делении Европы на участки, в которых должен или не должен быть обеспечен мир, что было бы поощрением агрессии против той или иной части Европы»³⁰.

Другими словами, мир был «неделимым»: если он нарушался в одной части Европы, следовало его нарушить и в другой. Отсюда возникала еще одна проблема: безопасность Чехословакии, ибо французский и британский кабинеты не были готовы принять этот принцип. Например, Сарджент возмущался (как он их называл) попытками Литвинова сузить британские полномочия. По наблюдению помощника британского заместителя министра иностранных дел: «Настоящий оппонент, с которым нам приходится иметь дело, — это Литвинов, который будет сильно бороться за сохранение принципа одновременности во всей его полноте...»³¹. В британском Форин Офис и на набережной Кэ д'Орсе было сильно желание сотрудничать с нацистской Германией и не мешать ее экспансии на Восток.

Именно Англия первой начала сближение с Гитлером, подписав 18 июня 1935 г. морское соглашение, которое застало врасплох и Париж, и Москву. «Великобритания упустила очевидное преимущество, — отозвался на это событие острый на язык И.М. Майский, — как жадный мальчишка, который украл со стола кусок пирога. В результате, у него наверняка будет изжога»³². По замечанию Литвинова, Англия сыграла на руку Гитлеру. Французы говорили о предательстве. Каждый из них — в отношении своей страны к англо-немецким письмам — говорил правду. Это был еще один шаг, противный безопасности Чехословакии.

Между тем, Лаваль отправил соглашение о взаимопомощи в Национальную Ассамблею, где оно пролежало несколько месяцев без представления от имени правительства. По мнению Потемкина, проволочки были вызваны некими подспудными мыслями Лаваля и боязнью протеста со стороны Германии³³. Литвинов заметил, что французский премьер мог использовать ратификацию договора как «козырь в переговорах с Германией», а его нетерпеливость была показной. Когда французский посол Альфан встретился с Литвиновым, чтобы пожаловаться на недостаточно активное развитие культурных связей, намекая на дело «Комедии франсез», советский нарком заявил, что был бы рад способствовать разрешению этой проблемы после ратификации пакта о взаимопомощи. Он сказал, что не хочет превращать в комедию франко-советские отношения. Несколькими неделями позднее в Женеве он же выразил свое недовольство Лавалю, который зачитал документы о деятельности коммунистов во французских колониях. Таким образом французский лидер хотел отвести внимание советской стороны от европейской политики. Литвинову ситуация была «хорошо известна со времен Керзона», как говорил он, вспоминая переговоры с неуживчивым британским министром иностранных дел в начале 1920-х. «Я полагал, — писал Литвинов, — что прошли те времена, когда Керзон и ему подобные могли утверждать,

что, не будь советского правительства, не было бы никакого недовольства и никаких антиправительственных движений в Индии и других колониях»³⁴.

Даже некоторые чиновники Форин Офис признавали, что критика из уст советской «пропаганды» была верным знаком надвигающейся беды. «Придавая слишком много внимания статьям, манифестам, декларациям, пророчествам и прочему, исходящему от Москвы, — признавался один клерк, — мы рискуем выглядеть так же нелепо, как и ответственные за эту пропаганду»³⁵. Советская «пропаганда» была проблемой не только для Лавалю, но и для Литвинова. Ее корни лежат в Коммунистическом Интернационале, который был создан в 1919 г. для распространения мировой революции и защиты Советской России от иностранной интервенции. После ее завершения и окончания Гражданской войны в 1921 г. Коминтерн постепенно терял *raison d'être* как единственный инструмент советской внешней политики. Термин «пропаганда», использовавшийся европейскими политиками, мог означать что угодно: агитацию во французских или британских колониях или Китае, статьи советских газет и даже плакаты на митингах 7 ноября. Пропагандой называлась также и публичная риторика советских лидеров по вопросам внутренней политики. Однако существовал другой, секретный язык, который использовался внутри народного комиссариата иностранных дел, основанный на терминах реальной политики, военных и экономических расчетов. Таким образом, общеупотребимый язык советской власти, обрамленный формулами из марксизма-ленинизма, противоречил «секретному языку» НКВД. Даже Литвинов, как того и следовало ожидать, на публике говорил «по-большевицки», а в узком кругу — на «языке реальполитик». В течение 1920-х годов он часто критиковал агентов Коминтерна за то, что его «ораторы» вмешиваются в вопросы внешней политики, и неподобающие (для публичной дискуссии) комментарии, которые наносят ущерб интересам СССР за рубежом. В 1935 г. он заявил: «Я очень опасаюсь, что на местах они будут выходить за пределы «информирования» и заниматься агитацией и пропагандой, что может создать для нас международные осложнения». Тем самым он призвал держать партийных бойцов на коротком поводке. Иностранные дипломаты порой констатировали презрение наркома к Коминтерну. Перефразируя известную советскую эпиграмму, он предпочел бы один советский трактор десяти коммунистам-иностранцам. Даже Сталин отмечал равнодушие главы своей дипломатии к «революционным» доводам³⁶.

В середине 1930-х годов Коминтерн боролся за «коллективную безопасность» и поддерживал левоцентристские политические коалиции (Народные фронты) во Франции и Испании. Однако, вместо улучшения отношений СССР с западными державами, произошло обратное. Сам Лаваль отмечал, что вхождение в Народный фронт — это де-юре признание коммунистов³⁷. По его мнению, подобные коалиции превратили последних в грозных политических соперников, имевших некоторые успехи на выборах, что усилило нападки на советскую «пропаганду», не причастную к успехам ФКП. Атаки на советский агитпроп усилились после того, как западные дипломаты попросили Сталина прекратить революционные призывы — то, чего он не мог сделать.

К осени 1935 года отношения между деликатной Марианной и дородным большевиком резко ухудшались. «Антисоветская роль Лавалю, — как говорил

Литвинов, — выясняется все больше и больше». Ратификация многостороннего договора о взаимопомощи, несмотря на соответствующее заявление Лаваля, сделанное Титулеску, уже в ноябре была под сомнением из-за развязанной против того кампании в правоконсервативной прессе. Несколько позднее советский нарком узнал, как в беседе с югославским премьер-министром его коллега сказал, что франко-советский пакт мертв. «Он не скрывает ни от нас, ни от других, — заметил Литвинов, — что ведет зондажные переговоры с немцами, добиваясь гарантий для Чехословакии. Такая гарантия означает свободу действий Германии на Востоке»³⁸. В действительности Лаваль не хотел привлекать немцев и поручил послу в Берлине Андре Франсуа-Понсе договориться о встрече с Гитлером. Литвинов сказал французскому послу в Москве, что из этого вряд ли что выйдет, кроме подмоченной репутации премьер-министра. Альфан ответил, что, к сожалению, франко-советские отношения находятся в зависимости от внутренних проблем Третьей республики. Сообщения о деятельности советской пропаганды во французских колониях стали достоянием гласности в связи с недавними выборами в Сенат. По мнению правых партий, правительственная коалиция с коммунистами не сможет удержать власть, не эксплуатируя страх перед беспорядками, намекая на Народный фронт, созданный для выборов 1936 г.³⁹ Постоянный заместитель британского госсекретаря Ванситарт заявил Майскому, что «флирт Лаваля с Германией» зайдет в никуда, Франсуа-Понсе также критиковал Лавалю за то, что он отдаляет от Франции потенциальных союзников⁴⁰.

Напротив, слова французского премьер-министра в разговоре с Потемкиным шли вразрез с другими источниками Москвы. Глава правительства проинформировал полпреда о беседах Франсуа-Понсе с Гитлером. Если верить Лавалю, и Франция, и Германия желали улучшить отношения, но, к сожалению, на этом пути стоял франко-советский пакт. Это звучало, будто «Лаваль старался психологически подготовить нас к отказу от пакта о взаимной помощи». Потемкин полагал, что Лаваль в данном случае опустил до шантажа: либо Москва прекратит поддерживать развязанную Народным фронтом кампанию против него (премьер-министр полагал, что для этого Сталину надо сказать лишь одно слово), либо договор не будет ратифицирован. Читатель, который сомневается в истинности слов Потемкина, может сравнить его мнение с тем, что говорили Лаваль и Франсуа-Понсе своим немецким собеседникам. «Как вы думаете, когда нам обмануть большевиков: сегодня или завтра?» — шутил Лаваль с немецким послом в Париже⁴¹. Не были ли эти слова прологом будущего немецкого вторжения? Неизвестно. Но, как бы то ни было, Литвинов сделал правильный вывод: «Лаваль уже показал нам, как легко превратить в клочок бумаги даже пакт о взаимной помощи». Как ранее заявил советский нарком французскому журналисту, «Сталин... был разочарован моральной слабостью французской политики» («Celui-ci a-t-il dit à notre compatriote est déçu par la politique de faiblesse morale de la France»)⁴². Французы могли возразить, что он не имел права читать им нотацию о «моральности» в политике, но он, как и многие другие, лишь отразил свое ощущение слабости и ненадежности Франции как союзника. Это подозрение основывалось не на идеологических предпочтениях советского лидера, а на опыте отношений с Третьей республикой.

Тем не менее, несмотря на то что Москву один за другим покидали все ее партнеры, советское руководство не отказывалось от антигерманского союза. Литвинов попытался улучшить отношения с Соединенными Штатами. В ноябре 1933 г. он прибыл в Вашингтон, чтобы рассеять старые обиды и очертить перспективы будущего сотрудничества, заключив «джентльменское соглашение» с новым президентом Франклином Рузвельтом. Но Государственный департамент воспринял данное соглашение как нежеланного ребенка, который вскоре умер⁴³. Литвинов даже пытался включить в коалицию Италию, но имперские амбиции Бенито Муссолини относительно Абиссинии смешали все карты. В планах Литвинова по формированию и активизации антигерманского сопротивления фигурировала также Лига Наций⁴⁴. Поэтому секретные переговоры французского премьера с британским министром иностранных дел об уступке Муссолини большей части Абиссинии в декабре 1935 г. вызвали гнев советского наркома: Лаваль «показал себя настойчивым врагом всей системы коллективной безопасности, в том числе и Лиги Наций... если он останется у власти хотя бы до выборов, то от прежней внешней политики Франции не останется и следа»⁴⁵.

Январь 1936 года принес Литвинову хорошую новость: Лаваль был вынужден уйти в отставку после того, как в прессу просочились сведения о переговорах касательно северной Эфиопии. По иронии судьбы, в этих переговорах мог принять участие и Литвинов, если бы они не ослабляли Лигу или коалицию, которую тот пытался создать. Отсутствие Лавалья, как полагал Литвинов, поможет улучшить франко-советские отношения, ведь Национальная ассамблея, несмотря на сильные критические замечания из Палаты депутатов и Сената, все же ратифицировала договор с СССР в феврале–марте 1936 г.

Дискуссия была ожесточенной, и Литвинов полагал, что советская пресса должна показать угрозу для Франции, процитировав «Мою борьбу», где та названа «традиционным врагом Германии», и гитлеровская Германия будет мстить всем своим соседям: и Франции, и, в особенности, Чехословакии. Литвинов также пытался получить от Сталина согласие на то, чтобы предупредить французского премьер-министра о позиции Советского Союза в отношении «необоснованных нападок» со стороны Палаты депутатов, и в то же время просил руководство Коминтерна увеличить финансирование французской социалистической прессы. Это было надежным индикатором намерений СССР, ибо Москва не собиралась тратить золото понапрасну. Пытаясь «пробудить» французов, нарком опасался, что Гитлер, если узнает о советских корнях левых французских изданий, непременно воспользуется этой возможностью против СССР⁴⁶.

Поэтому отставка Лавалья никому не принесла облегчения. Антигерманский союз, который пытался создать Советский Союз, никого не интересовал. Великобритания вскоре удалилась от этой идеи. В декабре 1935 г. британским министром иностранных дел стал Энтони Иден. В Москве это считали хорошей новостью, поскольку Литвинов считал его сторонником улучшения отношений с Москвой. Как оказалось, Иден не был другом СССР. В феврале 1936 г. он остановил улучшение англо-советских отношений. Московская пресса, как оказалось в будущем — необдуманно, опубликовала статью об условиях жизни британских рабочих. Иден был в ярости: «Автор этой статьи пытается убедить меня, что мы должны держаться от Майского и его правительства на расстоянии вытя-

нудой руки. Мы хотели бы иметь более хорошие отношения, но любое улучшение с правительством, которое так поступает, совершенно неприемлемо»⁴⁷. В статье говорилось о сильных антикоммунистических настроениях британской элиты и слабости англо-советского сближения. Эти слова, наверное, имели под собой почву, если какая-то легкомысленная публикация в советской газете, написанная на русском языке, имела такой эффект для Идена, который встречался со Сталиным всего 11 месяцев назад.

В Москве поначалу не замечали перемен в английской дипломатии, но вскоре советскому правительству пришлось столкнуться с другими проблемами. 7 марта Гитлер приказал войскам войти в Рейнланд, на что Париж и Лондон отреагировали только выражением протеста. Помнил кто-либо на Кэ д'Орсе о предложенных Литвиновым ранее гарантиях безопасности демилитаризованной Рейнской зоны? Мандел, который стал регулярным информатором советского полпредства, говорил, что на грядущих выборах в парламент никто из кандидатов не сможет занять твердую позицию в отношении Германии. Эррио полагал, что коммунисты и социалисты, возможно, могут завоевать места, равно как и правые. Он говорил, что его соперник из Радикальной партии Эдуард Даладье может сформировать кабинет. Он предупреждал и Потемкина, что Даладье в глубине души не любит коммунистов и разделяет «германофильство» Лавалля. Для Эррио прогерманская ориентация не имела смысла: европейскую безопасность можно гарантировать только союзом Парижа, Москвы и Лондона. Без него невозможно обеспечить мир. Проблемой, по мнению Литвинова, была «дряблость» Эррио, который не мог вести жесткую линию в отношении правых. Когда Народный фронт, как и говорил Эррио, все же выиграл весенние выборы, Литвинов обеспокоился, чтобы успехи левых (особенно Французской коммунистической партии) не спровоцировали движение к фашизму⁴⁸. Ничто не предвещало провал коллективной безопасности и падение Чехословакии.

Худшее было впереди. 17 июля против правительства испанского Народного фронта поднялся вооруженный мятеж, который вскоре возглавил генерал Франсиско Франко. Так началась кровавая гражданская война, которая продлилась до марта 1939 г. Это была борьба идеологий: правые против левых, фашисты против коммунистов. Британский кабинет, обеспокоенный французским Народным фронтом, был взволнован распространением коммунизма в Испании, а затем – во Франции. Новоизбранное правительство под руководством Леона Блюма могло пойти на помощь испанским «республиканцам», что и было его первым побуждением. Но Блюм опасался, что и во Франции разразится гражданская война. Поэтому Великобритания и Франция перешли к политике «невмешательства», в то время как фашистская Италия и нацистская Германия активно вмешались и поддерживали Франко.

Единственным вопросом была позиция Советского Союза. Как и победу Народного фронта во Франции, Литвинов рассматривал гражданскую войну в Испании как угрозу «коллективной безопасности». Он потерял последнюю надежду заручиться союзными отношениями (подобными тем, что были с Великобританией и Францией) с Италией. Литвинов пытался проводить осторожный курс, принимая англо-французскую политику невмешательства и соглашаясь войти в состав комитета невмешательства, чтобы воспрепятствовать проникно-

вению в Испанию иностранных оружия и солдат, которые подогреют конфликт. Конечно, как вскоре признался сам Литвинов, невмешательство было фарсом, поскольку Германия и Италия согласились поддержать «националистов».

Политика невмешательства привела Сталина в ярость, и он приказал направить в Испанию оружие, амуницию и военных советников, чтобы помочь Мадриду победить «фашистских мятежников». Эта помощь вызвала недовольство в Париже и Лондоне, которые не хотели распространения большевистской революции на Испанию. Генеральный секретарь французского МИД Алексис Леже угрожал советскому поверенному в делах расторжением недавно ратифицированного договора о взаимопомощи, если Москва будет продолжать активно вмешиваться в события в Иберии. Неизвестно, был это блеф или нет, но Литвинов был обеспокоен развитием событий и в сентябре добился санкции Сталина на проведение нескольких демаршей с целью укрепить коллективную безопасность. Осенью он также попытался придать советской политике на Пиренеях менее агрессивный характер. Но эта попытка встретила отпор и в Москве, и (от Майского) в Лондоне. На шести встречах со Сталиным в конце октября и в начале ноября Литвинов пытался убедить генерального секретаря в том, что советское оружие создало в Испании неустойчивое равновесие, которое могли легко нарушить Германия и Италия, находившиеся в более оптимальных условиях. Дальнейшее вмешательство и попытка закрепить баланс сил может только спровоцировать контрмеры с противной стороны. Советский Союз не может этого допустить. Москва, не имеющая средиземноморского флота, вдали от сухопутных границ Испании, «не может изменить этого положения до тех пор, пока Англия и Франция остаются в стороне...»⁴⁹. Гражданская война в Испании не была напрямую связана с границами Чехословакии. Однако, если бы франко-советские отношения и далее ухудшались из-за вмешательства последней в дела на Пиренеях, последствия для Праги были бы катастрофическими.

В первые месяцы разразившейся в Испании войны пришла еще одна плохая новость, которая осталась почти незамеченной. Из-за политических интриг и критики за просоветскую политику в конце августа 1936 г. ушел в отставку румынский министр иностранных дел Титулеску. В начале года он продолжал обсуждать советско-румынский договор о взаимопомощи с полпредом СССР в Бухаресте М.С. Островским, но он не смог прийти к соглашению, что делать, если Великобритания и Франция не войдут в договор о коллективной безопасности. Падение Титулеску было еще одним ударом по политике Литвинова и безопасности Чехословакии, которая вызвала новые опасения в Москве⁵⁰.

Обеспокоенность проявляли и французы. В сентябре министр иностранных дел Третьей республики Ивон Дельбос встретился с преемником Титулеску Виктором Антонеску в Женеве, чтобы получить представление о будущих направлениях румынской дипломатии. По словам Дельбоса, у него сложилось впечатление, что Литвинов согласен де-юре признать суверенитет Румынии над Бессарабией в обмен на договор, который предоставит Красной Армии возможность прохода по румынской территории в случае немецкой агрессии против Чехословакии. Антонеску ответил уклончиво: вопрос был «очень деликатным» и должен решаться королем и премьер-министром. Поль-Бонкур, который присутствовал на встрече, упрекнул своего коллегу: «Румыния хочет по-

лучить все, но не хочет ничего отдать взамен». Дельбос объяснил, что он убедил Литвинова смягчить позицию по Бессарабии, но только в обмен на указанное соглашение о праве прохода, иначе невозможно будет исполнить договор о взаимопомощи с Чехословакией. Как объяснил ему Антонеску, Румыния не пойдет на соглашение, если «заранее не будет иметь эффективную [французскую] поддержку». Что же до отношений с Советским Союзом, «общественное мнение стало «более и более антикоммунистическим и враждебным к союзу с Советами». Свою обеспокоенность ростом антисоветских настроений в Румынии выразил своему французскому коллеге также советский полпред Островский. Гражданская война в Испании и французский Народный фронт, как заявлял румынский посланник в Москве, даже в Бухаресте вызвали опасения касательно распространения коммунизма. Улучшение отношений с Советским Союзом всегда вызывало огонь критики со стороны румынских правых, которые (вместе с фашистскими движениями) набирали мощь⁵¹. Литвинов попытался развеять эти опасения, убедив Лежеа и других чиновников с Кэ д'Орсе и в Лондоне, что Советский Союз не заинтересован в распространении большевизма в Испании, где фактически велась борьба против радикализма. В ноябре с французскими дипломатами встречался Потемкин, чтобы обсудить переговоры между генеральными штабами. Он поделился с Дельбосом информацией от советского военного атташе в Берлине о слабости французской обороны у Страсбурга. По его наблюдению, Чехословакия и Франция были уязвимы при нападении немцев, и «сама Франция также отнюдь не может чувствовать себя в безопасности». Когда Дельбос ответил, что он передаст далее информацию об уязвимых местах французской обороны, Потемкин сказал, что следует подумать не только об обороне, но также о более активных действиях, чтобы не допустить потенциального нападения Германии на Чехословакию. Как сказал советский дипломат, Германия готовилась к войне и пыталась устроить французских союзников, чтобы деморализовать и разбить их по одиночке. Об этом же говорил Титулеску. Дипломат указал на очевидное: отсутствие общей франко-советской границы и необходимость переговоров начальников штабов обеих стран для «серьезной технической проработки» военного взаимодействия двух стран⁵².

Действительно, существовали «серьезные технические проблемы», но куда более серьезными были противоречия в политике. Они возрастали в силу продолжающегося сопротивления внутри правительства и генштаба. Блюм, как и министр авиации, выступал за продолжение переговоров, но Даладье, начальник Генерального штаба генерал Морис Гамелен и другие были против. Более того, политическая атмосфера во Франции была очень едкой, спровоцированной опасениями войны и революции, исходившими от правых партий, и усилившейся поддержкой испанского республиканского правительства французами коммунистами.

Проблема заключалась не только в Даладье и Гамелене. Литвинов предупреждал Потемкина не слишком торопить переговоры штабов. «Авторитетные товарищи здесь, — говорил он, имея в виду Сталина и его ближайшее окружение, — не интересуются этой поездкой и тоже хотели бы ее оттянуть, но для нас было бы удобнее всего, чтобы оттяжка произошла по инициативе французов... Мы также заинтересованы в том, чтобы приостановить прямые переговоры

и не приступать к ним, пока не последует инициатива с французской стороны... Для вашего сведения сообщаю, что по имеющейся у нас абсолютно достоверной информации французская военная верхушка решительно настроена против франко-советского пакта и открыто об этом говорит»⁵³. Говоря о ярких критиках, Литвинов имел в виду генерала Анри Жиро, но вместе с ним можно было бы упомянуть генералов Гамелена, Жеродьюса, Жоржа, Дебени, Швейсгута и прочих. Они опасались коммунистической пропаганды в армии, всеобщих забастовок, мятежей, городских восстаний и других ужасов. Литвинов был лаконичен и, вероятно, уже прочел перехваченное сообщение британского военного атташе в Париже Фредерика Бомон-Несбитта, в котором говорилось об открытой критике франко-советского соглашения генералом Жиро⁵⁴.

Во французском правительстве, несмотря ни на что, предпринимались попытки продвигаться вперед. В декабре 1936 г. Блюм информировал Потемкина, что состоялась очередная встреча Гамелена и министров. Ее «предметом обсуждения был вопрос о возрастающей опасности войны со стороны Германии и о мерах, которые необходимо принять ввиду надвигающегося вооруженного конфликта». «Было признано, что наиболее уязвимым местом в Европе является Чехословакия, — сказал Блюм. — Решено было, что нужно, не теряя времени, выработать конкретный план ее защиты». Франция должна мобилизовать силы и отправить помощь, чтобы усилить чешскую ПВО. В этой связи было важным знать, будет ли Советский Союз в полной мере исполнять свои обязательства по отношению к Чехословакии. Ключевым здесь, заключили политики, является координация военных действий трех стран. Это хорошо звучало, но продвинулись ли переговоры военных? «Относительно Даладье, — сообщал Потемкин в НКВД, — сам Блюм мне говорил в последний раз, что этот человек нам глубоко враждебен и что рассчитывать на него нам не приходится»⁵⁵.

Осторожность стала главным правилом в Москве, хотя в начале 1937 года состоялись консультации между советским военным атташе в Париже и руководством французского Генерального штаба. Даладье и его подчиненные придерживались тактики проволочек, стараясь при этом не оскорблять Москву⁵⁶. Блюм и министр авиации Кот продолжали искать возможность, чтобы преодолеть сопротивление, но в мае они столкнулись с сопротивлением из Лондона, где Иден встал между Дельбосом и Лежеом, чтобы заблокировать переговоры. Французы защищали себя, называя свою политику «половиной пути домой»: не обидеть Советский Союз и подготовить улучшение его отношений с Германией. Иден был настроен более критически: «Для многих из тех, кто не желал и опасался советского влияния в Европе, углубление франко-русского взаимодействия воспринималось как серьезное ограничение свободы действий французского правительства в европейских делах». Комментарий Идена выглядит интересно, если учесть, что англичане сами пытались сузить «свободу действий» Франции, о чем им уже говорил Потемкин. Иден также желал не разрывать отношений с Берлином и хотел создать новое соглашение «Западное Локарно» — как раз то, чего опасался Литвинов. В заключение, когда дело коснулось обороны Чехословакии — «важнейшей французской цели», — Дельбос заявил: «Мы не оставим Чехословакию. Мы не можем сделать этого, если только не исчезнем из Европы как первая по мощи европейская держава». Это пророчество оказалось верным,

но вмешательство Идена не прошло безрезультатно: французский посол в Лондоне в мае отправил телеграмму в Кэ д'Орсе, в которой советовал французскому правительству «свести к минимуму возможность развития франко-советского договора...»⁵⁷.

Британское вмешательство во франко-советские отношения было еще одним ударом по безопасности Чехословакии, но Сталин оценил его по-своему. В июне он обратил свое внимание на высшее командование вооруженных сил, где после судебных процессов был казнен ряд высших офицеров. В Британии и Франции, которых нисколько не озаботило исчезновение большинства «старых большевиков» годом ранее, на казни военачальников смотрели с беспокойством. Однако официальная реакция была ироничной, поскольку обе страны и до чисток не желали тесно сотрудничать с Красной Армией. Теперь же появился хороший повод, чтобы отменить переговоры генеральных штабов. Анализируя уроки прошлого, личный секретарь Лежеа, Этьен де Круа-Шанель, в отношении договора о взаимопомощи говорил: «Даже до казней советских генералов... у французского правительства никогда не было желания ограничить свою дипломатию какими-либо, даже самыми малыми обязательствами... Единственно ценным для Франции в этом договоре был пункт, что Красная Армия «может перейти в наступление от своих границ, чтобы помочь Чехословакии в случае нападения Германии»⁵⁸. Эти слова выглядят насмешкой над французской армией (не говоря уже об английской), которые не имели боеспособных (по европейским меркам) подразделений и не имели планов «наступления от своих границ», чтобы помочь чехам или Советскому Союзу. Круа спекулирует на слабости Франции по сравнению с Советским Союзом. Как тогда они смогут ответить *quid pro quo* на советское наступление? Было еще немало вопросов, которые задавала советская сторона, а французская, как всегда, игнорировала. Тем самым франко-советские отношения, как говорится в известной эпитафии, были комедией, в которой, за пеленой юмора, скрывалась трагедия.

Литвинов и Потемкин знали, как сильно навредили чистки репутации Советского Союза на международной арене. Однако они не желали слушать злорадные комментарии французов, свернувших переговоры, как то было в начале 1937 г., ибо именно Даладье передал Потемкину сведения о контактах высшего командования РККА с Германией, подготовке первым военного мятежа и установления антифранцузского союза⁵⁹. Вмешательство Даладье в «загадку 1937 года» выглядит непонятным, если учесть его стойкое неприятие французских коммунистов и расширения советского влияния в Европе. Знал ли он, какие последствия будет иметь его передача данных «разведки» Потемкину? Хотел ли он остановить разворот советской внешней политики или ожидал аналогичную реакцию Сталина? Мы не имеем оснований, чтобы утверждать это, но очевидно, что курс Литвинова провалился. Все участники его возможной антигерманской коалиции отпали один за другим. Создавая союз против нацистского режима, он шел на большой риск, и «приз» в случае победы был бы достойным. Летом 1937 г. он уже не мог скрыть неудачу, слишком очевидную для Сталина. Ему не требовалось объяснений в духе марксистско-ленинской теории, чтобы понять: СССР не имел союзников и был уязвим перед лицом серьезной опасности.

Весной 1937 г. снова пришли плохие новости. Главой британского кабинета министров стал Невилл Чемберлен, а правительство Блюма, просуществовавшее немногим более года, ушло в отставку. Чехословакия, осознавая ухудшавшееся положение, стала перед необходимостью идти на соглашение с Германией, как и предсказывал Титулеску. «Не подлежит никакому сомнению, что Чехословакия находится на первой линии огня...» — говорил Литвинов, наблюдая за сгущавшимися тучами над последней. Великобритания давила на Бенеша, чтобы он решил «судетский вопрос» и не провоцировал Гитлера. Однако Прага не собиралась отказываться от договоров с СССР и Францией и отдавать Судеты⁶⁰.

Если советское правительство не могло обойтись без публичной критики Лондона и Парижа с позиций исторического материализма, то последние, в свою очередь, не могли сдержаться от антикоммунистических выпадов в адрес Москвы. Без каких-либо затруднений их можно было обнаружить во французской прессе и словах французских дипломатов во всех странах мира. Так, посол в Токио прославился пышными тирадами против советского режима. Даже Гамелен критиковал Народный фронт и прославлял Японию, ведущую борьбу с большевизмом⁶¹. Напряженность в отношениях между Советским Союзом и Японией нарастала, и Литвинов не мог положительно воспринимать французских генералов, которые открыто сочувствовали Токио. Французские послы в Москве выражали недовольство тоном советской прессы; Литвинов ответил тем же. Полуофициальная парижская газета «Тан» часто вызывала гнев Кремля. Тому были две причины. Во-первых, источником ее финансирования зачастую было ведомство на Кэ д'Орсе. А во-вторых, она также получала «довольствие» (около 500 тысяч франков в год с начала 1920-х) из советского полпредства, пытавшегося таким образом снизить накал критики. Порой газета на некоторое время прекращала антисоветскую критику. Но эти периоды были кратки и редки, вызывая гнев весьма бережливого Литвинова.

Он поднял этот вопрос в разговоре с Дельбосом в начале 1937 г., когда советское правительство все еще пыталось оживить переговоры между военными двух стран. Собеседник, хотя все знали, что это не так, опроверг, что «Тан» является полуофициальным изданием французского министерства иностранных дел. Конечно, и Литвинов вряд ли мог отрицать, что эта газета работала за советские деньги, равно как и прекратившие антисоветские выпады и выступавшие за франко-советский союз журналисты других изданий. Надо отметить, что в подобной практике советские дипломаты были не одиноки. Ходили слухи, что Германия и Италия за подобные услуги платят куда как больше⁶².

Преемник Альфана на посту французского посла в Москве Роберт Кулондр зачастую жаловался Литвинову на советскую «пропаганду». Поводом для этого в ноябре 1937 г. была статья главы Коминтерна Георгия Димитрова к годовщине Октябрьской революции 1917 г. во французском коммунистическом ежедневнике «Хьюманите». Более того, ФКП отказалась от антивоенных лозунгов и стала выступать за укрепление обороны. Димитров же твердо поддерживал стратегию народных фронтов во Франции⁶³. Для французских правых Народный фронт был неприемлемым политическим объединением, благодаря которому ненавидимые ими коммунисты получили кредит доверия со стороны других политиков. С другой стороны, Димитров восхвалял ИККИ, особо активный в Испании,

— еще один повод для недовольства французских правых. Литвинов расценивал их критику как пустяк, который не заслуживает внимания по сравнению с открытой враждебностью правительства и прессы по отношению к Москве. Он также уделял внимание «длинному списку разочарований, которые политика коллективной безопасности принесла Советскому Союзу»⁶⁴. Как ни парадоксально, советское полпредство в Париже тратило большие суммы на поддержку коллективной безопасности, а не мировой революции. Литвинов удивлялся: что бы подумали англичане и французы, узнав, какие деньги тратит Италия на пропаганду против них. Советская разведка добыла «аутентичные документы», в которых говорилось, что итальянские консульства в Дамаске, Бейруте, Каире, Александрии и всей Северной Африке тратят 12,5 миллионов лир на подобную работу⁶⁵. Отсюда Литвинов делал выводы, что Франция и Великобритания, как и было в действительности, используют «двойные стандарты» для определения «пропаганды».

Как видим, франко-советские отношения к концу 1937 г. были отнюдь не на высоте. В декабре Дельбос совершил поездку по всем восточноевропейским столицам за исключением Москвы. Его высказывания, сделанные в среде ближайшего окружения, легко достигали ушей оскорбленного Литвинова. Его французский коллега часто жаловался на «мнимое» (по словам советского наркома) вмешательство Коминтерна во внутренние дела Франции и при этом очернял договор о взаимопомощи с СССР. В Варшаве Дельбос вместо того, чтобы попытаться смягчить жесткую польскую дипломатию, заигрывал с Беком. Тем не менее Литвинов знал, что глава румынского внешнеполитического ведомства Антонеску в разговоре с французским коллегой жаловался на «пассивность» Англии и Франции. Он, якобы, заявил Дельбосу, что своими непрерывными уступками Германии и Италии Англия и Франция бесконечно увеличивают опасность войны, и он также, якобы, потребовал от Дельбоса, чтобы великие державы хотя бы раз сказали в конце концов резкое нет в ответ на итало-германские притязания. Если бы Лондон, Париж и Москва, образовав блок, заговорили в Женеве твердым языком, то, по мнению Антонеску, все малые и средние державы пошли бы за ними и это значительно уменьшило бы опасность войны. К сожалению, французы были парализованы: «Дельбос всюду говорил, что Германия в первую очередь угрожает не Чехословакии, а Австрии». Литвинов знал, что если Германия поглотит Австрию, то ее северные границы будут соприкасаться с Чехословакией и та станет следующей жертвой. Не без сарказма он полагал, что приказ надавить на непокорных чехов, чтобы те уступили Судетам, Дельбос получил из Лондона, хотя Прага сопротивлялась. Литвинов опасался английского влияния на Бенеша. Французы также знали: в декабре Леже заявил чешскому представителю в Париже, что британские заявления об обеспокоенности положением в Восточной Европе были не более чем пустой риторикой и Англия, «само собой, пальцем не пошевелит для помощи СССР...» Майский использовал то же самое выражение в своем дневнике. Не только Сталин чувствовал слабость Франции. Cote d'amour (любовь) между Парижем и Москвой, как заметил один румынский дипломат, дала трещину⁶⁶.

Язык Антонеску, возможно, был сюрпризом для Москвы, поскольку Литвинов не считал того способным на большую силу воли. Титулеску принадлежат

слова, что упорство – это непозволительная роскошь для малых восточноевропейских стран, расположенных вблизи опасных соседей. Титулеску, который был уже не у дел, говорил Майскому, что мир в Европе зависит от «мирного фронта» во главе с Британией, Францией и Советским Союзом. Очевидно, он мог говорить более свободно, не ощущая за своей спиной короля Кароля и румынских правых. Если «фронт мира» будет создан, говорил Титулеску, все будет хорошо. Если же нет... придется пережить трагедию в двух актах: 1) первый акт – создание Германией «Серединной Европы», 2) второй акт – разрушение Брит[анской империи] «Серединной Европой». Англичане должны сделать выбор, и притом в срочном порядке⁶⁷. В разговоре с советским послом бывший министр словно произносил проповедь перед новообращенными.

Комментарии Литвинова о французской политике были мягкими по сравнению с тем, что говорили Я.З. Суриц (теперь — полпред в Париже) и В.П. Потемкин, который вернулся в Москву на пост заместителя народного комиссара иностранных дел. Суриц получал сведения от Мандела, Кота, Поля Рейно и других французских политиков и журналистов. Удивительно, как свободно они говорили о французской внутренней и внешней политике. Мандель и Рейно побуждали советское правительство занять жесткую позицию в отношении Даладье, но Суриц не думал, что это будет полезно. Проблемы внутри французского кабинета и общества были очень глубоки. И Потемкин, и Суриц полагали, что Франция катится к фашизму и потеряет свой суверенитет⁶⁸.

Тем не менее в январе 1938 г. Литвинов все еще держал дверь открытой, говоря о советской политике Сурицу: «Общая директива: не высовываться вперед, не изображать из нас единственных поборников Лиги Наций, стремящихся изнасиловать другие государства, и занимать спокойную выжидательную позицию, поддерживая те предложения, которые идут в направлении нашей общей политики»⁶⁹. Ждать и смотреть, что же произойдет, – такова была новая линия Литвинова, несмотря на мрачные пророчества.

В начале 1938 г. советская дипломатия в Европе не имела успехов, и Чехословакия была в опасном положении. Ее потенциальные союзники не могли договориться между собой. Франция и Великобритания колебались, не решаясь предпринять какие-либо действия из-за боязни спровоцировать Гитлера. Попытки наркома Литвинова сформировать антинацистский союз провалились, загубленные антикоммунистическими настроениями со стороны французского Народного фронта и гражданской войны в Испании. Этот «большой список разочарований» создал Литвинову образ наивного мечтателя, что грозило изоляцией СССР перед лицом нацистской Германии. Ему пришлось уйти в оборону, неоднократно повторяя послу в Лондоне Майскому: «Вообще же, я Вам еще в Женеве говорил, что мы занимаем сейчас выжидательную позицию по всем вопросам и свое сотрудничество никому навязывать не намерены»⁷⁰. Собственно, тогда это была единственно приемлемая позиция.

В первых числах марта Литвинова посетил французский посол Кулондр. Выслушав его «длинную тираду» с критикой Франции и о «симпатиях к рабочим всего мира», нарком подробно остановился на каждой из претензий Кулондра. Они не раз затрагивали эти темы, но на этот раз нарком не останавливался на деталях, отметив, что в них не было ничего нового. Правда, вне протокола

он выразил желание о том, чтобы его коллеги реже говорили по этому поводу. Заставить их он не мог: одним из ораторов на эту тему был сам Сталин. «Если бы мы стали жаловаться на неприятные нам выступления во французском парламенте, то мы надоели бы», — сказал Литвинов. Нет смысла валить с больной головы на здоровую. Необходимо сосредоточиться на действительно важных проблемах, «не надо забывать, что весь мир признает, что он находится, может быть, накануне войны». Москва не «отказывается от сотрудничества с другими странами... эти страны все более враждебны нам и отклоняют сотрудничество [с нами]». «Мы не меняли курс своей внешней политики, — продолжил Литвинов, — а вот влиятельные круги Франции и Великобритании продолжают нападки на СССР. Это мы не можем игнорировать. Также Англия, с которой мы не имеем никогда никаких споров и конфликтов... искала бы сближения с нами, если бы этому не мешала социальная вражда к нам господствующих классов». Литвинов также напомнил: «С Францией у нас имеется еще больше общих политических интересов и общих врагов», однако французский истеблишмент забыл об этом в пылу вражды. Отчет Кулондра, направленный в Париж, хотя и заглушал раздражение Литвинова, как это бывало ранее, но не смог смолчать о горечи советской стороны от провала коллективной безопасности⁷¹.

12 марта, на следующий день после встречи Кулондра и Литвинова, Гитлер без единого выстрела присоединил Австрию, где немецкие войска были встречены восторженными толпами. 15 марта чехословацкий посол в Москве Зденек Фирлингер встретился с заместителем народного комиссара интел Потемкиным, чтобы рассказать очевидное: аншлюс породил «серьезную угрозу» для Чехословакии. По его словам, французское правительство информировало Прагу об обещании немедленной помощи в случае немецкой агрессии. Потемкину такое развитие событий показалось сомнительным, так как позиция Франции целиком зависела от Великобритании, полной сомнений. Фирлингер задал неизбежный вопрос: какова позиция СССР в данных обстоятельствах? Потемкин ответил, что вопрос во многом зависит от Франции. Если она, следуя условиям договора, «даст германскому агрессору прямой и действительный отпор, у Британии не будет иного выбора, кроме как последовать за ней». «Что касается Советского Союза, то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых им на себя международных обязательств»⁷².

13 марта для Москвы мелькнул луч надежды, когда Леон Блюм и Поль-Бонкур, немало сделавшие для установления дружественных франко-советских отношений, сформировали новое правительство. Однако два дня спустя советский посол Суриц на приеме у Блюма обнаружил последнего «буквально в паническом состоянии». Его, вне всяких сомнений, вызвала встреча с министром обороны, Даладье, генералом Гамеленом и другими военачальниками, которые заявили, что Франция ничем не может помочь Чехословакии, равно как и СССР. Эта неудача не остановила Поль-Бонкура: первым делом он информировал румынского посла о том, что Париж намерен начать переговоры с Бухарестом об условиях предоставления коридора для прохода Красной Армии⁷³.

17 марта Литвинов поставил вопрос о созыве международной конференции с целью обсудить возрастающую угрозу нацистской агрессии. Как он пояснил Майскому: «Я преследовал цель расшевелить немножко пацифистское обще-

ственное мнение, снять с нас ответственность за окончательный крах коллективной безопасности, несколько нейтрализовать вызванную процессом кампанию на тему о нашем ослаблении. Если, паче чаяния, общественному мнению удастся воздействовать на правительство Чемберлена в духе коллективного осуждения европейской проблемы – тем лучше. Вы не должны добиваться этого в официальном порядке». Это, по его мнению, могло помочь в определении позиции Великобритании⁷⁴.

Больше ничего не оставалось: британское и французское правительства отказались от советских предложений в силу уже традиционного пренебрежения к мнению Литвинова. Александр Кадоган, незадолго до этого занявший пост постоянного заместителя госсекретаря Великобритании вместо Ванситтарта, заметил, что советские заявления могут вызвать трудности в Палате общин: «Оппозиция заявит, что коллективная безопасность — это марш под знаменами храброго Литвинова». «Цель русских, — продолжал он, — ускорить войну в Европе и запутать нас. Они не будут участвовать в активных действиях без выгоды для себя, поскольку в конце концов (что весьма вероятно) надеются на мировую революцию. И раз уж это непосредственно касается нас, я думаю, нам необходимо только подтвердить получение [предложения Литвинова]. Если мы решимся на активные действия — примем блеф немцев — мы можем надеяться на поддержку России, в той или иной степени. Если же пойдем на поводу у Литвинова, я полагаю, что мы только ускорим конфликт⁷⁵».

Из корреспонденции Литвинова становится очевидно, что оценка ситуации Кадоганом была далека от истины. Литвинов в конце марта писал полпреду в Праге Александровскому, что он не слишком рассчитывал на успех. Гитлер мог напасть на Чехословакию с трех направлений, а чехословацкий президент Бенеш под давлением мог сдаться и пойти на уступки, что привело бы его страну к гибели. «Во всяком случае, в теперешнем окружении Чехословакия долго существовать не может... Аншлюс уже обеспечивает Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии». Тем не менее Литвинов, раздираемый внутренними противоречиями, интересовался позицией Румынии в постоянно повторяющемся вопросе о «коридоре» для Красной Армии. По всей видимости, в Бухаресте также взволнованно восприняли аншлюс. Но Литвинов сомневался, что король Кароль решится провоцировать Германию. Франция и Чехословакия настаивали на том, что Советский Союз должен внести свою лепту в вопрос их безопасности путем официального отказа СССР от требований на Бессарабию в обмен на пропуск советских войск на территорию Румынии, как будто сотрудничество с Советским Союзом не было в интересах королевства.

По мнению Литвинова, его зарубежные коллеги сами должны были добиться этого права. Возможно, министр иностранных дел Поль-Бонкур пытался это сделать, не поставив Москву в известность. Советское правительство все еще готово было обсудить сотрудничество с Бухарестом, «но не ценою отказа от Бессарабии». Румыния и прочие независимые государства центральной Европы должны были объединиться против Германии, ведь «разобщенные, они, конечно, будут подчинены германской феруле поодиночке». Это был трезвый аргумент, однако новый румынский министр иностранных дел Николае Петреску-Комнен

на встрече с Александровским по его пути в Москву в апреле сказал, что «Румыния, как малая страна, может вести лишь политику «ждать и наблюдать»⁷⁶.

Литвинов в то время был раздражен французскими нападками на советские вооруженные силы, ослабевшие в связи с репрессиями. Возможно, они били Литвинова по больному месту, но он считал, что «те еще обернутся против Франции, создав определенное настроение в Москве, которое будет неблагоприятно для разрешения разных ходатайств французского правительства». Он принимал в расчет заинтересованность Франции в советских противогازах, однако были и более важные вопросы⁷⁷. Раздражение Литвинова усиливалось неэффективностью системы «довольствий» Москвы, что только подогревало раздражение Литвинова. Он даже рекомендовал Сурицу прекратить соответствующие выплаты, если в ближайшее время подобные статьи не исчезнут с газетных полос⁷⁸.

Однако наиболее суровым критиком французской политики был не Литвинов, а Потемкин. В первых числах августа 1938 года, когда Блюм был еще премьер-министром, советский дипломат говорил: «Несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не изменяет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии... ни появление новых германских и итальянских войск на самой испано-французской границе... не заставили французов встрепенуться, одуматься и что-либо предпринять, хотя бы для самозащиты... Как и раньше, не отрывают глаз от Англии, в которой видят единственную надежную защиту. По-старому не хотят понять, что первое же проявление решимости, твердости и независимости французской внешней политики, как это было при Луи Барту, могло бы немедленно образумить зарвавшихся агрессоров, напомнить Великобритании об опасности ее собственной изоляции и ободрить к борьбе за мир все здоровые силы демократической Европы». Повторяя Сурица, Потемкин говорил, что Франция, если радикально не изменит курс, придет к «катастрофе». Что касается Чехословакии, то «в свете трусливой и пассивной внешней политики нынешнего французского правительства... нечего и думать, чтобы французское правительство пришло на помощь своему союзнику».

Раздражению Потемкина были и другие причины, ведь, по его словам, «активную помощь Гитлеру против Чехословакии оказывает Польша». Даже французский посол в Берлине подтверждал соучастие Польши: Варшава намеревалась занять район Тешина и заселить его поляками в случае падения Чехословакии. Германия, по всей видимости, поощряла «аппетит» Польши и толкала ее на конфликт с СССР. «Гитлер учитывает неизбежность разгрома Польши нашими войсками, — писал он. — Когда мы займем некоторые области Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны, фактически выполняя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и утрату национальной независимости». Тем не менее в планы внешней политики СССР это не входило. Потемкин рекомендовал Сурицу задействовать свои связи в кругах французских журналистов и начать кампанию в прессе, «разъясняя изменническую роль Бека [польский министр иностранных дел] и судьбу, ожидающую Польшу, если она и дальше

пойдет по пути, намеченному Гитлером». «Они играют с огнем, — делал вывод Потемкин, — так как в Польше также есть недовольные меньшинства»⁷⁹.

8 апреля новый кабинет, возглавляемый Даладье, сменил правительство Блюма. Представитель правых радикалов Жорж Боннэ сменил Поль-Бонкура на посту министра иностранных дел. Могли ли новости из Парижа быть хуже? «Я считаю Даладье, и в особенности Боннэ, менее расположенными к сотрудничеству с нами, чем даже Дельбоса», — писал Литвинов⁸⁰. Чехословацкий министр иностранных дел Камиль Крофта, тем не менее, считал, что Прага может рассчитывать на Францию и Британию. В Москве в это никто не верил, поэтому народный комиссариат иностранных дел распорядился вывезти архив советского полпредства из Праги⁸¹. Потемкин предупреждал Фирлингера, что ключ к позиции Франции — в Британии: если Чемберлен станет убеждать Париж ничем не раздражать Германию, с которой Лондон собирался вести переговоры, «французы не посмеют занять в чехословацком вопросе самостоятельную позицию», Гитлер сразу это заметит и осознает свою «безнаказанность». Фирлингер ответил, что Чехословакия будет отстаивать свою независимость с оружием в руках, хотя без поддержки Франции и СССР ее положение будет весьма тяжелым. Поэтому, когда Даладье встретился с Чемберленом в конце апреля, Фирлингер был воодушевлен. Потемкину же исход этой встречи не казался predetermined: не было никаких «объективных данных», подтверждающих готовность Британии противостоять немецкой экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе. И это еще было мягко сказано: Литвинов получил информацию, что «Чемберлен с самого начала категорически заявил, что Англия не может гарантировать теперешний статус-кво Чехословакии», несмотря на уступку Судет. Бенешу стало ясно, что требуются более далеко идущие жертвы. Война была бы бессмысленна, по мнению Чемберлена, и ЧСР была бы уничтожена прежде, чем подоспеет любая помощь. Фирлингер ограничился замечанием, что волей-неволей чехословацкому правительству приходится маневрировать и выжидать⁸². Информация Литвинова была точна. По мнению Боннэ, Прага была лоскутным одеялом, которое сшил Версальский договор. Она ничего не значила для Великобритании. «Никто не обязан умирать за то, чтобы ее защитить»⁸³.

6 мая Боннэ через посредника отправил сообщение в Берлин о том, что французское правительство «решило похоронить» франко-советский пакт. Боннэ и Даладье не стали тратить время на объяснения с американцами, почему Чехословакии ничем нельзя помочь. У Франции больше «не было козырей» для политических игр, равно как и оружия для открытой конфронтации с Гитлером. Вступить в войну «означало бы для Франции не что иное, как поражение и раздел». Именно поэтому «Франция не будет абсолютно ничего предпринимать» в случае германской агрессии против Чехословакии, как заявил вице-премьер Камиль Шотан. Пусть Великобритания принимает решения, а «Франция может только мутить воду...»⁸⁴.

13 мая Боннэ встретился в Женеве с Литвиновым и проинформировал того, что в ближайшие три месяца ситуация может существенно обостриться и Франция объявит о мобилизации. Его интересовали действия СССР, учитывая, что Польша и Румыния не давали согласия на предоставление «коридора»

для Красной Армии. «Советский Союз объявит мобилизацию? А что последует далее?» — постоянно спрашивали у него, и Литвинову эти вопросы уже порядком надоели, так как Третья республика не собиралась посвящать в свои планы. Литвинов мог и сам ответить в том же духе. Боннэ искал выход из сложившейся ситуации и надеялся, что СССР занят тем же. Однако Литвинов обстоятельно довел до сведения собеседника, что советское правительство не имело достаточного дипломатического влияния на пограничные государства, чтобы добиться права прохода по их территориям. Париж должен самостоятельно решить эту задачу. Он также заметил, что не считает себя достаточно компетентным в военных вопросах, но полагает, что абсолютно необходимо организовать встречу с чехословацким и французским военными штабами. Он указал Боннэ на то, что об этой необходимости было известно еще с 1935 года, но Францию это почему-то не интересовало. Боннэ счел ответ Литвинова «уклончивым», каковым он не являлся. Помимо Боннэ Литвинов встречался с Галифаксом и Комненом. Первого он предупреждал не сделать критическую ошибку, поверив обещаниям Гитлера и приняв их «за чистую монету». Германскому диктатору не было никакого дела до судетских немцев. Речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе. Англичанин принял аргументы Литвинова и признал их убедительность, однако не огласил их в Лондоне. Комнен, в свою очередь, придерживался мнения о необходимости провести консультации военных, но избегал конкретных действий. В то же время, согласно французским источникам, он яро и непреклонно вместе с Боннэ отстаивал идею о необходимости запрета Румынией предоставления коридора для Красной Армии. Записи Комнена были менее конкретными. Когда Боннэ спросил, пойдет ли Румыния на предоставление коридора для Красной Армии, Комнен ответил: «Этот вопрос слишком важен для того, чтобы дать однозначный ответ, несмотря на то, что «общественное мнение» было «категорически» против этого. Если вы хотите, чтобы Румыния вас поддержала, Франция и Великобритания должны вернуть утраченные позиции в бассейне Дуная»⁸⁵. Румыния осторожничала, однако весной она «разрешила переброску по своей территории воздушной и боевой сухопутной техники, предназначенной для Чехословакии»⁸⁶.

Действия правительства Чехословакии в мае, казалось, оправдывали заявления Фирлингера Потемкину. 19–20 мая оказалось, что немецкие войска сосредоточились по границам Чехословакии, поэтому 21 мая Прага распорядилась о частичной мобилизации для организации сопротивления. Гитлер был в ярости и поклялся уничтожить чехословацкую государственность. Британцы и французы были застигнуты врасплох и встревожились неожиданной перспективой войны. Английское министерство иностранных дел выслало инструкции своему послу в Берлине рекомендовать немецкому правительству «умеренность». Боннэ выслал такие же инструкции, но не в Берлин, а в Прагу. Литвинов, наверное, тоже не ожидал столь стремительного развития событий, но 25 мая выразил Фирлингеру свое одобрение мерами, которые приняла Чехословакия⁸⁷.

Даладье пригласил немецкого посла на ужин, чтобы побеседовать «как солдат с солдатом». Он рисовал ужасные картины войны: «орды казаков и монголов» вторгнутся в Европу. Даладье не вступил в союз с Чехословакией и «определенно

не был этому рад». Но «если Германия нападет на Чехословакию, французам придется вступить в бой, если они не хотят быть опозоренными». У Франции была одна линия поведения с Германией, другая — с Америкой и третья — с СССР⁸⁸.

Впоследствии Боннэ пригласил польского консула, чтобы определиться с позицией Варшавы в случае военных действий на территории Чехословакии. Польский ответ был резок: чехословацкое государство нежизнеспособно и является средоточием коммунистов. Варшава получит Тешин, если Германия оккупирует Судетскую область. В июне Литвинов отдал распоряжение Сурицу: «Мы хотели бы знать заранее, сможет ли Франция, в случае нашего решения, помешать интервенции Польши...» Нарком предложил организовать утечку информации в прессу, чтобы предостеречь поляков от опрометчивого шага. Даладье боялся польского удара в спину. Но Боннэ на неделю отсрочил заявление о том, что Франция не будет считать себя связанной узами договора, если польские войска вступят на территорию Чехословакии⁸⁹.

В первых числах июня Литвинов говорил, что «Гитлер... не будет затевать никаких авантур в Чехословакии», а попытается «выжимать» Бенеша, выбивая максимальное количество уступок посредством британской дипломатии. Существовало также мнение о нейтрализации чехословацкой проблемы по примеру Швейцарии, хотя Кулондр заявил, что Франции такой вариант не подходит. «Но мы ведь знаем, — возражал Литвинов с присущим ему сарказмом, — что пределы французскому сопротивлению ставятся в Лондоне»⁹⁰. Эти наблюдения были вполне точны; французы и британцы продолжали давить на Бенеша, выбивая уступки. Для этой цели в первых числах августа британцы отправили в Прагу бывшего министра лорда Уолтера Ренсимена.

В свете советского пессимизма по поводу англо-французских отношений Литвинов в июне отправил Александровскому сообщение с предупреждением о том, что советское правительство не должно предпринимать какие-либо действия относительно Чехословакии прежде Франции. Другими словами, советская помощь Праге должна была оказываться сообразно действиям Франции. «Мы, однако, считаем... что вопросы [о взаимной помощи] должны обсуждаться между представителями французского, чехословацкого и советского генеральных штабов. Напрашиваться мы с такими разговорами не будем, и Вам не следует возбуждать вопрос, а лишь разъяснять вышесказанное, в случае формального обращения к Вам». Однако Литвинов не ограничивал Александровского в свободе действий: «При том бешеном нажиме, который производится на Чехословакию со стороны Англии и Франции, Вы, конечно, должны укреплять дух чехословаков и их сопротивление этому нажиму». «Мы не поддержим решение чехословацкой проблемы силой оружия, — объяснял Литвинов, — мы вовсе не противопоставляем сохранение чехословацкой «политической независимости» и сокращение напряжения и предотвращение опасности вооруженного конфликта. В той же степени Советский Союз не принял бы предложения о нейтрализации Чехословакии, что приведет к отказу от неофициальной помощи как от Франции, так и от СССР»⁹¹. Эти инструкции были лишним напоминанием об осмотрительности, с какой должен был действовать советский полпред. СССР не собирался подставлять шею нацистской Германии, когда прочие государства не желали подставлять свои.

20 июля Боннэ вызвал чехословацкого посла Штефана Осуского, чтобы прояснить «французскую позицию» в вопросе безопасности Чехословакии. «Чехословацкое правительство должно твердо знать нашу позицию: Франция не вступит в войну из-за судетской аферы. Конечно, мы проинформируем общественность о нашей солидарности, как этого хочется чехословацкому правительству, но наша солидарность должна дать возможность чехословацкому правительству принять решение о мирном и почетном решении проблемы». В заключение Боннэ повторил, что «Чехословацкое правительство должно понять, что Франция, как и Великобритания, не вступит в войну. Важно, чтобы, несмотря ни на что, это стало ясно», — сказал он, выражая не вполне искреннее сочувствие. Разница между демаршем Боннэ и позицией Москвы огромна. На встрече с Сурицем четырьмя днями позже Боннэ не упомянул о своем разговоре с Осуским, сказав только, что правительства Франции и Великобритании оказывают «давление» на Прагу по поводу переговоров о судьбе судетских немцев. Француз говорил советскому послу, «что [мы] не мо[жем] навязать Праге соглашение, несовместимое с суверенитетом и грозящее расчленением Чехословакии»⁹². Неужели Боннэ считал Сурица слепым глупцом? Это заявление никоим образом не вязалось с реальной политикой Франции. В любом случае Литвинов предупреждал, что судетский вопрос был не более чем уловкой для прикрытия германских амбиций на господство; речь о правах меньшинств тут ни при чем. К сожалению, французы и британцы не слушали призывов Литвинова либо высмеивали, когда он «читал лекции». В сентябре французский МИД направил в правительство официальный протест о неуполномоченных действиях Боннэ⁹³.

В августе Литвинов выслал дальнейшие инструкции Александровскому: «Конечно, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток, но мы без западных держав вряд ли можем что-нибудь существенное предпринять, а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта. Нам неизвестно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным «друзьям» на необходимость привлечения СССР. Выступать нам при этих обстоятельствах публично и официально с критикой действий Англии и Франции значило бы вызвать обвинение в нашем стремлении сорвать их «мирную акцию» и в поощрении чехословацкой непримиримости, не принеся этим никакой пользы самой Чехословакии... Достаточно того, что я заявил об отсутствии с нашей стороны давления на Чехословакию и о предоставлении для нее полной свободы решений». Литвинов также беспокоился о польской интервенции, боясь, что Александровский мог увлечься, объясняя советскую точку зрения. Поэтому он напомнил Александровскому, что и сам Бенеш не хотел расширения советско-чехословацкого пакта, который мог бы замаскировать польскую агрессию: «... это не значит, что мы будем к этому относиться безразлично и что ни в коем случае не будем выступать против нее. Своим демаршем в Париже мы, кажется, сделали достаточно чувствительные предупреждения Польше. Мы, вероятно, и в дальнейшем не откажемся предпринимать необходимые шаги, чтобы Польша оглядывалась на нас в своих агрессивных намерениях против Чехословакии... Пакт о ненапа-

дении с Польшей, как Вы должны знать, содержит статью, в которой говорится, что, в случае агрессии одной из сторон против третьего государства, обязательства по пакту исчезают. Таким образом, в случае нападения Польши на Чехословакию пакт с Польшей нас связывать не может»⁹⁴.

Осторожность Литвинова все-таки должна быть расценена как показатель поддержки Чехословакии, в противовес сведениям, исходящим от Парижа и Лондона.

Москва могла только гадать, что в конце августа французы обещали чехословакам в случае немецкой агрессии. Александровскому от его доверенных лиц в Праге поступали различные слухи и намеки на «обещания» Франции, но Литвинов расценивал эти «обещания» мнимыми или, во всяком случае, преувеличенными с целью ускорить переговоры с Чехословакией о советской помощи. Таким образом, Литвинов не был информирован об июльском демарше Боннэ (на слова Осуского), а это означает, что чехословаки не все сообщали Александровскому. Французский посол в Праге Виктор де Лакруа докладывал, что Бенеш весьма эмоционально отреагировал на отчет Осуского о заявлении Боннэ, как оно, по всей вероятности, и было. Близкий союзник срочно направил бы эту информацию в Москву. Но чехословацкий министр иностранных дел только намекнул Александровскому 27 июля, он сказал, что Боннэ – «ужасный трус», который боялся каждого шороха. По мнению Крофты, было хорошо, что помимо Боннэ от имени Франции говорили и другие министры⁹⁵. Было бы хорошо, если бы они говорили на отличном от Боннэ языке. Лишь несколько французских политиков проводили конструктивный курс, их Суриц называл «белыми воронами»⁹⁶.

Бенеш не проинформировал Москву о демарше Боннэ, отчасти потому что боялся за слабеющую военную советско-чехословацкую взаимосвязь. Возможно, он хотел оставить пространство для маневра или же хотел сблизиться с Боннэ и удержать хрупкую коалицию (конечно, если ее можно назвать таковой), которая могла защитить его страну. Таким образом, он недооценивал Литвинова — тогда наиболее преданного союзника Чехословакии. Чехословацкий президент ни за что не приблизился бы к Москве ценой потери Парижа. Как он говорил еще в июле, перед демаршем Боннэ, его действия продолжали «зависеть» от Франции⁹⁷.

Литвинов все же не собирался сдаваться. 27 июля, в тот же день, когда Крофта встречался с Александровским, Литвинов беседовал с Кулондром в Москве. Разговор был таким же, как и сотни предыдущих, которые он вел со своими западными коллегами: «страны-агрессоры» были «хищниками», атакующими слабых. Покажи им штыки — и они быстро отступятся. По мнению Литвинова, немцы блефовали. Кулондр возразил, сказав, что это может быть и не так. Тогда нам необходимо «показать единый фронт и храброе сердце», ответил Литвинов⁹⁸.

29 июля, двумя днями позднее разговора Литвинова и Кулондра, Красная Армия вступила в бой с японцами на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан в Манчжурии, откуда не так далеко было до Владивостока. СССР был ничем не лучше подготовлен к ведению боевых действий, чем Франция или Великобритания: ему приходилось оборонять огромный сибирский фронт от японцев, одновременно разбираясь с внутренними беспорядками, вызванными сталинскими

чистками. Тем не менее относительно нацистской Германии внешняя политика СССР была твердой, по крайней мере, по сравнению с англо-французской.

22 августа Литвинов встретился с немецким послом, который попросил разъяснений по поводу намерений Москвы и западных государств в сложившейся ситуации. Непонятно, что случилось с обычно осторожным Литвиновым, но он ответил, что чехословаки «все, как один, будут бороться за свою независимость, что Франция при условии нападения Германии на Чехословакию немедленно вступит в войну, что Великобритания, нравится это Чемберлену или нет, не сможет оставить Францию без поддержки, да и мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией». Объяснением необычной для Литвинова агрессивности может быть раздражение на немецкого посла, пытавшегося возложить вину за нарастающее напряжение на Прагу, либо нарком просто блефовал в попытке запугать Берлин. Слухи о его заявлении дошли до Боннэ, которому вовсе не хотелось вступать в войну с Германией, поэтому он запросил разъяснений у Москвы. Французский поверенный в делах Пайяр подтвердил заявление Литвинова⁹⁹.

25 августа Боннэ встретился с Сурицем, чтобы лично получить разъяснения. Он полагал, что ситуация с Чехословакией была серьезной, и подтвердил, что позиция французского правительства останется неизменной: «если Германия вторгнется в Чехословакию, Франция будет следовать своим обязательствам». Сурицу такое заявление, наверняка, показалось хорошей новостью (действительно ли он в это верил?), однако Боннэ на встрече с Осуским ничего подобного не говорил¹⁰⁰. Прага об этом знала, а Москва — нет.

31 августа Боннэ повторил суть позиции Франции Пайяру и поручил ему узнать от Литвинова о намерениях советского правительства относительно Чехословакии в случае военных действий. Он говорил, что проблема с коридором оставалась, «несмотря на все мои попытки»¹⁰¹. Трудно сказать, что это были за попытки, если Боннэ пытался не провоцировать Польшу на переход в нацистский лагерь. Что касается Румынии, кажется маловероятным, чтобы он вообще что-либо предпринимал. Советские собеседники спрашивали у него, есть ли какая-либо весома причина, по которой они должны были верить его словам. В тот же день, когда он отослал инструкции Пайяру, Боннэ сказал британскому поверенному в делах, что, если Чехословакия не примет решения третейского суда, которое может быть предложено лордом Ренсименом, «тем хуже будет для них». Глава французского МИД был уверен, что немецкое правительство «не откажется принять справедливое британское предложение», но насчет Чехословакии он не был столь уверен. Еще не получив ответ от Пайяра, он уже жаловался британскому послу в Париже Эрику Фиппсу что ему уже «надоел» этот Суриц, «действующий по инструкции от М. Литвинова, чтобы показать более твердые позиции в Чехословакии...» После Боннэ сказал, «что единственным желанием России является затеять всеобщую войну, в мутных водах которой она будет искать выгоду»¹⁰². Это утверждение было широко распространено среди англо-французской правящей элиты и шло вразрез с попытками советской дипломатии под руководством Литвинова организовать мощный антинацистский альянс, чтобы обуздать Германию или нанести ей поражение в войне.

Пока Боннэ делился своими соображениями с Фиппсом, Литвинов в Москве отвечал на последние запросы Франции. Перед этим, 1 сентября, он запросил инструкций у Сталина. На следующий день Литвинов поставил Пайяра в известность о том, что, если Франция окажет поддержку Чехословакии, СССР выполнит свои обязательства с наибольшей тщательностью, используя каждую возможность для помощи. Что же касается вопроса о коридоре для Красной Армии, пока от Польши решения ожидать не приходится, а Румыния может быть более сговорчивой, если Лига Наций осудит Германскую агрессию большинством голосов. Необходимо проведение трехсторонних переговоров, и Литвинов заявил, что СССР готов в них участвовать. Он также вернулся к идее об англо-франко-советской конференции на высшем уровне, чтобы таким образом заставить Гитлера отступить от Чехословакии. Внося такие предложения, которые ничем не отличались от его слов полугодовой давности, он запросил предложения Франции, так как советское участие подразумевалось при условии французского вмешательства. Следуя ставшей уже обычной для Франции линии поведения, Пайяр уклонился от ответа. Литвинов не позволил Пайяру замолчать эту тему: «Гитлер основывает свои расчеты на двойных предположениях, что Франция выдвинется, только если решится Великобритания, но Великобритания не решится» («Hitler... fonde tous ses calculs sur la double hypothèse...»)¹⁰³. Эта фраза обобщала всю ситуацию, несмотря на то что Литвинов был слишком добр по отношению к Франции. Сомнительно, чтобы Даладье и Боннэ предприняли что-либо, если только под давлением общественного негодования вследствие чехословацкого сопротивления немецкой агрессии.

Когда Боннэ получил ответ Литвинова, он передал его в ином свете Фиппсу, который, в свою очередь, направил его в Лондон: «Боннэ уверен, что Россия вызывает намного больше осторожности... чем хочет для остальных». Как видим, это была проекция самого Боннэ на Литвинова, поэтому даже Даладье чувствовал себя обязанным ее скорректировать. Однако Даладье был ненамного целеустремленнее своего поверенного и вполне разделял кошмары Боннэ о «казаках», распространяющих революцию по территории Европы. Майский в Лондоне всерьез опасался того, что французское правительство попытается замолчать встречи Пайяра с Литвиновым в Москве, поэтому он сумел организовать утечку для Уинстона Черчилля, в то время рядового члена Парламента. Черчилль хотел остановить Гитлера в Чехословакии и поэтому направил послание Литвинова прямиком Галифаксу, который положил его под сукно. А даже если бы и не положил — Чемберлен был уверен, что сможет договориться с Гитлером. 8 сентября Майский встретился с Галифаксом, заявившим, что «бритпра ... заинтересовано в “мирном урегулировании” спора». «А разве вас не интересует цена?» — спросил Майский. Галифакс пожал плечами и заметил, что цена определяется обстоятельствами.

На следующий день английский министр иностранных дел рассказал французскому послу Шарлю Корбену, что его страна не готова к войне «из-за агрессии Германии по отношению к Чехословакии». Майский в своем дневнике написал, что в конце августа встретил бывшего премьер-министра от партии либералов Дэвида Ллойд Джорджа. «Ни бритпра, ни францпра, — писал советский дипло-

мат, — не дают ничего действительно эффективного для защиты ЧС от германской агрессии»¹⁰⁴.

Литвинов вернулся в Женеву в первых числах сентября, вскоре к нему присоединились Майский и Суриц. Первый встретился с Боннэ 11-го числа, правда неудачно. Французский министр информировал Литвинова о том, что направил его предложения в Лондон, где они были отвергнуты. Боннэ опять лицемерил, так как он искажил идеи Литвинова Фиппсу, а Галифакс действительно отверг их, получив их от Черчилля. Боннэ всю вину возлагал на Лондон. По воспоминаниям Литвинова, «Боннэ разводил руками, что, мол, ничего сделать нельзя». Такое поведение произвело слабое впечатление на Литвинова, у которого уже кончалось терпение. Он докладывал, что от собеседника не поступало никаких предложений и вел тот себя весьма скрытно¹⁰⁵. Министр, в свою очередь, утверждал, что Литвинов во время встречи был уклончив, пытаясь уйти от обязательств по отношению к Чехословакии. Опять-таки, Боннэ пытался спроецировать свое поведение на Литвинова.

Так как Кулондр мог услышать только версию Боннэ, он, встревоженный, отправился к Потемкину, который повторил для него советскую позицию. Фирлингер также встречался с Потемкиным, так как тоже слышал ту же версию от Кулондра. Потемкин постоянно повторял о советском желании организовать и участвовать в совещании штабов, по-прежнему отвергаемом Францией, о поддержке Чехословакии «совместно с Францией, оказать помощь Чехословакии всеми нам доступными средствами и путями». Французское правительство, добавил Потемкин, даже не информировало своих собственных коллег о встрече Пайяра и Литвинова. Фирлингеру следовало радоваться заверениям Потемкина, так как без согласия Сталина таковых бы не последовало¹⁰⁶.

Когда к середине сентября Боннэ вернулся в Париж, казалось, он был сломлен. По воспоминаниям Фиппса, у него, «казалось, совсем сдали нервы, он готов был на любое решение проблемы, чтобы избежать войны». Фиппс был настолько озабочен серьезностью ситуации, что отправился к Даладье, который подтвердил намерение Франции поддержать Чехословакию в случае нападения Германии. По словам Фиппса, сделал он это неохотно. Таким образом, Боннэ говорил одно, Даладье — другое. Чехословацкий посол в Лондоне Ян Масарик знал о переговорах Фиппса из собственных источников в британском МИДе и писал: «Боннэ заявил, что необходимо сохранить мир, даже пожертвовав ЧСР, и что Франция не готова и не хочет за нас воевать. Затем Фиппс говорил с Даладье, который был несколько решительнее, но не намного»¹⁰⁷. Последний понимал, что Франции необходимо сопротивляться, но у него не было уверенности в последствиях.

Боннэ был в ярости, виня во всем чехословаков, не желавших сдаться. «Боннэ выразил сильное раздражение поведением чехов, объявивших мобилизацию, не спросив у Франции, — докладывал Фиппс. — Поэтому он очень прозрачно намекал Бенешу, что Франция может пересмотреть свои обязательства по отношению к Чехословакии». Это был не намек. «Мы не готовы к войне», — оправдывая свое поведение глава французского МИД, — поэтому нам необходимо добиться наибольших уступок Германии по Судетам, и... это должно быть сделано вопреки желанию чехов и русских... И чем быстрее, тем лучше», — добавил Боннэ¹⁰⁸.

Вечером 14 сентября в средствах массовой информации появились сведения о том, что Чемберлен на следующий день вылетает в Бертехсгаден на встречу с Гитлером. Он не проинформировал о своих действиях ни французов, ни чехословаков, ни, конечно, СССР. Он был уверен в том, что сумеет убедить Гитлера и предотвратить войну. «Каково! — писал Майский в своем дневнике. — Глава Британской империи идет в Каноссу на поклон германскому «фюреру». Вот до чего докатилась британская буржуазия!» У Крофты реакция на события была примерно такая же: «покорная капитуляция», только англичане этого не видят, что касается французов: Боннэ, Лакруа, Франсуа-Понсе — все они «пораженцы». Комнен также расценивал встречу в Бертехсгадене как знак англо-французской слабости и демонстрации того, «как опасно» было идти по пути защиты Чехословакии. Литвинов предупредил Москву, что Франция, по всей видимости, сдала позиции. «Что Чехословакия будет предана, не подлежит сомнению; вопрос лишь в том, примирится ли с этим Чехословакия»¹⁰⁹.

Но пока было рано делать какие-либо выводы. После встречи Чемберлена и Гитлера 19 сентября Франция и Великобритания начали оказывать серьезное давление на Прагу, настоятельно рекомендуя уступить территорию в пользу Германии. В тот же самый день Бенеш вызвал Озурского, чтобы сообщить ему, что сопротивление бесполезно. Согласно записям посла, премьер-министр сказал: «Нельзя быть уверенным в том, добавил Боннэ, что Франция окажет помощь. Все зависит от того, насколько Англия будет солидарна с Францией. Он заявил, что, если г-н президент Бенеш не примет франко-английские предложения, Англия потеряет интерес к ЧСР и это будет иметь крайне серьезные последствия». В Женеве до Майского дошли слухи о том, что Озурский покинул набережную Кэ д'Орсе в слезах. Чехословацкий посол в Лондоне Масарик отреагировал иначе: проклиная Британию отборными выражениями. Когда французское правительство 19 сентября узнало об угрозах Боннэ по отношению к Чехословакии, в его рядах зародилось возмущение, которого, однако, не хватило для того, чтобы изменить внешнюю политику Франции. Оно единогласно проголосовало за поддержку англо-французского ультиматума Праге. Правда, на слове «ультиматум» настаивал Бенеш, а Франция и Англия предпочитали на нейтральное «советы». Вечером 20 сентября Бенеш пригласил к себе французского посла Лакруа, чтобы попросить у него текст англо-советского ультиматума, который якобы должен был быть оглашен после 2 часов дня 21 сентября, для того чтобы представить его своему кабинету министров. Не похоже, чтобы Александровский или даже Крофта были осведомлены о действиях чешского президента¹¹⁰. Когда известие об ультиматуме достигло Женевы, Майский заметил, что не представлял доселе, как низко могут пасть британцы и французы¹¹¹. Как бы то ни было, поведение самого Бенеша не внушало доверия ни в Москве, ни в Бухаресте.

Боннэ на одной из встреч с Фиппсом сказал, что СССР был «в ярости», однако, по-видимому, тогда он путал внешнюю политику с внутренними неурядицами. «Я не раз говорил, — писал Фиппс, — что, даже когда у советского правительства не было абсолютно никаких причин обострять отношения с Францией, оно никогда не пыталось помочь в прекращении различных забастовок, не останавливало своей губительной пропаганды о 40-часовой рабочей неделе. Было

бы интересно посмотреть, что же еще оно может сделать, будучи в ярости»¹¹². Даже рядовые собрания рабочих были делом рук СССР: со стороны это звучало как напыщенная речь в клубе за обедом и хорошим «Бордо», а не как серьезный комментарий.

19 сентября, в тот же день, когда у Озурского состоялся неприятный разговор с Боннэ, Бенеш пригласил Александровского, заручиться обещанием поддержки со стороны СССР в случае оказания таковой Францией. Помимо этого он спросил, может ли Чехословакия рассчитывать на поддержку СССР в Лиге Наций. На следующий день, 20 сентября, от Политбюро — а значит, от Сталина — поступил утвердительный ответ. Это произошло после возмущений во французском кабинете министров. Потемкин незамедлительно телеграфировал о решении Политбюро Александровскому, который в 7 часов вечера созвонился с Бенешем и сообщил ему ответ Москвы¹¹³. По всей видимости, заверения СССР не долго принимались Бенешем во внимание, так как вскоре он заявил, что чехословацкое правительство может принять тот ультиматум, который выдвинули Великобритания и Франция.

Согласно записям Фирлингера, «действия Франции характеризуют здесь как открытое предательство» даже в дипломатическом корпусе. «В Лондоне наибольшим трусом проявил себя Боннэ, который ссылаясь на недостаток авиации и нежелание СССР помочь нам. Со слов Фирлингера, Потемкин говорил, что франко-советский пакт становится бесполезным». «Очевидно, завтра Советы выступят с разоблачением мошенничества Боннэ»¹¹⁴.

Потемкин ссылаясь на речь Литвинова в Женеве 21 сентября, в которой повторялись основные положения, изложенные ранее Пайяру. Боннэ больше не мог их исказить. Резонанс от речи был небольшим, хотя присутствовавшие представители Великобритании осознали, что Боннэ искажал все советские предложения. Долтон... назвал Боннэ «безобразным лгуном». Именно тогда раздраженный Литвинов заявил британцам, что только у СССР «чисты руки» по отношению к Чехословакии¹¹⁵.

В тот же день, 21 сентября, Прага приняла англо-французский ультиматум, правда Бенеш пригласил Александровского, чтобы задать некоторые вопросы. Со слов Александровского, президент интересовался коридором для Красной Армии через Румынию и советской реакцией на известие о потенциальной угрозе польского вторжения в Чехословакию. На следующий день Потемкин встретился с Фирлингером, ибо «для нас представляется непонятным умолчание Бенешем о том, в какой степени считает он Чехословакию обеспеченной помощью со стороны Франции против германской агрессии, а именно — если Гитлер выдвинет Праге новые требования, что приведет к войне». «Я [Потемкин] напомнил Фирлингеру, что данный вопрос имеет для СССР капитальную важность». Оказывается, Бенеш поднимал на переговорах и вопрос о том, не желает ли Москва заключить чехословацко-советский пакт. По словам Потемкина, не было понятно, что движет чешским лидером, но такое предложение необходимо было серьезно обдумать. По всей видимости, ни Фирлингер, ни Потемкин вечером 20 сентября не знали о тайной капитуляции Бенеша. Фирлингер выразил надежду на такой ответ от советского правительства, который воодушевил бы Прагу¹¹⁶. Что можно было сделать для помощи Чехословакии, если Бенеш уже отказался от борьбы?

Москве казалось, что предполагаемые союзники постоянно спрашивают о намерениях СССР во время кризиса, в то же время отказываясь говорить о своих. Переговоры в Праге показывали, что Бенеш вел игру с Александровским и поэтому не информировал Москву о действиях Парижа, либо он действительно был соучастником в событиях, связанных с англо-французским ультиматумом от 21 сентября. Проблема, как и прежде, была в том, что без Франции советско-чехословацкий договор был бы неработоспособен. Возможно, французским политикам следовало действовать агрессивнее: довериться Москве, отправить в отставку Боннэ, как когда-то Лавала после попытки свергнуть правительство Даладье. Этого Бенеш не мог сделать из-за того, что был вовлечен в англо-французский ультиматум.

Тем не менее политические маневры продолжались, и СССР делал все, что мог, чтобы помочь Чехословакии. 22 сентября Крофта сообщил Александровскому, что польские войска подтягиваются к границам с Чехословакией. «Поэтому было бы хорошо, — предложил Крофта, — напомнить Варшаве о том, что советско-польский пакт о ненападении будет расторгнут в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию». В этот же день Суриц на встрече с Боннэ поднял вопрос о польских требованиях по отношению к Праге, но французский министр ушел от ответа. Тем не менее Потемкин в 4 часа утра 23 сентября вызвал польского поверенного и объявил ему, что в случае нападения Польши на Чехословакию СССР аннулирует советско-польский пакт о ненападении. Куллондра на встрече с Потемкиным интересовало, означает ли аннулирование пакта интервенцию СССР в Речь Посполитую? Потемкин ответил, что «в ноте об этом ничего не сказано, но это предупреждение Польше». Боннэ, напротив, искал «мирного решения» вопроса в аннексии Польшей Тешина без вооруженного конфликта¹¹⁷.

В то время как Польша вела себя подобно «младшему брату» Гитлера, Румыния занимала более конструктивную позицию. На встрече в Женеве Комнен известил британцев о том, «что в случае войны снабжение Чехословакии через территорию Румынии представляется вполне возможным». По его мнению, не должно возникнуть трудностей в получении разрешения, особенно в отношении авиапоставок. Он также указал на возможные трудности с поставками по северной части Румынии, однако был расположен помочь в случае вступления Великобритании и Франции в конфликт. По воспоминаниям румынского посла в Праге, Александровский сообщил Крофте, что Литвинов был доволен результатами переговоров с Комненом: нарком был «впечатлен» тем, что они только и делали, что искали наилучшую «формулировку, чтобы разрешить русским оказать поддержку». Польский посол в Лондоне, узнав об этих переговорах, писал: «Литвинов ожидал, что они соберутся все вместе на одной стороне и тогда дело будет в шляпе». В начале сентября советские самолеты пересекли территорию Румынии, хотя Комнен, при необходимости, был готов это отрицать¹¹⁸.

Готовил ли Литвинов дипломатическую почву под военные действия в случае выхода кризисной ситуации из-под контроля? Пытался ли Александровский оставить Чехословакию в игре? Неясно. Единственное, что можно сказать наверняка: СССР и Румыния были весьма осторожны, недоверчивы, особенно в условиях постоянных слухов о том, что Великобритания и Франция предали Прагу

и Чехословакии настал «конец». Немецкий министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп бахвалился перед румынским послом в Берлине тем, что никто не посмеет напасть на Германию. Сталин ничего не может сделать из-за Японии; а армия, убивающая собственных генералов, — добавил он — «вообще для нас не существует». Вне сомнений, немцы поощряли панику, особенно в Бухаресте, утверждая, что Чехословакия будет «раздавлена, как грецкий орех». Советская и Румынская помощь — «фантазии». Франция и Великобритания ничего не могут поделать. «Игра Бенеша» подошла к концу¹¹⁹.

Однако Красная Армия 21 сентября начала мобилизацию. Было приказано рассредоточить и нарастить военные силы на польских и румынских границах. Этот приказ касался 76 пехотных и кавалерийских дивизий, 3 танковых корпусов, 22 танковых и 17 авиационных бригад¹²⁰. Чехословакия начала мобилизацию 22-23 сентября, не получив запрета ни от Франции, ни от Великобритании, так как немецкие добровольческие корпуса начали сосредотачиваться в непосредственной близости от границы. В этот же день Чемберлен встретился с Гитлером в Годесберге, чтобы передать известие о капитуляции ЧСР, если Германии не предъявит к ней новых требований. 24 сентября Париж объявил о частичной мобилизации, Лондон объявил о мобилизации на флоте. Кризис все еще мог выйти из-под контроля.

Тем временем 22 сентября Фирлингер встретился с Кулондром в Москве после разговора с Потемкиным, который (по словам Фирлингера) сожалел, что Прага не запросила советской помощи независимо от франко-чехословацкого пакта о неофициальной помощи¹²¹. Неужели Потемкин хотел сказать, что советское правительство рассматривает односторонние действия? На следующий день Потемкин, узнав об откровениях Фирлингера Кулондру, попросил у него разъяснений. Фирлингер был пойман с поличным. Потемкин выразил свое «недоумение» тем, что чехословацкий посол так понял его слова на прошлой встрече. «Еще более смущаясь, Фирлингер признался, что вчера он говорил с Кулондром о нашей беседе, причем, желая-де дать понять французам, что Чехословакия может обойтись и без них, намекнул послу, что СССР, как будто, не прочь заключить с Чехословакией новый двусторонний договор». Кулондр же докладывал в Париж не об этом, а о возможной советской односторонней акции. Однако Потемкин не знал этого и высказывал ему свое мнение за искажение его взгляда на вопрос о советско-чешском пакте, который советское правительство даже еще не обсуждало. «Я [Потемкин] предупредил Фирлингера, что в предстоящем разговоре с Кулондром мне придется дать послу необходимые разъяснения на этот счет». Согласно Потемкину, «Фирлингер пришел в полное отчаяние. Он стал упрашивать меня ничего не говорить Кулондру, чтобы тот “еще больше не напутал” в данном вопросе». Через 15 минут после ухода Фирлингера он позвонил Потемкину и зачитал текст своей телеграммы в Прагу. Он говорил о неразберихе с телеграммами. Фирлингер, тем не менее, был пойман, ибо он уже не в первый раз предполагал, что СССР может действовать в одностороннем порядке. Что же до его утверждений о вероятности односторонней интервенции СССР, которые стали известны широким кругам, доступных доказательств этого нет¹²².

Французское правительство с трудом сохраняло свое единство — 5 членов кабинета министров угрожали подать в отставку: Рейнод, Мандел, Жан Зэй, Це-

зарь Кампинчи и Жан Шампетье де Рибе. Некоторые дипломаты с набережной Ке д'Орсе также безуспешно пытались твердо действовать по отношению к нацистской Германии. Как сказал Зэй, еще оставались крупницы «французского достоинства», но только крупницы¹²³. 23 сентября в московской прессе появились тревожные сведения о том, что на польской территории существует угнетенное украинское меньшинство. 24 сентября Кулондр отправил депешу в Париж, в которой советовал в условиях «неизбежности конфликта» «немедленно» принять предложение Литвинова о созыве совещания штабов. Не получив ответа, тремя днями позднее он телеграфировал вновь, добавив о намерениях Польши относительно Тешина. По мнению польского посла в Москве, Бек был убежден в пассивности Англии и Франции и «отсутствии желания остановить раздел Чехословакии только в пользу Германии». Такие же предупреждения поступали из французского посольства в Варшаве. Больше всего французского посла Леона Ноеля волновало то, что Польша могла перейти в немецкий лагерь и разразилась бы «идеологическая война». Польский посол в Берлине сообщал своему коллеге в Румынии, что рождается «новая Европа», основанная на расовом принципе и «национальной государственности». Сопrotивление «может быть смертельным». Ходили слухи, что у Боннэ случился нервный срыв, которым можно объяснить отсутствие ответа на рекомендации Кулондра о созыве совещания штабов вплоть до 28 сентября, и то уклончивого. «Боннэ не слишком впечатлен, — сообщал Фиппс, — перспективой поздней и ограниченной помощи от русских. Теперь он больше боится того, что Польша будет по другую сторону баррикад в случае войны»¹²⁴.

В это же время на улицах Парижа возникли беспорядки в связи с обвинениями правых против коммунистов в «провоцировании войны» и подготовке революции для установления «коммунистического режима». Даже в Праге правые обвиняли СССР в ответственности за чехословацкую капитуляцию. Потемкин распорядился опубликовать речь Литвинова в Женеве, чтобы опровергнуть эти обвинения¹²⁵.

К концу сентября СССР сделал все возможное для того, чтобы помочь Чехословакии. Литвинов оставался в Женеве, но его действия вызывали только академический интерес в правительствах Англии и Франции, которые пытались найти спасение от кошмарных вариантов развития событий. Они, однако, не горели желанием принять всю полноту ответственности за свои действия. Когда чехословацкий посол Масарик полемизировал с Галифаксом, последний сказал, что «Чемберлен был всего лишь почтальоном. В ответ на мое [Масарика] удивление и отрицательную реакцию на то, что английский премьер является почтальоном у убийцы и преступника, Галифакс, сильно смутившись, повторил: «К сожалению, это так».

Если Бенеш не сообщал Москве, что он оставлен Англией и Францией на произвол судьбы, это делал Масарик. Майский узнал о комментариях Галифакса в Женеве. «Комедия бежит рука об руку с трагедией», — писал он в своем дневнике¹²⁶.

В Париже Фиппс обобщил позицию: «Если немецкая агрессия не будет слишком жестокой, кровавой и длительной... чтобы привести в ярость француз-

ское общественное мнение до такой степени, что люди вообще потеряют голову, мысль о войне будет крайне непопулярна во Франции. Поэтому я думаю, что правительство Его Величества должно понимать крайнюю опасность даже намек на появление пусть разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны у нас в стране. Все лучшее, что есть во Франции, выступает против войны, почти любой ценой». Даже Галифаксу не понравилось упоминание «разрозненной, немногочисленной, но шумной группы в поддержку войны». Но Фиппс нисколько не ошибался, описывая взгляды, преобладающие среди французской элиты. Он защищался, говоря, что имел в виду, что «коммунисты уже месяцами получают деньги от Москвы на разжигание войны»¹²⁷.

В воскресенье 25 сентября в Женеве было относительно спокойно. Литвинов собрал у себя всех своих послов, чтобы задать неизбежный вопрос: «Ну, как, по-вашему, будет война или не будет?» Он предполагал, что Англия и Франция сдадутся, с чем был согласен Суриц, однако мнение остальных было иным: если Чехословакия будет сопротивляться, сражаться придется всем, включая Англию и Францию. «Устоят ли Чемберлен и Даладье, когда надо будет прямо сказать: война! Пожалуй, не устоят», — рассуждал Майский.

«Зная моих англичан, я склонен согласиться с вами», — отвечал он Литвинову. — Однако в нынешней ситуации имеются и не учитываемые факторы, которые в состоянии сыграть громадную роль, напр[имер] поведение чехов в минуту опасности...» В подсознании общественности засела мысль: что, если Бенеш сделает «что-нибудь безумное?» Если чехословаки будут сопротивляться, по соображениям Фиппса, будет трудно держать общественное мнение Франции под контролем дольше 10 дней. Боннэ же, тем не менее, был уверен, что Франция не будет воевать ни при каких обстоятельствах. Протестовать будут, наверное, только коммунисты¹²⁸.

В это же воскресенье Боннэ и Даладье встретились с Чемберленом, Галифаксом и прочими в Лондоне, чтобы обсудить недавние события и выработать стратегию поведения на ближайшее будущее. Даладье выступал в пользу противостояния дальнейшим требованиям Германии, но, в конце концов, сдался и пошел на поводу у Чемберлена. Майский лишь на следующий день узнал о встрече и о том, что Гамелен отправился в Лондон для получения резюме переговоров. «Боннэ... играет самую зловещую роль... настаивал на необходимости во что бы то ни стало избежать войны». Если верить дневнику советского посла в Лондоне, Даладье в общем и целом поддерживал Боннэ. Это косвенно подтверждается тем, что он не уволил того, не заставил его молчать. Даладье не раз говорил о том, что Франция выполнит обязательства перед Чехословакией; а Боннэ говорил, что Третья республика не может этого сделать. Согласно Майскому, Гамелен был оскорблен тем, что одним из доводов Боннэ в поддержку своей позиции была «честь французской армии». Гамелен настаивал на том, что если придется воевать, Франция выйдет в конечном итоге победительницей. У немцев не было времени для укрепления своей обороны, и «линия Зигфрида пока — лишь стена из мармелада». Таково вкратце то, что Даладье сказал во время встречи в Лондоне. Майскому это было прекрасно известно. Он также получил сообщение о том, что Чемберлен в беседе с представителями оппози-

ции охарактеризовал Гитлера как «честного человека», который сохранит мир после получения Судетской области. Артур Гринвуд и Клемент Эттли отнеслись к этим словам скептически.

— Читали ли вы «Мою борьбу» Гитлера? — спрашивали они.

— Да, читал, но я сверх того разговаривал с Гитлером, а вы нет! — со злостью ответил Чемберлен.

— Что, если Судетская область - не последнее требование Гитлера?

Чемберлен вновь раздраженно ответил:

— Я видел Гитлера и верю ему!¹²⁹

28 сентября Боннэ был на грани паники, обвиняя Бенеша в кознях против британского и французского правительств за то, что тот «всеми силами боролся за «превентивную войну»¹³⁰. Итак, сопротивление нацистской агрессии превратилось в стремление к «превентивной войне». Вскоре эта идея стала основным содержанием антикоммунистической пропаганды.

Позиция Бенеша была, конечно, более сложной — лидер небольшой страны, лавировавшей для выживания. По воспоминаниям Александровского: «Я все время ощущал, Бенешу в отношении советской помощи, так сказать, и хочется и колется прибегнуть к этому средству защиты интересов Чехословакии... В последних разговорах со мной [Александровским] он каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговоров как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции». Когда опасность отступала или же президент думал, что нашел «новый выход» из ситуации, «...он сразу же проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении... с самого начала и до конца целиком надеялся и все еще надеется достигнуть максимума возможного для Чехословакии на путях опоры на Англию и Францию, а о помощи СССР думает как о крайне самоубийственном для чехословацкой буржуазии средстве защиты Чехословакии от нападения Гитлера». Бенеш говорил, «... что он никогда не возьмет на себя ответственность за начало новой мировой войны», в которой Гитлеру суждено сделать первый выстрел из-за сопротивления чехов. Вполне возможно, эта мысль появилась после упреков Англии и Франции. «Насилие... начиная от Гитлера и кончая Даладье, — недостаточное основание для того, чтобы встать на дыбы и защищаться». Александровский говорил, что никогда не критиковал политику Бенеша, действуя только как посредник, он лишь передавал свои наблюдения в Москву. Его отчеты нельзя назвать критикой, скорее, это был добротный анализ той дилеммы, в которую попал Бенеш, начиная с 1935 года, которая только усиливалась его страхами распространения большевизма на Европу, что мешало ему защитить свою страну от посягательств Гитлера. Те же, кто мог бы поддержать Прагу, заметил Комнен после кризиса, должны были бы быть еще большими чехословаками, чем сами чехи¹³¹. Однако, к радости оппонентов, Бенеш не собирался затевать «чего-либо безумного».

Александровский готовил отчет в Москву как раз во время последнего акта раздела Чехословакии. Поощряемый англичанами и французами, Муссолини убедил Гитлера согласиться на четырехсторонние (исключая, конечно, СССР и Чехословакию) переговоры для преодоления кризиса¹³². Чемберлену представился шанс убедить всех в том, что он может вести переговоры с Гитлером. Утром

29 сентября он в третий раз отправился в Германию на самолете. На этот раз его целью был Мюнхен, где должна была состояться конференция. В кинохронике «Пате Газет» остался момент его отъезда. Воодушевленный, он быстро прошел к самолету на аэродроме Хэстон и с сияющими глазами обратился к собравшимся членам кабинета министров и своим сторонникам: «В детстве я постоянно повторял: если не получается, пытайся вновь, вновь и вновь. Этим я сейчас и занимаюсь. Когда вернусь, надеюсь, смогу сказать то же самое, что когда-то сказал Готспур в шекспировском «Генрихе IV»: «Мы выдернули этот цветок из зарослей крапивы, даже не обжегшись».

«Ура!» — ответила ему толпа провожающих. Во время взлета самолета премьер-министра голос за кадром говорит: «В добрый путь, мистер Чемберлен!»¹³³

Конец истории всем известен: в Мюнхене действительно было заключено соглашение, которое полгода спустя привело к исчезновению Чехословакии. Кинохроника «Пате Газет» показывает Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини ранним утром 30 сентября за подписанием Мюнхенского соглашения. На следующих кадрах мы видим довольного Чемберлена, наклонившегося к немецкому служащему, забирающему английские копии соглашения. Даладье, наблюдая эту сцену, резко разворачивается и уходит, видимо, не желая получать свою. Бросается в глаза отсутствие чехословацкого и советского представителей¹³⁴. Тем временем в Праге Бенеш просит совета у СССР, однако некоторое время спустя информирует Александровского о том, что принимает Мюнхенскую сделку. В дневнике Майского сохранилась запись о том, что в Лондоне он был свидетелем рыданий Масарика, сказавшего, что «они продали меня [Масарика] в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство в Америке». «Я крепко пожал ему руку», — вспоминал их последнюю встречу советский полпред.

Советскому правительству оставалось лишь оценить ущерб. В начале октября Литвинов по пути в Москву остановился в Париже. Он отказался от приглашения Боннэ заехать на Кэ д'Орсе, но заехал в советское посольство, чтобы поговорить о Мюнхенском соглашении. Торжествовал ли Боннэ? Не по отношению к Литвинову, но к Фиппсу, который, по всей видимости, вспомнил о своих давних и темных страхах: «Боннэ сказал мне, что намерениям СССР навязать Франции свою точку зрения на внешнюю политику не суждено было сбыться. Он улыбнулся при упоминании советской помощи в случае новой войны, относя исключительное мужество СССР к удаленности от поля боя». Боннэ продолжал переносить французские пороки на Советский Союз. По мнению Литвинова, Даладье можно было назвать героем, однако европейская пресса обожествляла Чемберлена. Подношения и последователи скапливались у его дверей, названия улиц меняли в его честь, его представили к награждению Нобелевской премией за сохранение мира. Литвинов об этом не говорил, но «Пате Газет» выпустила новую кинохронику Мюнхенской конференции, в которой голос за кадром воодушевленно говорил: «Четверо могучих мужчин собрались за одним столом... И воцарился мир в Европе!» Открытая машина Даладье проследовала через толпы парижан, из окон зданий развевались флаги, играла «Марсельеза», а на заднем сиденье машины сидел улыбающийся Боннэ¹³⁵.

Вернувшись в Москву, Литвинов был в ярости, причиной которой были действия Франции, страны, которая, согласно «Дневнику Москвы», (полуофи-

циальной еженедельной газете НКВД) даже не смогла сохранить достоинство на встрече в Мюнхене. Подобный комментарий лишь подтверждает, что Даладье еще в мае поддался немецкому послу, в то время как раздраженный Кулондр требовал извинений¹³⁶. Наблюдая за этой бурей в стакане воды, Литвинов, должно быть, думал: «У меня есть и более важные дела, а именно провал советской внешней политики в Европе и мое собственное будущее». Характеристика Великобритании из уст Москвы была столь же беспощадной. Кое-кто в советской столице вспомнил о другой фразе Генриха IV, которая говорила об «опасных... намерениях», «ненадежных ...друзьях» и «трусливых» подхалимах¹³⁷. Шутники среди британских дипломатов предлагали свой вариант слов Чемберлена: «Если не можешь проиграть сразу, летай вновь, вновь и вновь». Что касается поляков, «их игра слишком тонка», а Комнен заметил: это лишь «политика наудачу», которая может привести к нежелательному обращению на них внимания Гитлера. По словам одного из французских дипломатов, поляки подобны «упырям, которые в прошлых столетиях ползали по полям сражений, добывая и грабя раненых». «Стервятники», — охарактеризовал их Даладье¹³⁸. Хотя кто бы говорил.

Суриц писал, что Франция пережила второй Седан — второе катастрофическое поражение, что ему отвратительны веселящиеся толпы в Париже. Майский докладывал, что Чемберлен вполне уверен в себе и собирается «на дальнейшее отступление перед агрессором». Литвинов соглашался с этой точкой зрения, но не разделял мнение Сурица о том, что именно тотально пораженческое общественное мнение привело к Мюнхену. Сильное французское правительство могло бы повлиять на массовые настроения. «Верно то, — писал Литвинов, — что французское правительство ничего не сделало для разъяснения населению значения Чехословакии с точки зрения интересов и обороноспособности самой Франции». Франко-советский пакт — эта пустышка, которую Литвинов счел достойной заключить в 1935 году, разбилась вдребезги. Суриц докладывал, что радикалы, среди которых были и Боннэ, и Даладье, замыслили аннулировать его, как будто это подкупило бы Гитлера. Крайне правые и правые, чьи идеи были хорошо восприняты и центристами в французском правительстве, презирали саму идею франко-советского пакта, так как это подкрепляло и узаконивало «во Франции их главного и наиболее непримиримого врага — коммунистическую партию, тогда становится совершенно понятно, почему наряду с испанским вопросом главное давление со стороны правых на правительство проводится по линии нашего пакта, по линии отношений с СССР»¹³⁹.

В декабре 1938 г. Риббентроп посетил Париж для подписания франко-германского договора. Литвинов не представлял себе, какой ценой достался Франции визит Риббентропа, хотя, с присущим ему сарказмом, подозревал, что приезд немецкого дипломата «является бесплатным даром...», чтобы подкрепить позицию Боннэ и Даладье. Чем дольше они оставались у власти, тем лучше было для Гитлера, полагал Литвинов. Он даже подозревал Боннэ в «каких-то секретных заверениях и обещаниях», сделанных, конечно, не в письменной форме и без ведома членов кабинета министров¹⁴⁰. В Париже также ходили слухи о том, что Боннэ мог сказать Риббентропу. В частности, о том, что он мог предложить Гитлеру так называемую «свободу действий на Востоке» взамен на обещание оставить Францию в покое.

31 декабря 1938 года Литвинов вполне оправданно пожаловался на передовицу во французской газете «Тан», вне всяких сомнений вдохновенную Боннэ и подготавливающую почву для дальнейших договоренностей с Германией. По мнению Литвинова, у Боннэ не было на уме каких-либо иных задач, кроме «ликвидации» франко-советского и франко-польского соглашений. Возможно, он разрешил предоставить свободу действий на Востоке, но, согласно Литвинову, Боннэ просчитался, так как Гитлер не собирался давать чего-то взамен. Этого не требовалось¹⁴¹.

Корреспонденция Литвинова после неудачи, связанной с Мюнхеном, была мрачной. Однако, как показали события 1939 года, он не оставлял идеи всеобщего альянса против Гитлера. Последняя его попытка — в апреле 1939 года, когда он предложил Тройственный политический и военный союз Лондону и Парижу. И хотя французы поначалу заинтересовались, британцы отвергли советское предложение с обычным для них презрением. Это была последняя капля: 3 мая 1939 года Сталин отправил Литвинова в отставку¹⁴². Он, должно быть, полагал, что раз подход Литвинова не работает, нужно найти новый.

Политику СССР в течение Мюнхенского кризиса нельзя рассматривать в отрыве от неудач в вопросе о советской идее коллективной безопасности. Литвинов безуспешно настаивал на взаимодействии против нацистской Германии. Его курс был основан не на субъективном мнении; он был одобрен Политбюро, а следовательно — Сталиным. По сути, во второй половине 30-х не было вопросов в советской внешней политике, которые не решались бы генеральным секретарем¹⁴³. Когда Сам собирался менять курс, Литвинов пытался его переубедить. Когда в Москве с этим вопросом не могли определиться, Литвинов убедил Сталина принять ничего не стоивший договор 1935 года. Именно он получил одобрение Сталина в сентябре 1936 г. на возобновление попыток собрать антинацистскую коалицию. Он же отговорил Сталина от чрезмерно агрессивной политики по отношению к Испании. Литвинов, по всей видимости, убедил Сталина рассмотреть возможность переговоров штабов с французами в 1936—1937 годах, несмотря на оправданный скепсис последнего. Литвинов же получил сталинское одобрение на советскую позицию в поддержку Чехословакии в том виде, в котором он представил ее Пайяру 2 сентября 1938 года. Во всех этих делах Литвиновым двигали государственные нужды, какими он их себе представлял: нацистская угроза и необходимость организовать сильную коалицию, чтобы ей противостоять.

Изо всей секретной переписки и заметок Литвинова, упомянутых в данном очерке, только одно сообщение идет в русле марксизма-ленинизма. В 1936 году он предложил Сталину опубликовать статью в советской прессе, чтобы предупредить Францию. Сталин, должно быть, рассмеялся над неуклюжей попыткой Литвинова «говорить, как большевик». Возможно, Литвиновым двигала обычная и естественная идея: нельзя отступать перед лицом агрессора. Была и другая: враг моего врага — мой друг. «Белые вороны» в Париже поняли идею, как и задолго до этого короли Франции заключали союзы с османскими султанами. Цвет Третьей республики забыл о своей истории или предпочел не повторять ее.

А как же Сталин? Был ли он заложником идеологических догм или он не придавал значения различиям в «империалистических» противниках? Была ли его

подозрительность по отношению к французам основана на идеологических предрассудках или на долгом опыте взаимоотношений с их враждебным правительством? В ходе 1930-х Сталин был поглощен внутренней политикой и уничтожением политической оппозиции. Он был уверен в Литвинове — в той степени, в какой он доверял кому угодно, и позволял последнему говорить от лица советского государства. До сих пор были доступны только некоторые секретные директивы Сталина касательно внешней политики. Тем не менее нам известно, что советская внешняя политика была в высшей степени централизованной и даже незначительные вопросы выставлялись на повестку Политбюро. Исходя из расписания Сталина мы знаем, что Литвинов регулярно, хоть и не часто встречался со Сталиным, и очень часто — в период кризиса. У нас есть доступ к архивам Политбюро, в частности к протоколам заседаний по вопросам дипломатии. Сам Литвинов искренне верил в необходимость иерархии. Внешней политикой нельзя было заниматься на лету, а дипломатам в зарубежных столицах — говорить, что им вздумается. Советский Союз в 30-х годах искал точки соприкосновения исключительно в целях собственной безопасности. Его политика была всегда сдержанной в обстановке постоянной враждебности и опасности. СССР не искал пути к «изоляции». Литвинову необходимо было создать антинацистский альянс, и он постоянно продвигал эту идею. Парадоксально, но две европейские державы, так нуждающиеся в оружии, золоте и сильном союзнике, отвергли все предложения от такого потенциального союзника, который мог бы кардинально изменить баланс сил.

В начале 1938 года, накануне Чехословацкого кризиса, упорные попытки Литвинова создать антигерманский альянс потерпели сокрушительный провал. Становится понятной осторожность советского правительства во взаимоотношениях с Лондоном и Парижем, хотя Москва, как писал Литвинов Сурицу в январе 1938 года, все еще держала дверь открытой. В том году Литвинов несколько раз пытался помочь Чехословакии в вопросе обеспечения безопасности: в марте, июне, августе и сентябре¹⁴⁴. Вопрос о помощи в одиночку не стоял; это было обречено на провал, учитывая «испанский опыт». Эффективной система коллективной безопасности могла стать только в случае участия Англии и Франции, которое так и не состоялось. Тем не менее французское и британское правительства, как и множество западных историков и журналистов впоследствии, обвиняли Москву в вероломстве, измышлениях, интриганстве с целью оставить Францию и Британию наедине с Гитлером. Таким образом, преступник обвинял жертву своего преступления. Париж и Лондон утверждали, что Красная Армия не выдержит наступления из-за чисток 1937 года, которые означали упадок СССР. Они противоречили фактам. В июле и августе 1938 г. Красная Армия отразила японские атаки у озера Хасан на Дальнем Востоке, а в сентябре за 10 дней мобилизовала больше дивизий на румынской и польской границах, чем Франция — на германской. У Британии, конечно, не было армии, чтобы послать на помощь Франции, а та не собиралась выступать против Германии даже несмотря на то, что генерал Гамелен назвал укрепления на западных границах «стеной из мармелада».

Кроме того, существовал и польский фактор. Польша формально была союзником Франции, но заключила пакт о ненападении с Гитлером. Польская эли-

та питала отвращение к России и большевикам, пренебрежительно относилась к чехословакам. Польское правительство объявило о политике невмешательства в дела двух опасных соседей, однако на самом деле держалось курса нацистской Германии. Французы временами заговаривали о расторжении договора с Польшей, но так никогда не решились из-за боязни, что Польша в открытую перейдет на сторону Германии. Если бы началась война за Чехословакию, Красная Армия перешла бы в наступление на Польшу как на германского союзника и, нанеся ей поражение, распространила бы советское влияние на территорию Европы. Франция и Великобритания умышленно проглядели агрессивные польские намерения в надежде избежать худшего исхода, как минимум, для себя. Их кошмары об омерзительных близнецах — войне и большевистской революции — препятствовали защите как Чехословакии, так и всей Европы от нацистской Германии.

Итак, на ком же лежит ответственность за падение Чехословакии? В первую очередь — на Лавале, который разрушил франко-советский пакт, и Бенеше, который целиком зависел от Франции и принял губительные для страны условия мирного урегулирования конфликта. Литвинов предупреждал его не принимать эту сделку, но чешский президент не пошел на сближение с СССР без Франции, а последняя никогда не решилась бы на этот шаг. Таким образом, необходимый союз, брак «большевика» и Марианны, был несостоятелен изначально, несмотря на последующие попытки Блюма восстановить ситуацию. Великобритания также сыграла роль, так как ее МИД принял франко-советский пакт в сильно урезанной форме, и то неохотно. Когда СССР настаивал на переговорах штабов, а Блюм и его сторонники пытались продвигать эту идею, вмешался Иден, и движение прекратилось. А вскоре и Сталин внес свою лепту: возможно, он не предполагал, что его убийственная внутренняя политика может повлиять на международные отношения. Если дело было в этом, то Сталин глубоко заблуждался, так как чистки в верховном советском командовании стали хорошим предлогом для французского генералитета не вступать в тесные взаимодействия с Москвой, которые им в любом случае были не нужны.

Несмотря на неурядицы в стране, вызванные репрессиями, советская внешняя политика продолжала курс в защиту национальных интересов государства, а Красная Армия в сентябре 1938 года провела частичную мобилизацию. Начала бы Красная Армия военные действия в случае вступления в войну за Чехословакию Англии и Франции? Доступные в настоящее время материалы не позволяют дать однозначный ответ, но вопрос является спорным в любом случае. СССР не стал бы действовать в одиночку, а Франция и Великобритания не собирались вообще что-либо делать. Чехословакия могла бы попытаться выйти из положения, изначально рассчитывая только на свои силы. Но Бенеш не был тем лидером, который мог бы вести страну в этом направлении. У Чехословакии не было более опытного союзника, чем Литвинов. Великобритания, Франция и сам Бенеш боялись схватки. В этом деле, как сказал Литвинов, как бы ни отрицали на Западе, только у Советского Союза остались «чистые руки».

Опубликовано: Новая и новейшая история. 2012. №1. С. 44-81.

Сноски к главе

- 1 Галифакс – британской делегации в Женеве, № 54, 23 сентября 1938 / Документы британской внешней политики (далее: ДБВП), серия 3. Лондон: 1949–1957. Т. II. С. 480; Запись от 23 сентября 1938 г. / Майский И.М. Дневник дипломата. (Далее: Дневник). М., 2006–2009. Кн. 1. С. 277–280
- 2 См. Young R.J. *France and the Origins of the Second World War*. NY, 1996; Parker R.A.C. *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. London, 1993; Carley M.J. 1939: *The Alliance That Never Was and the Coming of World War II*. Chicago, 1999.
- 3 Pons S. *Stalin and the Inevitable War, 1936–1941*. L, 2002. P. 126 and *passim*.
- 4 Steiner Z. The Soviet Commissariat of Foreign Affairs and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives // *Historical Journal*, 1999, № 42. P. 751–79. Хотелось бы поблагодарить Зару за высланные ею мне фотокопии советских документов, которые были использованы при написании данной работы.
- 5 Ragsdale H. *The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. London - NY, 2004. P. xv; Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М., 2009. С. 140–151. См. также Roberts G. *The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler*. Bloomington, 1989. P. 85–93; Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39*. NY, 1984. P. 158–194; Dullin S. *Des hommes d'influences: les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris, 2001. P. 285–301; Uldricks T. J. *War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II* // *History & Memory*, 2009, 21. P. 60–82.
- 6 Charles Alphonse, French ambassador in Paris, nos. 444–46, 12 October 1934, Documents Diplomatiques Français [hereinafter DDF], 1re série. Paris, 1964–1984. Vol. VII. P. 718–19; АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации), Ф. 0136. Оп. 19, п. 164. д. 814, л. 166–170.
- 7 МАЭ [Ministère des Affaires étrangères, Paris], [ancienne série Z] Europe, 1918–1940, URSS, vol. 974, fol. 26.
- 8 АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 150–151; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. / Под. ред. Адибекова Г. – М., 2001. С. 322.
- 9 АВП РФ, ф. 082, оп. 18, п. 80, д. 1, л. 52–49.
- 10 Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). М., 1958. Т. XVIII. С. 292–93; Телеграмма Потемкина в НКВД от 20 April 1935 / Там же. С. 295–96.
- 11 ДВП. Т. XVIII. С. 296–97; Политбюро ЦК РКП(б)... С. 325, 326.
- 12 DDF, 1er, X, 384–85.
- 13 ДВП. Т. XIV. С. 306–309.
- 14 АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 112. л. 179–182; там же. п. 106. д. 16. л. 5–6; На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принимаемых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Под ред. Чернобаева А.А. – М., 2008. С. 160–161.
- 15 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений в 5 томах. М., 1973–1975. Т. III. С. 106–107; по истории советско-чехословацких отношений см. также Кен О.Н. Чехословакия в политике Москвы (1932–1939 гг.). «Россия XXI»: 1996, №№. 7–8. С. 52–70. № 11–12. С. 82–112; 1997, №. 1–2. С. 62–86.
- 16 АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, л. 184; DDF, 1er, X, 361–62; АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 106.
- 17 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 326.
- 18 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 163–166.
- 19 Советско-румынские отношения: документы и материалы в 2 тт. (Далее: СРО) М., 2000. Т. II. С. 18–19; Там же. С. 21–22; АВП РФ, ф. 0138, оп. 16, п. 122-а, д. 1, л. 31–30.

- 20 СРО. Т. II. С. 24–25; АВП РФ, ф. 082, оп. 18, п. 80, д. 1, л. 71–69.
- 21 СРО. Т. II. С. 39–44; Там же. С. 30–33; АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 74–77.
- 22 Там же, л. 96–99.
- 23 МАЁ URSS/977, ff. 175–76.
- 24 Sargent's minute, 4 May 1935, C3613/55/18, FO [National Archives of the United Kingdom, Kew, Foreign Office] 371 18838.
- 25 АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 106; МАЁ URSS/973, ff. 107–110; Ibid. URSS/1004, ff. 172–74.
- 26 Телеграмма французского посла в Лондоне Шарля Корбена № 110 от 8 февраля 1935 г. (МАЁ URSS/972, ff. 116–19).
- 27 Tabouis G. They Called Me Cassandra. NY, 1942. P. 207.
- 28 АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 95, д. 4, л. 53–63; там же, оп. 15, п. 103, д. 1, л. 3–8, 65–67. О польско-чехословацких отношениях см. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939. М., 2004.
- 29 АВП РФ, ф. 082, оп. 15, п. 80, д. 1, л. 68–67.
- 30 Там же, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 15–16.
- 31 Sargent's minute, 19 Feb. 1935, C1339/55/18, FO 371 18826; C4694/55/18, FO 371 18846.
- 32 FO 371 19460, N6304/135/38.
- 33 МАЁ URSS/978, ff. 195–97; АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 133–41.
- 34 Там же. Л. 17–18; Там же. С. 7–13.; там же. Оп. 16. П. 154. Д. 730. Л. 15–13.
- 35 N2418/22/38, FO 371 16319.
- 36 АВП РФ, ф. 05, оп. 5, д. 89, п. 21, л. 7–9, 10–11, 1, 21; РГАСПИ, ф. 359, оп. 1, д. 7, л. 95; АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 110; N1404/75/38, FO 371 14860; C4517/18/17, FO 371 20686; Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936 / Ed. L.T. Lih. – New Haven, 1995. P. 174–75.
- 37 АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 18–11, 27–19.
- 38 Там же, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 16, л. 35–37; СРО. Т. II. С. 34–38.
- 39 АВП РФ, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 2–3, 4–6.
- 40 Там же, ф. 05, оп. 15, п. 106, д. 30, л. 33; там же, ф. 082, оп. 18, п. 80, д. 1, л. 101–100.
- 41 Там же, ф. 0136, оп. 19, д. 814, п. 164, л. 119–22; Documents on German Foreign Policy [далее DGFП], series C, vol. IV. Washington, 1959–1983. Pp. 255–56, 493–96, 925–26.
- 42 SRO, I, 58–59; and Robert Coulondre, French ambassador in Moscow, no. 20, 8 Jan. 1937, МАЁ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1937.
- 43 Советско-американские отношения: годы непризнания, 1927–1933. М., 2002. С. 748–749. А также различные документы в сб. «Советско-американские отношения, 1934–1939» (М., 2003).
- 44 АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 108, д. 47, л. 32–33; там же оп. 15, п. 103, д. 1, л. 95–96.
- 45 Там же, ф. 0136, оп. 19, п. 164, д. 814, л. 82–83.
- 46 Там же, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 1, л. 31–32, 43, 56–60; ДВП т. XIX, с. 98–99; АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 114, д. 1, л. 31–32, 43, 56–60; ДВП т. XIX, с. 98–99; АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 118, д. 44, л. 19–21.
- 47 N880/20/38, FO 371 20339; Carley M. J. A Fearful Concatenation of Circumstances': The Anglo-Soviet Rapprochement, 1934–1936 / Contemporary European History, 1996, Vol. 5, No. 1. P. 29–69.
- 48 АВП РФ, ф. 05, оп. 05, п. 106, д. 16, л. 106; там же, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 84–79, 10–9; там же, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 84–79, 124–120, 10–9.
- 49 Там же, ф. 05, оп. 16, п. 116, д. 22, л. 38–39; «На приеме у Сталина», с. 191–193; о. 16, п. 116, д. 22, л. 38–39; Carley M. J. Caught in a Cleft-Stick: Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War // The International Context of the Spanish Civil War. – Cambridge, 2009. P. 151–180.

- 50 DDF, 2e, III, 329–31.
- 51 AMAE (Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, Bucharest), fond 71 (1920–1944), URSS, vol. 84, ff. 4–5; DDF, 2e, III, 552–53, 570–71; SRO, II, 110–11; также хотел бы поблагодарить свою помощницу Елену Лавинию Попицу, которая нашла и перевела для меня ряд румынских документов.
- 52 АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 175–172.
- 53 Там же, л. 24–23.
- 54 “Notes on the Attitude of the French General Staff towards the Franco–Soviet Pact,” F. G. Beaumont Nesbitt, nd (but October 1936), C7262/92/62, FO 371 19880.
- 55 АВП РФ, ф. 0136, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 185–189.
- 56 Там же, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 14–13; AN [Archives Nationales, Paris], Papiers Schweisguth, 351AP/3.
- 57 ДВП, XIX. С. 428–429; C3620/532/38, FO 371 20702; C3685/532/62, *ibid.*; C3910/532/62, *ibid.* См. тж. Jansen S. Pierre Cot. Un antifasciste radical. Paris, 2002. ff. 294–307, Carley, 1939, 22–25; Carley M. J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // *Diplomacy & Statecraft*, 2006, Vol. 17, No. 2. P. 322–27.
- 58 C8880/532/62, FO 371 20702.
- 59 АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 7–4; там же, ф. 05, оп. 17, п. 135, д. 109, л. 35.
- 60 Там же, ф. 0138, оп. 18, п. 126, д. 1, л. 31–28, 36–35.
- 61 Там же, ф. 05, оп. 17, п. 128, д. 24, л. 58–61; там же, ф. 0136, оп. 21, п. 109, д. 839, л. 4–3.
- 62 Carley M. J. Episodes from the Early Cold War, Franco–Soviet Relations, 1917–1927. // *Europe–Asia Studies*, 57, 7 (2000). P. 1278; Carley M.J. Soviet Eye. P. 319–20; АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 839, л. 12–9; там же, оп. 20, п. 167, д. 828, л. 180–182; Lacroix-Riz A. Le choix de la défaite. Les élites françaises dans les années 1930. Paris, 2006. S. 173–78.
- 63 Vidal G. Le PCF et la défense nationale à l’époque du Front populaire (1934–1939) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 2004, № 215. ff. 47–73.
- 64 АВП РФ, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 837, л. 22–19; DDF, 2e, VII, 433–35.
- 65 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 26, л. 1–4.
- 66 Там же, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 839, л. 58–53; там же ф. 05, оп. 17, п. 128, д. 24, л. 70–71, отрывок из письма французского посла в Париже Штефана Осуцкого; Документы по истории мюнхенского сговора (далее: ДИМС). М., 1979. С. 19–20; Майский И.М. Ук. соч. Кн. 1. С. 190–195; AMAE, f. 71/France, vol. 3, fol. 6.
- 67 Майский И.М. Ук. соч. Кн. 1. С. 165.
- 68 АВП РФ, ф. 011, оп. 1, п. 8, д. 76, л. 186–180; там же, ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 839, л. 63–59.
- 69 Там же, ф. 011, оп. 2, п. 17, д. 165, л. 12–10.
- 70 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 26, л. 10–13.
- 71 Там же, ф. 0136, оп. 22, п. 172, д. 863, л. 75–78; DDF, Vol. VIII, ff. 772–74; *Ibid.* Vol. VII, ff. 550–52.
- 72 АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 13–15.
- 73 ДВП, т. XXI, с. 126–27; DDF, Vol. VIII, ff. 824–31; AMAE, f. 71/France, Vol. 3, ff. 27–29.
- 74 АВП РФ, ф. 011, оп. 2, д. 17, п. 11. Л. 29–28.
- 75 Cadogan’s minute, 17 March 1938, C1935/95/62, FO 371 21626.
- 76 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 4–7; там же, ф. 05, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 15–19; ДВП, т. XXI, с. 96–97.
- 77 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 20–23.
- 78 Там же, л. 36–34.
- 79 Там же. Л. 25–30. Данная телеграмма опубликована также в ДИМС (с. 80–83), но послед-

ний абзац о Польше там опущен.

- 80 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 140, п. 26, л. 22–24.
- 81 ДВП, т. XXI, с. 161–64; АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 23.
- 82 Там же, л. 25–26; там же, л. 27–28; там же, оп. 18, д. 140, п. 26, л. 32–33.
- 83 Foreign Relations of the United States, 1938 [далее: FRUS, 1938]. Vol. I. P. 500–04; University of Birmingham, N. Chamberlain Papers, NC18/1/1042, Chamberlain to his sister Ida, 20 March 1938.
- 84 DGFP, D, Vol. II, S. 257–60; FRUS, 1938, Vol. I, p. 493–95; *ibid.*, pp. 500–04.
- 85 ДВП, т. XXI, с. 262–63; АВП РФ, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 166, л. 11–13; FRUS, 1938, Vol. I, pp. 500–04; DDF, Vol. IX, ff. 671–73; AMAE, f. 71/URSS, Vol. 85, ff. 217–20.
- 86 AMAE, f. 71/Romania, Vol. 102, fol. 116; *ibid.*, ff. 170–71; Cf., Ragsdale, Munich Crisis, pp. 83–86, 148.
- 87 DDF, Vol. IX, ff. 815–16; *ibid.*, ff. 825–26; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13.
- 88 DGFP, D, Vol. II, s. 326–28.
- 89 ДИМС, р. 132; Carley, 1939, pp. 42–44.
- 90 АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, д. 1, л. 33–34.
- 91 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 16–18; Cf., Steiner, Crisis, p. 758.
- 92 DDF, Vol. X, ff. 437–38; ДВП, т. XXI, с. 387–89.
- 93 Carnets secrets de Jean Zay (Paris, 1942), entry of 19 Sept. 1938, 6.
- 94 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 24–27; Cf., Steiner, Crisis, pp. 759–60.
- 95 АВП РФ, ф. 05, оп. 18, д. 149, п. 166, л. 30–32; DDF, Vol. X, ff. 445–48; *ibid.*, ff. 450–51; ДВП, т. XXI, с. 402–05.
- 96 АВП РФ, ф. 011, оп. 2, д. 17, п. 165, л. 105–91.
- 97 DDF, Vol. X, ff. 467–68.
- 98 *Ibid.*, ff. 519–20.
- 99 ДИМС, с. 174–75; DDF, Vol. X, f. 843; *ibid.*, ff. 874–75.
- 100 *Ibid.*, f. 840.
- 101 *Ibid.*, ff. 899–900.
- 102 DBFP, Vol. II, ff. 194; *ibid.*, ff. 219–20.
- 103 Steiner, Crisis, p. 763; «На приеме у Сталина», с. 239; ДВП, т. XXI, с. 470–71; DDF, Vol. X, ff. 934–35.
- 104 DBFP, Vol. II, ff. 255–56; *ibid.*, ff. 269–70; Майский И.М. Дневник. Кн. 1. С. 251, 267–68; Carley, 1939, p. 51–55.
- 105 ДВП, т. XXI, с. 487–88.
- 106 АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 45–46; ДИМС, с. 215.
- 107 DBFP, Vol. II, ff. 309–312; ДИМС, с. 211–12.
- 108 DBFP, Vol. II, ff. 323.
- 109 Майский И.М. Дневник. Кн. I, с. 270–71; AMAE, f. 71/Romania, Vol. 103, fol. 124; ДИМС, с. 213–14; AMAE, f. 71/Little Entente, Vol. 29, fol. 28.
- 110 ДИМС, с. 235–36; DDF, Vol. XI, ff. 347–48; Майский И.М. Дневник. Кн. I, с. 273–74; DDF, Vol. XI, ff. 361; *ibid.*, f. 394; *ibid.*, ff. 397–98; ДИМС, с. 244–45.
- 111 Майский И.М. Дневник. Кн. I, с. 275–76.
- 112 Phipps, no. 605 saving, 20 Sept. 1938, C10251/5302/18, FO 371 21777.
- 113 ДВП, т. XXI, с. 498–499; Политбюро ЦК РКП(б), с. 363–364; ДВП, т. XXI, с. 500; ДИМС, с. 244.
- 114 Там же, с. 240–41.
- 115 Майский И.М. Дневник. Кн. I, с. 276–80.

- 116 Международная жизнь, 1988, № 12, с. 119–32; АВП РФ Ф. 0138. Оп. 19. Д. 128. П. 1. Л. 69–70. Историографический комментарий данных событий можно найти в Carley M. J. Soviet Foreign Policy in the West, 1936–1941. // Europe–Asia Studies, 2004, Vol. 56, # 7, pp. 1081–92.
- 117 ДВП, т. XXI, с. 515–16; там же, с. 516–17; DDF, Vol. XI, ff. 486–87; *ibid.*, ff. 501.
- 118 Herbrand Edward, Earl de la Warr, Lord Privy Seal (Geneva), no. 52, 15 Sept. 1938, C9953/5302/18, FO 371 21776; AMAE, f. 71/Romania, Vol. 103, ff. 152–53; FRUS, 1938, Vol. I, p. 652–54; AMAE, f. 71/Romania, Vol. 103, fol. 61.
- 119 AMAE, f. 71/special files, Vol. 343, fol. 12; *ibid.*, fol. 21; *ibid.*, ff. 34–35.
- 120 Ragsdale, Munich Crisis, p. 111–26.
- 121 ДИМС, с. 265; DDF, Vol. XI, ff. 446–47.
- 122 АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, д. 128, п. 1, л. 71–72; ДИМС, с. 204–05.
- 123 Meltz R. Alexis Léger, dit Saint-John Perse. Paris, 2008. Ff. 518–26; Carnets secrets de Jean Zay, 21–22 Sept. 1938, ff. 7–9.
- 124 Coulondre, nos. 718–19, 720, 724–27, 23, 24, & 27 Sept. 1938, МАЭ, Bureau du chiffre, Télégrammes à l'arrivée de Moscou, janvier 1938–23 août 1939, Bonnet to Coulondre, no. 555, 28 Sept. 1938, *ibid.*; Djuvara, no. 38206, 22 Sept. 1938, AMAE, f. 71/special files, Vol. 343, ff. 36–38; and DBFP, Vol. II, p. 489.
- 125 DBFP, Vol. II, p. 509–10; *ibid.*, p. 510.
- 126 ДИМС, 284; Майский И.М. Ук. соч. Кн. I. С. 280–83.
- 127 DBFP, Vol. II, p. 510; *ibid.*, p. 535; *ibid.*, p. 543–44.
- 128 Майский И.М. Ук. соч. Кн. I. С. 283–84; AMAE, f. 71/special files, Vol. 343, fol. 27; DBFP, Vol. II, p. 509–10; FRUS, 1938, Vol. I, p. 620–21.
- 129 Майский И.М. Ук. соч. Кн. I. С. 284–85. Cf., DBFP, Vol. II, ff. 520–41; ff. 575–76.
- 130 *Ibid.*, ff. 588.
- 131 ДИМС, с. 326–37; AMAE, f. 71/Little Entente, Vol. 29, fol. 116.
- 132 Meltz, Alexis Léger, p. 525.
- 133 Pathé Gazette, URL: www.britishpathe.com/record.php?id=20737.
- 134 *Ibid.*, URL: www.britishpathe.com/record.php?id=50545.
- 135 ДВП, т. XXI, с. 555–56; Phipps, no. 645, C11379/5302/18, FO 371 21778; Pathé Gazette, URL: <http://www.britishpathe.com/record.php?id=20746>.
- 136 АВП РФ, ф. 0136, оп. 22, д. 172, п. 863, л. 9–10.
- 137 Спасибо профессору Роберту Джонсону из Университета Торонто за то, что он обратил мое внимание на этот советский ответ.
- 138 The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946 / Ed. Kenneth Young. - London, 1973. Vol. I, pp. 399, 402; AMAE, f. 71/Romania, Vol. 259, ff. 96–100; FRUS, 1938, Vol. I, p. 667–69.
- 139 АВП РФ, ф. 011, оп. 2, д. 17, п. 165, л. 201–192; там же, л. 11, п. 17, л. 83–76; там же, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 75–76; там же, л. 72, п. 165, л. 229–222; там же, л. 255–238.
- 140 Там же, ф. 05, оп. 18, д. 148, п. 158, л. 88–90.
- 141 Там же, л. 100–03.
- 142 Carley, 1939, гл. 4.
- 143 Khlevniuk O.V. Master of the House: Stalin and His Inner Circle. New Haven, 2009. P. 251.
- 144 На приеме у Сталина, с. 228–239.

Общественная палата
Российской Федерации
CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION

www.oprf.ru